

В. М. СОЛОВЬЕВ

**СОВРЕМЕННОКИ
И ПОТОМКИ
О ВОССТАНИИ
СТ. РАЗИНА**

**МОСКВА
1991**

ББК 63.3(2)46 С 60

Утверждено
Редакционно-издательским советом Университета

Ответственный редактор —
доктор исторических наук **Е. В. Чистякова**

Рецензенты —
доктор исторических наук *А. В. Манько*,
кандидат исторических наук *О. А. Омельченко*

Соловьев В. М.

С 60 Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. — М.: Изд-во УДН,
1991.— 168 с.

ISBN 5-209-00401-5

Историография крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина неотделима от истории общественной мысли России. О том, какими представлялись события 1667—1671 гг. и их участники современникам, как воспринимали Разина и возглавленное им движение выдающиеся дореволюционные и советские историки, рассказывается в этой книге. Центральное место в ней принадлежит советской историографии восстания. Автор прослеживает, как в легендах и преданиях жил и передавался из поколения в поколение дорогой русскому сердцу образ народного бунтаря.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{0503020200 - 019}{093(02) - 91}$ 16 - 91

© В. М. Соловьев, 1991 г.

OCR – Aspar, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Ранние отклики	
Грозный призрак мятежа. (Освещение событий 1667—1671 гг. в XVIII — первой половине XIX в.)	
Эта трагическая борьба... (Трактовка восстания в середине XIX — начале XX в.)	
Советская историография крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина вчера, сегодня, завтра	
Разинское движение в трактовке зарубежных историков	
Прикосновение к истории	
Заключение	
Примечания	
<i>Литература</i>	

ВВЕДЕНИЕ

Крестьянская война под предводительством Степана Разина относится к числу тех событий, которые не тускнеют в дымке времени, интерес к ним не только не угасает, но, наоборот, возрастает. Разгадка тут проста: на драматических поворотах истории возникает желание соотнести их с другими переломными эпохами и альтернативными ситуациями, выверить настоящее по минувшему, найти в прошлом корни тех проблем, которые нас волнуют и тревожат теперь. Это естественно. Так было и так будет всегда.

Из поколения в поколение передавали люди реальные и баснословные подробности о народном заступнике «батюшке» Степане Тимофеевиче и его «детушках». И неизвестно, кто больше волновал народные думы и будоражил умы — подлинный, исторический Степан Разин или былинно-песенный Стенька.

Россию и ее историю просто невозможно представить себе без могучей фигуры Разина, он как бы вошел в плоть и кровь русского народа, однако и людям XVII—XIX столетий, и нам сегодня пока так и не удалось исчерпывающе ответить на вопрос, чем же объяснялось столь мощное влияние этого человека. Почему он вечно современен? Почему будил, «провоцировал» бунтарскую мысль?

Быть может, потому, что Разин — подлинный, общенациональный герой? Народ, у которого есть такие сыны, как Разин, чувствует свою силу, духовную общность и крепость. И пусть время от времени в науке, литературе, искусстве по разным причинам происходило снижение понятия о герое и героическом, его практическая девальвация, ореол вокруг притягательного имени Разина не мерк, образ бесстрашного борца и заступника бережно сохранялся в сердцах.

Список людей, обращавшихся к изучению или художественному отображению личности Разина и возглавленного им восстания, довольно велик. Он включает десятки замечательных имен...

История изучения крупнейшего в крепостнической России восстания неотделима от развития отечественной общественной мысли, от более чем трехвековой идейной борьбы разных классов, группировок, течений, для одних из которых разинское движение было воплощением великой силы и вольнолюбивых устремлений народа, для других — грозным призраком из прошлого. Свое видение и понимание разинского движения выразили, декабристы и народовольцы, консерваторы-крепостники и либералы, виднейшие предшественники российской социал-демократии и пролетарские революционеры. И из века в век научные и публицистические взгляды, на выступление Разина чаще всего неизбежно приобретали политическую окраску и социальную остроту, вписывались в исторический контекст своего времени и воспринимались не как нечто

далекое и давно отгоревшее, но как актуальное и злободневное. Ведь одна за другой прогремевшие по России крестьянские войны оказывали долговременное влияние на общественную жизнь страны, воздействовали на ее социально-экономическое и культурное развитие.

Разину и «разинщине» посвятили немало страниц титаны исторической науки прошлого столетия С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров, а также их многочисленные, пусть менее именитые, но плодотворно работавшие коллеги.

Обширная историография крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина сложилась в советское время. Советские историки не только энергично разрабатывали эту тему, но и сделали серьезные обобщающие обзоры научного наследия по ней. Первый опыт в этом плане принадлежит Б. Н. Тихомирову. Его компактный экскурс в историю изучения восстания С. Т. Разина охватывает основные труды как дореволюционных, так и первых советских историков¹. Любопытные историографические наброски содержатся в вышедшей в начале 30-х годов уникальной библиографии «Разин в науке, литературе и искусстве», составленной М. Н. Сменцовским². Последним наиболее полным исследованием, где целенаправленно освещается, как начиналось и как развивалось изучение бурных событий в России в третьей четверти XVII в., стала книга И. В. Степанова³. Она и сейчас не потеряла своей значимости. Однако, ведя о ней речь, нужно учитывать три следующих момента: во-первых, более чем за двадцать лет со времени ее выхода в свет появилось немало новых работ; во-вторых, вопросы историографии были для автора, пусть и важным, но все же попутным сюжетом (главное внимание в соответствии с поставленной им самим задачей он уделял собственно истории крестьянской войны) и, наконец, в-третьих, к 90-м годам нашего столетия в результате активной теоретической разработки ряда методологических вопросов и существенного расширения методов исследования советская историография претерпела качественные изменения и из преимущественно описательной, «фактографической» постепенно превращается в науку комплексную, интегральную. Теперь ее объект — это вся совокупность явлений развивающейся общественной жизни⁴.

Следовательно, сегодня история изучения разинского движения представляет особенно большой интерес прежде всего при условии соответствия реалиям современной науки. В литературе уже отмечалась важность создания монографических работ по историографии отдельных крестьянских войн в России⁵. Назрела настоятельная необходимость вернуться ко всему здравому и рациональному, высказанному о разинском восстании до 1917 г., по-новому взглянуть на тот значительный и вместе с тем непростой путь, пройденный советской исторической наукой. Вопреки традиционной точке зрения этот путь далеко не был неуклонным триумфальным продвижением вперед: успехи и достижения перемежались с прорывами, топтанием на месте и даже откатами назад, перечеркивались диктатом заостренных схем и стереотипов. Нынешняя советская историография отказывается от еще недавно искусственно насаждавшейся единственности точки зрения на события и деятелей прошлого в пользу разных взглядов и подходов на основе марксистской методологии. Возросла и существенно изменилась роль дискуссии в научном познании. Если раньше основная суть споров преимущественно сводилась к отстаиванию уже высказанных мнений и трактовок, то теперь главное содержание научной полемики — поиск истины, выработка принципов, путей и методов для достижения этой цели⁶. Сегодня наши ученые, не противопоставляя общечеловеческое классовому, стремятся отражать всю бесконечную, как сама жизнь, многомерность, все многообразие истории. Начат пересмотр огульно отмеченного в свое время и незаслуженно забытого бесценного научного фонда XIX — начала XX в., а также яркой и оригинальной литературы первых послеоктябрьских лет.

В обширном научном наследии, конечно, далеко не все приемлемо и однозначно, однако многое свидетельствует о том, что понимание минувшего нашими предшественниками еще пригодится нам на исторических дорогах, что это — духовные

ценности, которыми отнюдь не следует пренебрегать, как нельзя игнорировать и целый ряд бесспорных достижений западной историографии.

Эта книга о том, какое место в памяти народа занимает крестьянская война под предводительством Степана Разина, какое отражение нашла она в науке, литературе, искусстве, как эта тема влияла на методологию и методику исторического исследования и ход общественной мысли. Ведь изучение народных движений всегда имело большое значение, притягивало умы и в зависимости от событий современности получало совершенно определенное мировоззренческое преломление⁷.

В книге тесно переплетены страницы истории исторической науки и самой истории.

Читателю интересно будет узнать, какими представлялись события 1667—1671 гг. современникам, как воспринимали они самого Разина и его соратников.

Большое внимание автор уделяет освещению восстания Разина историками прошлых столетий. Мы лишь сейчас начали отдавать им должное и запоздало признали, что они писали точнее и ярче, чем их последователи. «Ценность их книг, отмечает главный редактор журнала „Вопросы истории“ А. А. Искендеров, — в том, что они не являлись продуктом какого-то идеологического заказа узкого круга лиц, а предназначались народу»⁸.

Центральное место в книге принадлежит советской историографии восстания. Ее отличительные черты сегодня — динамичность, полемическая заостренность, многообразие суждений.

Читатель получит возможность приобщиться к наиболее горячим и важным проблемам истории классовой борьбы крепостного крестьянства в России, познакомиться с гипотезами и концепциями ведущих советских историков, занимающихся изучением крестьянских войн, получить представление, о чем спорят сегодня ученые, обращаясь к истории классовой борьбы, к разинскому движению.

Летопись народной борьбы в третьей четверти XVII в. будет неполной без рассмотрения знаменитого фольклорного цикла, посвященного С. Т. Разину и возглавленному им восстанию. Автор прослеживает, как в легендах и преданиях отложился, жил и обогащался новыми красками дорогой русскому сердцу образ Разина. Показано, как разинская тема нашла продолжение в литературе, музыке, живописи, театре и кино.

РАННИЕ ОТКЛИКИ

Первые летописцы разинского восстания — это, как правило, люди, решившие изложить известные им события по горячим следам, расставив соответствующие социальные акценты и зафиксировав подробности мятежа в назидание потомкам. Их сочинения, часть которых носит повествовательный, другая — эпистолярный характер, пожалуй, не назовешь собственно историческими, однако именно ими отреагировала общественная мысль господствующего класса на «мятеж; Стеньки Разина». Расправившись с повстанцами, отлучив их от церкви, светские и духовные власти делали все, чтобы предать недавнее народное выступление забвению. Однако потрясение умов еще было слишком велико, эмоции не улеглись, впечатления не остыли. Жгучую потребность высказаться испытывали и верхи, и низы феодальной России. Думы и переживания народа, согреты любовью и горячей симпатией к Разину и разинцам, нашли яркое воплощение в богатом фольклоре, тогда как в литературном изображении власть имущих восставшие предстают отъявленными злодеями и головорезами.

Вскоре после окончания крестьянской войны появилось несколько произведений, отразивших настроения крайне враждебных повстанцам кругов. Наибольшую известность получило «Сказание летописно о Астрахани...» Петра Золотарева 1. Этому важному

источнику изучения разинского восстания и памятнику исторической мысли конца XVII в. уделено заслуженное внимание исследователями².

П. Золотарев — один из немногих очевидцев разинской вольницы в Астрахани, оставивший современникам и потомкам весьма пристрастный, но довольно-таки полный, содержащий интересные и немаловажные детали рассказ об увиденном. Сам П. Золотарев — митрополичий сын боярский. Он служил в штате казенного восставшими в мае 1671 г. астраханского митрополита Иосифа и был, судя по осведомленности в вопросах личной жизни иерарха, кем-то вроде доверенного лица при нем. П. Золотарев неоднократно дает понять, что он не только верный и преданный убиенному церковному владыке человек, но и чуть ли не его задушевный друг. Однако он, по-видимому, не слишком распространялся как о своей близости к Иосифу, так и о ненависти к разинцам. Иначе трудно объяснить, каким образом во время народной расправы с группой лиц во главе с митрополитом, готовившей за спиной восставших заговор, П. Золотареву удалось сохранить жизнь.

Две составленные Золотаревым редакции «Сказания» — краткая и пространная — при всех отличиях весьма схожи, поскольку подчинены одной цели: восславить христианских мучеников, и прежде всего Иосифа (впоследствии, кстати, канонизированного), заклеить «воров и богоотступников», учинивших в Астрахани «мятеж», т. е. разинцев, и разоблачить «неблаговидные» поступки и малодушие в период восстания некоторых духовных лиц из окружения митрополита. В частности, попу Василию Гаврилову ставится в вину, что он «за вора Стеньку Разина во ектениях бога молил и за всех... воровских казаков». При этом Золотарев предусмотрительно обходит молчанием все, что свидетельствует не в пользу митрополита. Так, например, он «забывает» привести тот факт, что старец Иосиф в день именин царевича Федора Алексеевича зазвал к себе на обед самого Разина и всех старших казаков (в общей сложности более ста человек); что он весьма пассивно вел себя, когда повстанцами было велено священникам венчать вступающих в брак по печатям атамана, а не по архиерейскому благословению и т. д.

Временной разрыв между обоими вариантами (редакциями) — семь лет. Первый, вероятно, был написан по собственной инициативе П. Золотарева, хотя и с одобрения местных церковных властей, а второй — «по благословению Парфения митрополита (преемника Иосифа, рукоположенного 25 февраля 1672 г.— В. С.) и повелением... боярина и воеводы Петра Михайловича Салтыкова».

В начальной редакции явственны следы спешки, она как бы вышла из-под пера в едином порыве; последующая же, напротив, обращает на себя внимание тщанием в подборе материалов и кропотливой литературной отделкой. Тем не менее в основе краткого и полного сказаний лежат тайные записи П. Золотарева — нечто вроде дневника, и авторская личность заявляет в них о себе с достаточной определенностью. В этом сочинении отчетливы элементы автобиографизма. Золотарев оправдывает свое поведение, стремится показать его в выгодном свете. Так, он ставит себе в большую заслугу и немало гордится тем, что при «рукоприкладстве к воровской записи» (присяге разинцам) ему и некоторым другим представителям духовенства удалось замешкаться и избежать участия в этой процедуре. Но автор «Сказания» выступает не только мемуаристом. Он ощущает себя и объективным историком, излагает собственные взгляды, дает оценки событиям и людям, понимает значительность того, что он пишет, осознает необычность своего положения и свой гражданский долг. Правда, если в кратком «Сказании» действующие лица выглядят вполне земными, реальными, то в пространном, в зависимости от авторской позиции, одни (митрополит Иосиф и ему подобные) приобретают ореол праведников и великомучеников, другие (С. Т. Разин, его соратники и те, кто принял их сторону) предстают эдаким исчадием ада, воплощением всех худших человеческих грехов и т. д. В этой тенденциозности выпукло проявляется почерк П. Золотарева как добросовестного историка-ремесленника, выполняющего конкретный социальный заказ — позаботиться о том, чтобы «незабвенно было» «мучение» Иосифа и других доблестных

пастырей, «которые за святую соборную апостольскую церковь и за великого государя добре пострадали», и дать самую отталкивающую характеристику восставшим. В дни астраханской вольницы он был вынужден скрывать свои подлинные чувства, свое неприемлимое отношение к разинцам. В записках же Золотарев отводит душу и дает скопившейся ненависти и желчи выплеснуться наружу.

Целый раздел своего повествования он посвящает роковым предзнаменованиям грядущего бедствия: землетрясению в Астрахани, странному разноцветному свечению воздуха в небесной вышине, неожиданным в июне холодам и т. п. Все это, по мнению автора, предвещало кровавые события. Золотарев искренен в своей злобе к восставшим, как искренен и в скорби по их жертвам. Но, сокрушаясь о «невинно пролитой крови», он не желает замечать, что немалому числу врагов восстания, в том числе и ему самому, была сохранена жизнь, что многие знатные состоятельные астраханцы остались целы и невредимы. Он оставляет без комментариев как проявления жестокости властей к сторонникам Разина еще до захвата восставшими Астрахани, так и дикую расправу над побежденными участниками астраханского «мятежа», очевидно, считая все это естественным воздаянием за «злодейства».

В заметной степени перекликаются с сочинением П. Золотарева еще два во многом схожих сказания: «...О явлении и чудесах пресвятыя владычцы нашея, нарицаемая Тихвинская, о избавлении града Цивильска от нахождения воровских казаков Стеньки Разина с товарищи» и «...О нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков»³. И в том и в другом случаях повествуется о волшебной силе икон, благодаря которым «добрые христиане» получили заступничество от «воров и разбойников» разинцев. С одной стороны, оба эти произведения — типичные образчики агиографической (церковно-житийной) литературы, наиболее характерные признаки которой — напыщенность, неправдоподобные сцены и детали; с другой — авторов занимают не столько чудеса, небесные знамения и эффект от обращенных к богу молитв, сколько старание дать свою версию событий, принизить успехи повстанцев, едва не занявших город Цивильск и взявших Макарьев Желтоводский монастырь на Волге. Осада монастыря продолжалась с 1 по 17 октября. В течение этого времени повстанцы (их насчитывалось 15 тыс. человек), как говорится в «Сказании о нашествии на обитель...», «горким свирепством ко стенам приступаху непрестанно...» и, якобы прибегнув к обману, овладели монастырем⁴. Такая точка зрения вполне согласуется с официальной трактовкой властей, всячески подчеркивавших коварство и вероломство разинцев, которые именуются супостатами и сравниваются то со свирепым медведем, то с роем потревоженных ос. В то же время во всех известных повестях, отражающих дни восстания, настойчиво повторяется и проходит как лейтмотив мысль о том, что «мятеж» был как бы ниспослан свыше, дабы испытать крепость веры и преданность великому государю. Так, в «Чудесах Боголепа Черноярского» — недавно обнаруженном и введенном в научный оборот источнике⁵ — религиозное рвение благочестивого инока отвращает от крепости Черный Яр отряд татар, посланных Разиным. Слабость веры преподносится как первопричина всех бед и невзгод; на тех, кто проявил христианскую нестойкость, обрушивается бич божий. Чисто религиозная мотивировка — не только дань традиции. Она обусловлена и тем, что слагатели повестей — лица духовные. Однако сквозь оболочку провиденциализма отчетливо проступают и личностные начала: борьба воли и безволия, разума и безрассудства, силы духа и малодушия. То есть исподволь в названных произведениях присутствует сентенция, хорошо переданная в старинной поговорке: «На бога надейся, но сам не плошай».

Посвященные крестьянской войне разделы так называемой Латухинской Степенной книги, составленной в 1678 г. архимандритом Макарьевского Желтоводского монастыря Тихоном (ее рукописные списки хранятся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) содержат некоторые интересные сведения, но они, как установил в результате источниковедческого анализа Т. Г. Васенко, не оригинальны и заимствованы из «Известия

о бунте и о злодействах донского казака Стеньки Разина» — памятника, появившегося, очевидно, несколько ранее⁶. «Известие о бунте...», авторство которого установить пока не удалось, в свою очередь, очень близко (вплоть до дословного изложения) к сказке, объявленной С. и Ф. Разиным 6 июня 1671 г. в Москве перед казнью⁷. И «Известие...», и смертный приговор как бы аккумулировали в себе официальную точку зрения властей на восстание, присутствующую в целом ряде правительственных документов и сводящуюся к тому, что «вор и изменник» Стенька Разин, «забыв страх божий, такое великое дело умыслил, хотя народ возмутить и крови пролить, чего и помыслить страшно». Правда, в «Известии...» о восстании говорится сухо, бесстрастно, деловым языком тогдашних актовых материалов, тогда как в сказке широко дана воля эмоциям, цветистым оценкам, проклятиям, явным преувеличениям.

Круг исторических сочинений светского характера о разинском восстании крайне ограничен. Нерегулярные, в традиционной летописной мажоре, заметки, касающиеся этого события, содержатся в «Истории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его (1613—1700)», в летописном своде 1652 г., в «Записках времени царствования Алексея Михайловича и его преемников» и в других летописных сборниках, среди которых своей отличной от официальной правительственной трактовкой и элементами независимого освещения событий обращают на себя внимание украинская «Летопись самовидца...» и отрывок из хронографа начала XVIII в., опубликованного К. И. Авериним⁸. Так, в первом из этих источников проводятся аналогии между походами С. Т. Разина на Каспий и Ермака в Сибирь, причем утверждается, что правительство царя Алексея было заинтересовано в расширении российских пределов за счет владений персидского шаха; во втором — очень кратко, но без характерных для официальной Москвы политических акцентов сообщены наиболее значимые факты из истории восстания.

Неоднократно обращается к выступлению С. Т. Разина один из виднейших вельмож при дворе царя Алексея Артамон Матвеев. Став жертвой подметных писем, в которых вполне в духе того времени его обвиняли в волшебстве из желания извести царский корень, Матвеев счел нужным письменно самооправдаться. Так появилась на свет «История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева», которая была издана Н. Новиковым⁹. Человек блистательного ума, видный дипломат, стоявший во главе Аптекарского и Малороссийского приказов, а затем Посольского, А. С. Матвеев уже на начальной стадии восстания С. Т. Разина распознал его масштаб, силу и серьезную угрозу, которое оно таило для государства. Когда отряды Разина вернулись с каспийских берегов, ближний боярин счел своим долгом предостеречь Алексея Михайловича, «чтоб вора Стеньку... из Астрахани не отпускать для многих его воровских причин, как он первое ходил на море». Останавливается А. С. Матвеев на недопустимом, с его точки зрения, сближении товарища астраханского воеводы князя С. Львова с С. Т. Разиным: «Как воевал и ходил на море впервые вор Стенька Разин и разорение учинил Персидскому царству, и пришел в Астрахань и познался с князем Семеном Львовым, назвались меж себя братьями, и не исходил из дому его и пил, и ел, и спал в доме его; и на то братство и дружбу свидетельство: как вор (С. Т. Разин. — В. С.) второе пришел под Астрахань и Астрахань взял... ево, князь Семена, за братство и дружбу от убийства сохранил и животов его не грабил...» Это внимание к альянсу князя с повстанческим атаманом отнюдь не случайно: А. С. Матвееву важно напомнить, что С. Львов за свои чересчур теплые отношения с Разиным был подвергнут лишь легкой опале, тогда как сам он за мнимые прегрешения, выдвинутые против него во вздорных наветах, отправлен в ссылку, т. е. наказан куда более сурово. Наконец, А. С. Матвеев вспоминает С. Т. Разина, негодуя по поводу того, что даже «Стеньку... все бояре на земском дворе расспрашивали и очные ставки давали», тогда как его, «боярина, без суда осудили!»¹⁰.

Знаменитый русский писатель Аввакум Петров, идеолог и вождь старообрядчества, хотя и был современником восстания, отозвался на него весьма скупно. Правда, с 1667 по

1682 г. он находился в ссылке в Пустозерском остроге на Крайнем Севере, в низовьях реки Печоры, и мог судить о народном движении лишь по отрывочным известиям, проникавшим за Полярный круг. Однако как же реагировал на восстание человек, ставший символом непокорства, бросивший вызов не только господствующей церкви и ее иерархам, но и власти государственной — власти самого царя? В так называемом «Послании к неизвестным» Аввакум пишет: «та же кровопролитие польскими, та же междоусобие с Разиным; и иных пагуб несть времени исчести уму моему»¹¹. Получается, что неистовый расколоучитель осуждает восстание и приравнивает его к таким тяжким бедствиям для земли русской, как война с Польшей и т. п. Почему же «бунтарь-протопоп», стойкость духа которого, непримиримое отношение к произволу властей, резкое обличение им несправедливости, проповедь равенства людей были по достоинству оценены народом, не принял борьбы восставших? Аввакум выступал за другие формы протеста: приверженность старым церковным обрядам и богослужебным книгам, гневное праведное слово, мученичество (когда, например, истинно верующие «во огонь дерзают за Христа»). Но, как бы ни порицал Аввакум сопротивление низов с оружием в руках и кровопролитие, его определение разинского восстания не как «воровства» и «злодейства», а как междоусобия свидетельствует о глубоком проникновении в суть вещей, об осознании масштаба событий 1667—1671 гг. и расстановки сил.

К эпистолярным материалам о восстании относятся отписки стряпчих Акинфия Горяинова и Филиппа Караулова. Их оригиналы до сих пор не обнаружены. Известны только выдержки из них, опубликованные председателем Вологодской ученой архивной комиссии Н. Суворовым¹². И Горяинов, и Караулов пишут как частные лица, но сам факт, что в частной корреспонденции есть из письма в письмо повторяющиеся сведения о разинском движении, о поражении восставших и приготовлениях в Москве к массовой казни, говорит о многом. По-видимому, в мае 1671 г. — а именно этим временем датированы отписки из Москвы А. Горяинова, адресованные брату, настоятелю Толгского монастыря близ Ярославля, и вологодскому архиепископу Симону, — среди столичного дворянства только и разговоров было, что об одолении «мятежников», о предстоящей казни С. Т. Разина и других повстанческих предводителей. И, разумеется, эта информация живо интересовала представителей класса феодалов на местах. Судя по реакции А. Горяинова, по торжествующим ноткам его посланий, он необычайно рад, что наконец-то одержан верх над восставшими. «...Да будет ... ведомо: ... будто вор Стенька Разин на Дону пойман — весть добрая», — в самом праздничном настроении пишет он. С ликованием сообщает он, что Разина «привезли к Москве ... и бояре ныне беспрестанно за тем сядят; с двора съезжают на первом часе дни, а разъезжаются часу в 13-и дни. По 2 дни пытали» и что «на Красной площади изготовлены ямы и колы вострены», и другие подробности того же свойства¹³. Предназначенные тому же архиепископу Симону письма Ф. Караулова передают тревогу и опасения правящего класса в связи со вспышками восстания в Галицком уезде в декабре 1671 г., т. е. уже после подавления основных очагов крестьянского движения и казни С. Т. Разина. Об остроте обстановки свидетельствует то обстоятельство, что правительство считает необходимым расширить в Галиче и его округе набор ратных людей для борьбы с повстанцами: если раньше в государево войско брали со 100 дворов по человеку, то теперь велено призывать всех поголовно¹⁴.

Конечно, письма А. Горяинова и Ф. Караулова в первую очередь заключают в себе ряд ценных сведений по истории крестьянской войны. Однако они не лишены значения и как источник для понимания уровня общественного сознания тех классов и кругов, представителями которых они являются. Кроме того, оба стряпчих, если и не претендуют на роль историографов, то в какой-то мере осознают себя таковыми. Они явно отдают себе отчет в том, что их письма будут читаны далеко не только непосредственными получателями, но и достаточно широким кругом заинтересованных людей. На этот счет в отписке А. Горяинова брату даже есть такое замечание: «Я в сие же число посылаю хартию к великому господину, к вологодскому архиепископу Симону о Стеньке Разине...»

¹⁵. Тут примечательно то, что свою скромную эпистолау автор называет «хартией», т. е. склонен рассматривать ее по меньшей мере как бумагу важного общественно-политического значения. И в определенной степени он прав: ведь его послание было призвано успокоить взбудораженные «мятежом» верхи вологодского населения, снять напряжение, в котором уже не один год они пребывали.

Вряд ли есть основания считать чем-то особенным то, что в XVII в. в России не было написано сколько-нибудь крупного исторического произведения, посвященного крестьянской войне. Во-первых, то, что происходило в 1667—1671 гг., имеет исторический масштаб, а увидеть этот масштаб, будучи его современниками, изнутри процесса, дано единицам. Во-вторых, как раз тогда в «Историческом учении» неизвестного автора утверждалось, что историк обязан знать, «что подобает в истории молчанию предати и что пристойно объявити»¹⁶. При той резко негативной оценке восстания со стороны властей предержавших, при однозначном стремлении даже не упоминать о нем вполне естественно появление в среде господствующего класса лишь тех откликов, о которых речь шла выше. В отличие от актовых материалов ни в одном из этих произведений, как написанных в свободной манере, так и построенных на погодно-летописном принципе, нет целостного охвата и осмысления событий. Как правило, в них освещаются отдельные моменты и эпизоды восстания. Однако подобная калейдоскопичность — вовсе не исключение. Она вообще присуща тогдашней историографической традиции. Если же задаться вопросом, какое отражение нашло разинское движение по сравнению с другими внутри- или внешнеполитическими событиями, то оказывается, что оно отнюдь не обделено вниманием современников и по его поводу написано даже больше, чем, например, в связи со Смоленской войной 1632—1634 гг. К тому же и власти отнюдь не недооценивали значение разгрома повстанцев. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в Москве в память о победе над Разиным была построена церковь Троицы на Листах.

В понимании природы восстания, побуждений и действий его участников историческая мысль России XVII в., пусть неуверенно и лишь отчасти, но все же перешагнула черту провиденциализма и подошла к объяснению событий не только божьим промыслом, но и людскими поступками и интересами, качествами конкретных людей.

* * *

Разинское восстание изначально стало объектом самого пристального внимания современников-иностранцев. Так сложилось, что за рубежом о нем на первых порах было написано и опубликовано больше, чем в России. И это не случайно. Иностранные очевидцы, будь то дипломаты, лица, приехавшие из-за рубежа по торговым делам или находившиеся на русской службе, были ошеломлены колоссальным размахом народного выступления. Не менее сильной была и реакция западного мира в целом. Подобное восстание, пожалуй, даже трудно представить в тесных рамках какой-либо европейской страны. Конечно, Европа знала немало социальных волнений и потрясений. Могучая их волна прокатилась в XIII и XIV вв. по Италии и Англии, в XV—XVI вв. — по Франции, Чехии и Германии, в XVII в. — по Австрии и Польше. Но даже самые крупные из них, такие как восстание Уота Тайлера, Жакерия, крестьянская война в Германии, ни по географическим масштабам, ни по накалу борьбы, ни по силам, вовлеченным в водоворот событий, не шли в сравнение с движением Разина. Ставшие свидетелями восстания в России иностранцы, по-видимому, должны были неоднократно и не без содрогания задумываться над тем, что, вспыхни такой мятеж где-нибудь в Голландии или в Швейцарии, он бы смел существующие там политические режимы и привел бы к захвату повстанцами власти, причем его пламя скорее всего переметнулось бы и на соседние государства, а то распространилось бы и по всей Европе. Думается, во многом именно отсюда проистекает тот громадный интерес подданных других стран к разинскому движению. Отсюда и широкое освещение связанных с ним событий в западно-европейской прессе, появление различных иностранных свидетельств о происшедшем в

России «бунте». Но, разумеется, в повышенном к нему внимании нашло выход и стремление лучше узнать и понять, что творится в таинственной «Московии», чего следует ожидать от этой быстро и уверенно набирающей силы необъятной державы, которая в равной степени может стать выгодным торговым партнером и надежным политическим союзником, а может оказаться и серьезным экономическим конкурентом и опасным военным соперником. Вокруг восстания на Западе велась и определенная дипломатическая игра: не случайно обширную информацию об успехах разинцев и поражениях царских воевод помещали в своих периодических изданиях именно те страны, с которыми Россия находилась в обостренных отношениях. Так, шведские «Куранты» печатали многое из того, о чем правительство Алексея Михайловича предпочитало бы умолчать. В Посольском приказе была даже подготовлена нота, в которой указывалось, что «в свейских городах, а особенно в Риге» появились публикации «с великим умалением его царского величества чести ... о том воре о Стеньке». Предметом особого возмущения московского двора было то, что сообщениями «Курантов» «свеяне всю Европу наслушали, и в Гишпании, и во всей Италии, и в иных государствах та их ложь ведома»¹⁷.

В свидетельствах иностранцев о восстании сквозит и заметное беспокойство в связи с бурными событиями в России. «Я сам был зрителем тех волнений, которым дивилась вся Европа», — пишет один из зарубежных авторов, побывавших в Российском государстве на рубеже 60—70-х годов XVII в. «...Страхом была охвачена не одна Московия — вся Европа некоторое время жила в ожидании того, какой оборот примут эти события», — вторит ему другой¹⁸. Разинское движение повергло в ужас не только власть имущих в России, но и вызвало немалый переполох в Европе. Опасение, что дерзким «мятежникам», повоевавшим Персидское царство, вдруг вздумается вторгнуться и в западные пределы, по-видимому, возникало, и с этой угрозой приходилось считаться. Не потому ли так заинтересованно, так пристально вглядываются современники-иностранцы в лики повстанцев, и прежде всего их предводителя и его ближайших соратников? Не потому ли стремятся как можно детальнее, шаг за шагом, проследить их действия и поступки, показать общий ход восстания и его проявления на местах?

Как памятник общественной мысли сочинения зарубежных очевидцев отличает фиксирование внимания на тех сторонах российской действительности, которые вызывают у них наибольшее удивление своим своеобразием, несхожестью с европейской жизнью и которые, как правило, оказывались вне поля зрения россиян, оставивших свидетельства о разинском движении. Думается, не совсем прав Б. Н. Тихомиров, противопоставляя наблюдательных иностранных авторов неприметным русским современникам и считая это результатом того, что первые в отличие от последних — «люди бывалые, стоявшие по своему уровню развития значительно выше московских служилых людей...»¹⁹. Тут, вероятно, в не меньшей степени следует учитывать такой важный фактор, как взгляд со стороны. Преимущество иностранцев, причина их зоркости при описаниях во многом видится в свежести восприятия, в чувстве новизны, в не примелькавших еще человеческих типах и характерах, картинах российской повседневности, на фоне которой особенно выигрышно оттенено выступление С. Т. Разина.

Сочинения иностранцев, выходящие на разинскую тему, правомерно разделить на две группы: непосредственно касающиеся событий 1667—1671 гг. и затрагивающие их в связи с изложением основных вех истории России второй половины XVII столетия.

К числу наиболее ранних произведений, посвященных восстанию, принадлежат два анонимных свидетельства: донесение из Москвы некоего представителя английской торговой компании (он называет себя фактором) своему хозяину и широко известное «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным»²⁰.

Датированная 15 февраля 1671 г. рукопись донесения носит весьма претенциозный и пышный заголовок: «Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или Полный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его стотысячной армии великим царем России и его прославленным генералом Долгоруковым»²¹. Все в донесении свидетельствует о том, что оно написано человеком, находившимся на грани паники, потрясенным успехами разинцев и озабоченным как собственной участью, так и сохранностью вверенных его попечению товаров. «Долгое время, — пишет он хозяину, — мы здесь ежедневно пребывали в страхе, что с минуты на минуту ... нас бесчеловечно лишат жизни, а имущество ваше и других достопочтенных хозяев разграбят и присвоят». Неизвестный англичанин сообщает также, что «верным подданным великого государя воображение рисовало лишь один возможный конец — неизбежное падение величия ... державы...». Перепуганный фактор и не пытается скрыть огромного облегчения, ввиду того, что волею судеб опасность миновала: «провидение так защитило нас ... что если бы времена чудес не миновали, то внезапный наш переход от слез к огромной радости можно было бы воистину почитать чудом»²². Автор донесения, конечно, и в самом деле натерпелся немало страха, но многое в его послании наводит на мысль о намеренном нагнетании испытанных ужасов, сгущении красок, дабы показать, в какой жуткой обстановке ему пришлось жить, в каких экстремальных условиях, с риском для жизни, защищал он интересы компании. Очевидно, фактор рассчитывал, что хозяин, вникнув в его положение, выше оценит его услуги. Все же на всякий случай он подстраховывается и как бы походя замечает: «Сэр, вот самое близкое к истине, что я могу сообщить...» То есть этим как бы оговаривается право на ошибку, на допуск ложной информации и сомнительных сведений, что должно выглядеть вполне естественно, если учесть беспокойность сложившейся в России ситуации и царящую там в верхах суматоху. Однако ни завышенность оценок, ни чрезмерность эпитетов, ни мифические сражения, о которых идет речь в донесении, ни целый ряд явных преувеличений и недостоверных подробностей (например, об участии в боях против разинцев царя, боявшегося потерять корону и т. п.), ни другие неточности не перечеркивают значение «Повествования...». Да, в нем есть и прямой авторский вымысел, и эмоциональный перебор, и обывательская неразборчивость в воспроизведении слухов и толков. Но это ведь не менее интересно, чем документально подтвержденные свидетельства, поскольку строки донесения отражают настроения правящих сословий общества, впечатления иностранцев, прогнозы и домыслы перед лицом набирающего все большую силу народного движения. Автор «Повествования...» желает своему королю, народу и стране «никогда не знать тех страхов», которые он испытал, будучи в России²³.

«Сообщение касательно подробностей мятежа...» было написано в сентябре 1671 г. или кем-то из представителей английской миссии в России, или служилым человеком (может быть, офицером), который был нанят в войско Алексея Михайловича. Судя по указанию в конце записок, автор завершил их в Архангельске и частично на корабле «Царица Эсфирь», которым он возвратился в Великобританию.

В отличие от «Повествования...» фактическая сторона «Сообщения...» заслуживает куда большего доверия. Автор предпочитает не пробавляться смутными слухами и известиями. Вполне вероятно, что это человек, имевший доступ к официальным, а возможно, и неофициальным правительственным источникам. Не исключено, что он имел доступ ко двору великого государя и знаком со многими царскими сановниками. Неведомый англичанин в целом придерживается той же трактовки событий, что и администрация Алексея Михайловича, но приводит немало собственных суждений и наблюдений, весьма важных для понимания социальной природы разинского движения и его международного значения. Насыщенность фактами, яркая, не без литературного блеска, манера изложения, а главное — знание предмета привлекли к «Сообщению...» большое внимание современников. Правда, это имело и другие последствия: из анонимного сочинения как кладезя редких сведений о восстании в России начали широко

черпать данные многие из авторов, взявшихся за описание тех же событий: голландцы Я. Стрейс, Б. Койэтт, швед Э. Кемпфер, француз Ж. Шарден и др.

Крайне враждебная интерпретация крупнейшего народного выступления в России ведет к тому, что причиной, его вызвавшей, в «Сообщении...» назван «злонамеренный» и бунтарский дух Разина²⁴. Но, противореча самому же себе, анонимный автор вынужден отметить и другие причины. Так, им признается, что Разин получил огромную поддержку, поскольку прямо заявил о своих целях: «Повсюду обещал он народу... вольность и избавление от ига... бояр и дворян, которые, как говорил он, держат страну под гнетом». «В самой Москве, — сказано в „Сообщении...“, — люди открыто восхваляли Стеньку, полагая, что ищет он общего блага и свободы для народа»²⁵. Здесь очень точно схвачена основная суть знаменитых «прелестных» писем восставших, встретивших горячий отклик в массах.

Та же двойственность оценок имеет место в «Сообщении...» и при объяснении успехов восставших. С одной стороны, неизвестный англичанин считает, что «Стенька столь преуспел в своем умысле» лишь «посредством козней» и с помощью «подлых уловок» (имеется в виду дезинформация по поводу царевича Алексея и бывшего патриарха Никона, которые якобы заодно с повстанцами и т. п.); с другой же — констатирует: «...ежели бы силы мятежников... соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоять им и одолеть их»²⁶. При всей своей антипатии к восставшим автор «Сообщения...» воздает им должное как людям, которые не только умеют драться отчаянно, но и встречают смерть «с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело». Всячески подчеркивая и выделяя в действиях восставших фактор террора, английский современник в то же время достаточно объективно описывает кровавую бойню, учиненную царскими карателями над разнищами под Арзамасом: «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада»²⁷. В этих словах можно уловить если не промельк сочувствия жертвам репрессий, то во всяком случае осуждение столь массовой и неоправданно жестокой расправы над участниками восстания.

По-английски сдержанно отзываясь о «великом мятежнике Разине» Томас Хебдон — доверенное лицо британской Русской компании короля, один из наиболее влиятельных деловых зарубежных людей в Москве. Письмо, адресованное им своему соотечественнику — торговому представителю Р. Даниелю, датировано 6 июня 1671 г., т. е. днем казни С. Т. Разина, и написано под впечатлением этой страшной экзекуции, которую Хебдону в числе многих других иностранцев довелось наблюдать лично²⁸. Но письмо интересно и как памятник человеческой мысли. Т. Хебдон тщится писать с возможной бесстрашностью, не выказывая сочувствия ни правительству царя Алексея, ни разнищам. Эта позиция холодного наблюдателя проявляется у него куда заметнее, чем у анонимных английских авторов «Повествования...» и «Сообщения...». Те столь рьяно и ожесточенно обрушиваются на восставших, словно и не воспитывались в доброй старой Англии, где еще в XIII в. была принята Великая хартия Вольностей и где в 1688 г., т. е. 17 лет спустя после разинского движения, парламент проведет исторический Билль о правах, декларирующий права и свободы подданных и ограничивающий монархию.

Однако за внешним объективизмом Хебдона скрывается вовсе не социально-политическая нейтральность, а однозначная враждебность по отношению к восставшим. Так, английский очевидец не в силах скрыть своего удовлетворения по поводу того, что четвертованное тело Разина палачи оставили псам на съедение: «...смерть, — пишет Хебдон, — достойная такого злодея».

Резкое неприятие народного движения — отличительная черта «Записок» голландского офицера Л. Фабрициуса, завербовавшегося на военную службу в Россию. В июне 1670 г. Фабрициус попадает в плен к разинцам и становится свидетелем взятия Астрахани и установления в городе казацких порядков. То, что он видит, вызывает у него протест и ярость, но Фабрициус вынужден скрывать свои подлинные чувства и, видимо,

внешне ведет себя по отношению к восставшим вполне лояльно. Не исключено даже, что он был приставлен к артиллерии и скрепя сердце обучал разинцев стрельбе из пушек. Зато пятнадцать лет спустя после этих событий, при составлении своих автобиографических записок, Фабрициус дал волю своим страстям и задним числом обрушил тысячу проклятий на головы восставших, которых он именует не иначе, как «подлыми канальями», «кровавыми собаками», «кровожадными псами», «убийцами», «разбойниками» и т. д. и т. п.²⁹ Но, как и автор «Сообщения...», Л. Фабрициус в целом ряде случаев поднимается выше собственных пристрастий и предпочтений и с неожиданной непредвзятостью показывает тенденции и цели движения, его размах и пафос. Хорошо зная русский язык, голландский офицер, вероятно, не понаслышке знал о содержании разинских призывов. Он довольно точно передает, что повстанческий предводитель «сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему,— продолжает Фабрициус,— простолюдины охотно прислушивались...»³⁰. Как бы ни обуревало автора негодование, как бы ни застилала ему глаза ненависть к восставшим, он, быть может, против собственной воли, чисто механически, наряду со сценами разгула и погромов в разинской Астрахани отражает в своих «Записках» не только разрушительное, но и созидательное начало движения. Фабрициус неоднократно сталкивается со стремлением восставших поддерживать в городе полный порядок, наладить нормальную жизнь. Не без злорадного удовлетворения он сообщает о неудачной, разбившейся о саботаж иноземных купцов попытке разинцев ввести в Астрахани свободную и беспошлинную торговлю. В то же время Фабрициус с удивлением фиксирует, что стоило С. Т. Разину «что-либо приказать, как все мгновенно приводилось в исполнение». Магическое воздействие оказывала и оттиснутая на воске печать атамана. «Столь беспрекословное послушание, — пишет Фабрициус, — привело к такому почитанию этого злодея (т. е. С. Т. Разина. — В. С.), что все перед ним дрожало и трепетало и волю его исполняли с нижайшей покорностью»³¹.

Сам того не подозревая, ярый враг восставших Л. Фабрициус занес в свои записки немало весьма ценных наблюдений, позволяющих лучше понять, как действовал механизм повстанческой власти, как много значила воля атамана и как она соотносилась с волей народа. Сквозь черную краску, которую Фабрициус явно не пожалел при изображении разинского лагеря, все же довольно рельефно, хотя и не сразу, проступают контуры исторической правды. И в этом особая ценность воспоминаний голландского офицера.

Свои дни Л. Фабрициус окончил в Швеции. Возможно, одним из тех, кто получил доступ к его бумагам, был крупный немецкий философ, правовед и историк Самуил Пуфендорф. С 1677 г. он был секретарем и официальным историографом при шведском королевском дворе. В его «Введении в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями» уделено место и разинскому восстанию³². Прямых указаний или ссылок на сочинение Фабрициуса у Пуфендорфа нет, так что он вполне мог базироваться и на прессе. Выступление «бунтовщика» Стеньки Разина, учинившего «много беспокойствия», немецкий историк датирует 1669 годом — тем же, с которого начинаются злоключения Фабрициуса в России. В то же время Пуфендорф ошибочно утверждает, что помимо Астрахани, Разин «покорил» и Казань, и здесь он явно не следует за Фабрициусом, у которого нет этих сведений. Как и последний, Пуфендорф считает Разина злодеем, но это, впрочем, не мешает ему выдвигать народное движение в России второй половины XVII в. в число центральных событий времени царствования Алексея Михайловича.

Записки о событиях, очевидцами которых они были, оставили и члены экипажа сожженного разинцами первого русского корабля «Орел» капитан Д. Бутлер, парусный мастер Я. Стрейс и еще один офицер или матрос из той же команды, оставшийся неизвестным. Все трое выборочно пересказывают основные моменты и наиболее яркие эпизоды восстания, связанные с Нижним Поволжьем и в первую очередь с Астраханью³³.

Однако обличительная струя настолько преобладает в них над повествовательной, что А. Г. Маньков не без оснований даже отказывается рассматривать эти сочинения «иначе, как политические памфлеты, враждебные по отношению к восставшему народу и его предводителю»³⁴. Разумеется, ценность их, особенно соответствующего раздела книги Я. Стрейса «Три путешествия», как исторических источников не вызывает сомнений.

К запискам иностранцев, побывавших в России в период или вскоре после восстания С. Т. Разина, помимо упомянутых «Трех путешествий» Я. Стрейса, принадлежат сочинения секретаря шведского посольства Э. Кемпфера, французского автора Ж. Шардена, посла Рима в Москве Я. Рейтенфельса, голландского мемуариста Б. Койэтта³⁵. Их произведения уже давно заинтересовали как специалистов по социально-экономической истории, так и историков культуры и географов. В них содержится и обширный этнографический материал. Стрейсу и Рейтенфельсу довелось находиться в России: первому — в начальный период крестьянской войны, когда она только-только занималась, второму — уже при ее подавлении. Поэтому оба включили в свои записки личные впечатления и наблюдения о восстании. Что касается других авторов, то они затрагивают разинскую тему в основном лишь в той степени, в какой она имеет отношение к их пребыванию в том или ином городе или местности и вкупе с иными памятными событиями. Тем не менее, если вычесть из этих своего рода путевых заметок многочисленные заимствования из сочинений предшественников, останется немало любопытных деталей, легендарных и полуполулегендарных эпизодов, неожиданных фактов, которые отнюдь не сегодня были замечены, по достоинству оценены и прочно вошли в научный обиход. Среди далеких от исторической правды сведений встречаются документальные вкрапления и приложения. Это видно на примере книги Я. Стрейса, в которую включены письма двух его товарищей, а также дневников Э. Кемпфера, где помещен рассказ об экспедиции С. Т. Разина в Персию, записанный со слов некоего участвовавшего в ней казака³⁶. Однако в историографическом плане представляют интерес и самые недостоверные и нелепые слухи и измышления, приводимые в этих сочинениях. Ведь они позволяют судить, как интерпретировали и истолковывали разинское движение современники в России, Персии, странах Западной Европы, как формировалось на этот счет общественное мнение, что переходило в устные предания, а что в памяти народа не сохранялось и т. д.

Особняком от других иностранных сочинений стоит магистерская диссертация Иоганна Юстаса Марция под названием «Стенко Разин донски козак изменник...», которая была защищена в 1674 г. в Виттенберге (Тюрингия). Фактически это первый чисто научный труд о восстании Разина³⁷. Интерес в европейском ученом мире к народному движению в третьей четверти XVII в. в России показателен сам по себе, а последующие несколько изданий диссертации свидетельствуют, что он не ослабевал. Диссертация была подготовлена Иоганном Юстасом Марцием — человеком, не только хорошо информированным об освещаемых им событиях в России, но и их очевидцем. Работа И. Ю. Марция выдержана строго в принятых тогда традициях и во многом представляет собой нечто среднее между классическим трактатом и исследованием нового образца. Другими словами, это одновременно и научное сочинение в форме рассуждения (часто полемически заостренного), где в принципе определен подход к предмету, и серьезный целенаправленный труд, в котором углубленно рассматривается большой круг вопросов, связанных с разинским восстанием. Вместе с тем со ссылками на известные произведения Павла Иовия, Рейнгольда Гейденштейна и др. здесь дана характеристика России XVI — начала XVII в., а также сделан экскурс в более отдаленную эпоху вплоть до времени скифов. Специально останавливается Марций на происхождении донского казачества, кратко описывает предысторию разинского выступления, а затем переходит к основной части своего труда и сообщает, как от нападений разинцев на торговые суда, захвата Яицкого городка, похода к берегам Персии до взятия Астрахани и других городов и населенных пунктов Поволжья движение все более разворачивалось и нарастало.

Последовательность событий у Марция часто смещена, он допускает много ошибок и фактических неточностей, и тем не менее воссозданная им картина восстания отличается полнотой и добросовестной проработкой доступных автору свидетельств и первоисточников, на которые он — когда глухо, когда конкретно — ссылается. Вообще научный аппарат И. Ю. Марция по тем временам можно назвать очень добротным. Он хорошо знает не только средневековую и современную ему литературу, но и произведения античных авторов. При чтении труда Марция напрашиваются определенные параллели с «Анналами» Корнелия Тацита. Влияние римского историка прослеживается, например, в заметном стремлении будущего магистра писать без гнева и пристрастия. В прямых аналогиях, которые ученый муж из Тюрингии проводит между Разиным и Каталиной, в изображении повстанческого атамана деспотом и тираном, а восставших российских крестьян — подлой чернью, склонной к мятежам, угадывается знакомство с речами Цицерона и сочинениями Саллюстия. В то же время в диссертации неоднократно ставится под сомнение верность и преданность царю бояр, от которых, признает Марций, исходит смута в государстве и ненависть к которым в народе непримирима³⁸. Учитывая это, автор склонен возложить вину за вспыхнувший в России мятеж и на ближайшее окружение государя. Подобным образом и Тацит изобличал своекорыстных римских сенаторов в поспраии высших интересов империи. Но в отличие от того же Тацита, ставившего перед собой цель «узнать не только внешнее течение событий ... но также их смысл и причины», Марций — прежде всего лишь собиратель и описатель накопленных фактов. Нередко он выстраивает их по простейшей схеме. Так, главную суть восстания Марций практически сводит к борьбе Разина — «человека хоть и безродного, но на редкость искусного и ловкого, готового на любое дело...» и к тому же закаленного в битвах и опытного в воинском деле, — за власть³⁹. Получается, что народный предводитель и все, кто за ним пошел, — заговорщики, злоумышлявшие против трона. Марций так и пишет, имея в виду кульминационный момент крестьянской войны: «Имущество, жизнь, судьба жен и детей, а самое главное — честь знати и достоинство царя — все было под угрозой. Приходил час последних испытаний, неся царю свидетельства непрочности его судьбы, а Разину — свидетельство его взлета»⁴⁰.

Как бы отрицательно ни относился сам автор к своему герою (а в его глазах — антигерою) и возглавленному им движению, у него хватает здравого смысла оценить достойным образом огромную силу этого движения, а также не умолчать об энергии, доблести и других незаурядных качествах личности С. Т. Разина.

Еще важнее то, что в сочинении Марция события в России 1667—1671 гг. охарактеризованы как мощнейшее потрясение, едва не приведшее к социально-политическому перевороту в стране. Утверждается это со всей серьезностью, без тени сомнения и явно вопреки официальной версии московского правительства, пытавшегося заверить Европу, что разинское восстание — банальный и без особых усилий подавленный мятеж зарвавшегося казачества.

Помещены сведения о бунте в Московии и в исторической хронике «Тъеалгит Еигораеит» — немецком издании, вобравшем в себя наиболее значительные события европейской жизни⁴¹. Составители хроники И. Ф. Абелин, И. Г. Шледер и др. черпали данные о разинском движении в текущей (преимущественно германской) периодике, а также в анонимном «Сообщении...», в силу чего здесь содержится традиционный для зарубежных источников фактический материал, но показательное внимание, которое уделяют крестьянской войне в России тогдашние европейские средства массовой информации.

Есть у записок иностранцев еще одна сторона, которую никак нельзя обойти вниманием. Это рисунки, сопровождающие некоторые тексты и составившие основную часть иконографии крестьянской войны⁴². При наличии всего лишь одного русского графического источника, запечатлевшего стрельцов на стругах, которые посланы против разинцев⁴³, иностранные гравюры на эту тему представляют несомненную ценность.

Среди них основное место занимают портретные изображения С. Т. Разина из коллекции Британского музея, одно из которых помещено в первом издании английского анонимного «Сообщения...». Как чертами лица, фигурой, так и отдельными деталями внешности это изображение не противоречит известным словесным описаниям и характеристикам облика Разина. Перед нами человек с мужественным лицом, умными, внимательными глазами. У него простая казацкая стрижка и окладистая борода. Он внутренне сосредоточен, погружен в себя, во всем его облике ощущается скрытая энергия и сила.

Степан Разин. Деталь английской гравюры XVII в.

Что касается двух других известных портретов повстанческого предводителя, то можно подумать, что на них — разные люди. На первом (работы Фюрста) — Разин в чалме, в дорогом восточном платье; внешность у него самая злодейская: угрюмое, заросшее густой бородой лицо, свирепый взгляд. Этот портрет носит откровенно пропагандистский характер. В первую очередь он призван был поразить воображение европейского обывателя, внушить ему страх, вызвать неприязнь. Автор его скорее всего никогда не видел Разина, но в представлении современника-иностранца именно так должен был выглядеть знаменитый русский «разбойник». Не менее интересна надпись на портрете, преследующая цель не столько разъяснить, кто такой Разин, сколько дискредитировать царя Алексея Михайловича: «Подлинное изображение Степана Разина — главы мятежников в Московии, который, в отмщение за своего повешенного брата, собрал несколько шаек и первоначально разыгрывал разбойника, потом устроил армию, сделался главнокомандующим и занял богатый город Астрахань и много других мест. Нередко он побивал войска великого царя, презывая к себе многих недовольных, и его самого (царя. — *В. С.*) ставил в такое опасное положение, что его корона колебалась, так как этот властелин, который так кровожадно стремился захватить чужие короны, должен был дрожать за свою».

На второй гравюре у Разина одутловатое лицо, усы и бородка на европейский манер, на нем стрелецкий кафтан. Так мог выглядеть, если не считать русского платья, капитан королевских мушкетеров де Тревиль, но не донской атаман. Очевидно, художник писал его портрет по своему разумению и весьма смутно представлял себе внешний облик не только Разина, но и вообще своих современников-россиян.

Неодинаковый уровень развития исторической культуры, конечно, сказывается в трактовке разинского восстания русскими и иностранными авторами. Однако, несмотря на целый ряд различий, в понимании теми и другими описываемых событий много сходных взглядов и пересечений. И это при том, что в Европе в 60—70-е годы XVII в. уже заявила о себе философия разума; Декарт, Спиноза и Лейбниц пытались свести человеческие знания в определенную систему, подчиненную строгим логическим законам и

правилам. Казалось бы, в сочинениях современников-иностранцев о восстании Разина эти мысли и построения в рационалистическом духе должны были бы проявиться. Но вместо них налицо лишь некоторые подчас довольно грубые абстракции ума и сердца. Даже приемы критического исследования, которые в западно-европейской исторической науке сложились раньше чем в России⁴⁴, в работах, посвященных разинскому восстанию, не получили развития. Это объясняется тем, что за исключением труда И. Ю. Марция мы имеем дело с сочинениями не профессионалов-историков, а лиц совсем других занятий, ставших очевидцами крестьянской войны или располагавших интересным материалом о ней. Все они как должное восприняли и с теми или иными вариациями воспроизвели в своих записках официальную версию московских властей в отношении восстания. Менее податлив оказался один Марций, который склонен выводить движение не только из «злонамеренности» народа, но и из засилья бояр.

Освещение событий 1667—1671 гг. иностранцами и россиянами чаще совпадает, чем рознится. Правда, в зарубежных известиях историческое и биографическое, как правило, смыкаются, причем одно выводится из другого. Так, в «Сообщении...», а затем и у Марция начало казачьего выступления в 1667 г. связывается с мезтью Степана и Фрола Разиных боярам и воеводам за казнь их старшего брата Ивана, самовольно оставившего войско князя Юрия Долгорукого. Примечательно, что ни в актовых материалах, ни в народном эпосе этот факт подтверждения не нашел. Спрашивается, не выдуман ли он в качестве убедительного повода, давшего толчок народному возмущению? Подробностей такого рода в свидетельствах иностранцев немало, и большинство из них вызывает обоснованное сомнение. Но это уже вопросы не историографические, а источниковедческие.

Разграничительная линия в подходах и историческом толковании происшедшего дает о себе знать и тем, что русские авторы весьма приглушенно показывают зависимость человеческих действий и поступков от природы, силы земных чувств, твердости веры, тогда как западные — напрямую объясняют указанный порыв народной стихии игрой безудержных, необузданных страстей, хотя и не исключают и другие мотивы (вмешательство провидения, божьей воли и т. п.). То внимание, которое все более уделяется в XVII в. и в Европе, и в России личности, ее роли и месту в мире, в значительной мере связано с христианством. Этот момент до недавнего времени не всегда принято было отмечать. Ведь сколько раз религиозное мировоззрение сопрягалось в нашей литературе с обскурантизмом, мракобесием, схоластикой. И, как правило, выпадало или обходилось молчанием то обстоятельство, что христианская религия проявила глубокий интерес к человеку, а как западно-европейское, так и славянское богословие стремилось постичь значение человека, проникнуть в глубины его ума и духа. И общие точки и черты в формировании философской и исторической мысли в странах Европы и в России возникли прежде всего на почве христианства.

* * *

Народные представления о восстании Разина вылились в многочисленные песни, предания, легенды. Этот грандиозный эпос при всех своих чисто фольклорных сторонах очень ярко отразил массовую историческую мысль, настроения, психологию, жизненно важные вопросы. Он проникнут ненавистью к феодальному гнету и преисполнен надеждой на избавление от пут крепостничества с помощью «батюшки Степана Тимофеевича» и его «детушек». А по богатству языка и художественной выразительности разинский цикл стоит в одном ряду с лучшими произведениями мирового устного народного творчества и поэтому уже давно вошел в золотой фонд русской литературы. Но если филологи отдали ему должное⁴⁵, то историографического осмысления он почти не получил.

Редкий сборник народных песен, начиная со старинных изданий М. Д. Чулкова и Н. И. Новикова и кончая самыми новейшими⁴⁶, не включает в себя песен о Разине и его сподвижниках, поскольку песни этого цикла самые популярные среди всех русских

исторических песен. В числе собирателей народного поэтического творчества, посвященного разинской теме, были А. С. Пушкин и А. Н. Островский, П. И. Мельников-Печерский и Д. Н. Садовников. Памятники фольклора стали своеобразным камертоном, по которому выявляли «звучание» тех или иных подкреплённых историографической традицией версий о восстании крупнейшие историки России С. М. Соловьёв и Н. И. Костомаров.

Песни и сказания о прославленном атамане, о разинской вольнице, конечно же, прежде всего поэтические произведения и содержат много вымысла, фантастических и условных ситуаций, что, впрочем, не мешает рассматривать весь этот комплекс и как интереснейший и плодоносный исторический источник. Однако в песенной форме преломились и отношение народа к крестьянской войне, и его понимание событий, и его оценки, симпатии, чаяния, иллюзии, устремления. Возможности Разина в представлении обездоленного российского населения были безграничны, с ним связывали вековые надежды на лучшую долю, на освобождение от крепостной зависимости, на заступничество от произвола и насилия. Поэтому не удивительно, что в образе неустрашимого и неуязвимого Стеньки народ создал себе кумира.

С. Т. Разин — больше чем историческое лицо. Он не только бесстрашный бунтарь, бросивший вызов времени и обстоятельствам, но и мифологический персонаж, воплощенное желание миллионов быть свободным в проявлении своей воли, чувств, страстей, независимым от тирании власти. Образы, которые народ отождествляет с историческими героями, имеют к ним подчас лишь косвенное отношение. Прямое отношение они имеют к коллективным мечтаниям, представлениям о добре и зле и т. п. В какой-то мере это касается и Разина. Вот почему исторические песни о нем во многом можно расценивать и как мифы. Что есть миф для человека? Прежде всего он — точка опоры в духовных исканиях, способ защиты от жизненных гроз и недугов. В одних случаях он способен исцелить, успокоить, снять напряжение, в других — вдохнуть веру в свои силы, взбодрить, придать энергию и отвагу. В песнях разинского цикла, как правило, находит выражение характерный для большинства мифов предельно упрощённый конфликт добра и зла, где исторические реалии зачастую сведены до минимума или вообще нарушены сказочными вкраплениями. Сюжет варьирует набор подлинных фактов и традиционных фабульных клише. Созданный путем сочетания обоих этих компонентов мир социально привлекателен, логичен внутри себя и выгодно контрастирует с непоследовательностью, сложностью, беспросветностью мира реального. Это мифологическое начало присуще и традиционным казачьим, разбойничьим (удальным) и старым историческим песням. Сам Разин из числа тех людей, которые как бы притягивают к себе мифы. Такие личности обрастают легендами и при жизни, и после смерти. Вокруг них витает постоянная аура мифа. В разинском цикле эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Крестьянская война второй половины XVII в. поразила воображение миллионов. Самостоятельность и дерзость действий, независимость духа разинцев, вольное передвижение их по Дону и Волге, победоносный поход в Персию, захваты одного за другим волжских городов и намерение идти к самой Москве, расправа с царскими воеводами и приказными людьми, «прелестные» письма, героика и трагический исход восстания — все это глубоко отложилось в народном сознании, надолго стало пищей для ума, вошло в устные поэтические произведения. В песнях и легендах, воспевавших мужество, удаль и волю вольную, старшие поколения находили утешение в горькой своей жизни, а младшие — черпали силы для сопротивления и протеста, для того чтобы жить, не склонив головы.

Ядро разинского эпоса сложилось непосредственно в период событий 1667—1671 гг. и вскоре после них. А позднее, в XVIII в., пополнилось многочисленными прибавлениями. На сегодняшний день известно более двухсот записей песен на эту тему.

В народных сказаниях Степан Разин нередко действует вместе с Ермаком. В одном из преданий говорится: «У Ермака Тимофеевича, самого наибольшего из всех станишников, было много удалых товарищей, верных помощников. Правую рукою у него был Стенька Разин...» В песне о покорении Сибири Ермаком, сложенной наполовину в прозе, наполовину в стихах, есть такие слова:

Атаманом был на нем (Соколе-корабле, на котором, как поется в песне, Ермак отправился в Сибирь. — В. С.)

Стенька Разин сам,
Есаулом был Илья Муромец.

То, что фольклор сводит Разина с Ермаком и Ильей Муромцем — излюбленными героями устных повестей и сказов, показывает, насколько глубоко вошел в сердце простого русского человека образ «батюшки Степана Тимофеевича», насколько он близок и дорог тем, во имя кого отдал свою жизнь. В народных повествованиях Ермак и Разин не случайно не разделены веками, как в истории. Этим как бы подчеркивается общность судеб и устремлений двух богатырских личностей, пошедших разными путями искать волю.

В народных сказаниях Разин часто наделяется сверхъестественными качествами: не боится ни пуль, ни ядер; бросает со струга двадцатипудовые камни; расправляется с врагом, убивая его из незаряженного ружья и т. п. Первые легенды, в которых Разин предстает как кудесник и чародей, складывались еще во время его победоносных походов на Каспий и Волгу, когда целые отряды и гарнизоны противника без сопротивления переходили на сторону повстанцев, а пушкари и стрельцы, чуть ли не в упор стреляя по разницам, каким-то непостижимым образом (а на деле — паля холостыми зарядами или нарочно ведя огонь мимо цели) не причиняли им вреда. Так и родилась молва, что Разину пушки нипочем и пули-де его не берут, ибо он «заговоренный». Эта легенда охотно принималась на веру простым народом, поскольку была порукой неуязвимости предводителя крестьянской войны. Позднее круг возможностей атамана-колдуна в людских представлениях еще более расширился. Заговорили о том, что Разин «пускал корабли по суку, как по воде», что с помощью каких-то заклинаний он сделал безобидными змеями прежде ядовитых ужей, что по волжским берегам им спрятаны клады с несметными богатствами и т. п. Войско свое, согласно преданию, собирал он так: возьмет липовую щепку, бросит в Волгу, и вот на реке появляется корабль с вооруженными казаками.

В произведениях устного народного творчества Разин предстает перед нами как личность былинного склада. Таким его видели и изображали современники.

Но за всеми эпическими сообщениями, как бы ни были они на первый взгляд причудливы и фантастичны, стоит реальный человек. В фольклоре о Разине воплощены его живые черты. Любознательность и одержимость, простота и лукавинка, бесшабашность и непримиримость к угнетению, к подлости. А еще — размах богатырский, истовость. Искренняя сыновья любовь к народу российскому и глубокая вера в него, в его силы. И дума, дума высокая... Он храбрый удалой атаман, вершитель социального возмездия, суда над людьми неправедными, мирскими кровопийцами, богатеями, боярскими прихвостнями. И тем он люб народу. В песнях неоднократно подчеркивается, что Разин встал во главе голытьбы, бедноты. Именно к ней обращена ласковая речь атамана:

Ай, ну и голь же, голь бедняцкая!
Собирайся ты со всех, ну со всех сторон!
Товарищи вы, други любезные,
Собирайтесь, братцы, вот вы солетайтесь,
Братцы, на волюшку-волю вольную.

От людской наблюдательности не укрылось и то, что «думы думал атаманушка с голытьбою», а «во казачий круг... не хаживал», поскольку с заправлявшей там старшиной (верхушкой) ему было не по пути. Зато он «голытьбу на бой водил». Именно в поддержке голытьбы ощущает Разин свою силу:

Ай-да ... голытьбы-то моей,
Да моих товарищей,
Вот и всех не счесть-перечесать.

Хорошо зная, что официальные власти фактически объявили повстанческого атамана и его соратников государственными преступниками («ворами»), народ в своих песнях опровергает этот неправый приговор, отсекает злые домыслы и утверждает, что Разин не разбойничал, а с голытьбой по морям да по рекам гулял, разбивал корабли и топил бояр, купцов, а «голытьбу на бой водил». Та же мысль пронизывает и песню разинских молодцов:

Мы не воры, мы не воры,
Ой да, не разбойнички,
Ой да, Стеньки Разина мы работнички,
Все есауловы помощнички.

Параллельно образу Степана Разина в песнях создан образ народа, складывающийся из характеристик и действий голытьбы и казаков. Особенно полное воплощение он находит в лице «сынка» Разина — смелого и дерзкого юноши, прозванного так за верность атаману. Попав в руки врагов, он держится мужественно и гордо и, хотя знает, что ему грозит виселица, сам угрожает царскому воеводе и говорит о скорой расправе с ним. В слова «сынка», который перед лицом смерти прямо заявляет о преданности Разину, народ вложил собственное отношение к событиям, к предводителю восставших.

В песнях о Степане Разине современники чутко уловили главные вехи и черты в развитии движения: походы на Яик и Каспий, на Астрахань, непростой диалог со старым, бывалым казачеством во главе с войсковым атаманом и близкими ему людьми. Есть даже родившаяся, очевидно, в казачьей среде песня о походе Разина на Москву, в которой высказаны сомнения в справедливости царя:

Почто жалует государь-царь и князей
и бояр,
Почто ж нас, казаков, не пожалует
ничем?

И возникает замысел идти «на святую Русь» и самим, без царя, на которого надежда плохая, устроить все по совести и справедливости.

Мы Казань-то городок возьмем с вечера,
А Москву возьмем ко белой зоре.

В горестных, полных сопереживания, но кончающихся, как правило, на оптимистической ноте песнях нашли отражение заключение Разина в тюрьму и его казнь («На заре то было, братцы, на утренней...» и др.).

От народного внимания не ускользнуло, что на начальной стадии восстания разницы поглощены не только тем, чтобы пресечь лихие умыслы и неправды боярские, но

и тем, чтобы «забрать богатую казну», в последующих же походах на первый план выступают уже иные мотивы:

Ой-да, отстоим же мы, братцы-товарищи,
Ой-да, жизнь вольную, свободную!⁴⁷

Социальное содержание раскрывается и в острой сатире — осмеянии бояр, воевод, приказных, их спеси, жадности, жестокости, страха перед поднявшимся на борьбу народом.

Таким образом, песни разинского цикла запечатлели в сознании простых людей память о крестьянской войне, в них нашли выражение народное понимание истории, оценки событиям и деятельности лиц, участвовавших в этих событиях. Разинское восстание в глазах народа преисполнено огромного общественного смысла. И это в полной мере нашло проявление в исторических песнях, которые, широко распространившись по всей стране, переходили из века в век, выражая народный протест, готовность дать отпор угнетателям, и вдохновляли массы на «борьбу за свое счастье и свободу».

ГРОЗНЫЙ ПРИЗРАК МЯТЕЖА (Освещение событий 1667—1671 гг. в XVIII — первой половине XIX в.)

В первые десятилетия XVIII в. разинское восстание продолжало оставаться в науке и литературе запретной темой. Вспыхнувшее в 1707 г. движение К. Булавина стало опасным напоминанием о силе народного бунта, и российское дворянство предпочитало до поры до времени не извлекать на свет божий историю мятежа второй половины XVII столетия. Петр I при всем своем интересе к достопамятным событиям прошлого крестьянские бунты к таковым явно не причислял, хотя в народе и сохранилось любопытное предание о посещении императором могилы Степана Разина. Эту легенду приводит в своей «Истории Пугачева» А. С. Пушкин¹. Однако вряд ли Петр в самом деле предпринимал такое «паломничество». К тому же, казнив Разина, власти позаботились о том, чтобы от него и следа не осталось на земле: рассеченное палачами на части тело народного предводителя было выставлено на всеобщее обозрение «до исчезновения». Затем останки Разина были тайно погребены на Татарском кладбище в Замоскворечье². Так что нет не только могилы его, но и само место захоронения повстанческого атамана известно лишь предположительно. И даже трудно сказать, почему и зачем народная фантазия соединила имена Степана Разина и царя Петра. При всей популярности первого российского императора значительная часть трудового населения страны, в особенности крестьянство, не принимала его, ходили слухи о том, что царь подменный и даже антихрист. В этом нашел отражение подсознательный протест масс против перекраивания российской жизни на «немецкий» лад, против начавшего становиться государственной нормой именно в это время неуважения и бездушного отношения к человеческой личности и народу вообще. С проводившимися железной рукой петровскими реформами русский мужик с полным основанием связывал практику жестоких притеснений и издевательств, которые ему пришлось вынести и которые превосходили прежний гнет, произвол и бесчинства властей и господ.

Бесспорно, что начало XVIII в. было ознаменовано внедрением в стране, причем преимущественно насильственным путем, элементов передовой европейской культуры (внимание к научным знаниям, изучение иностранных языков, культ книги, «не-мецкое» платье и обличье...). Но все это получили лишь «благородные» сословия; уделом «подлых» людей были, как и раньше, темнота и бесправие. Это привело к резкому размежеванию России помещичьей и России, добывающей хлеб в поте лица своего, до

степени сосуществования двух разных наций. И даже когда в дворянской среде зародилась и окрепла антикрепостническая идеология, весомо и непреклонно противостоящая охранительной, она все же лишь соприкасалась, но далеко не смыкалась с народным сопротивлением. Только на рубеже XVIII и XIX столетий сначала А. Н. Радищев, а вслед за ним декабристы и А. С. Пушкин признают, что в мужицких бунтах Разина и Пугачева есть свой исторический смысл, своя незаемная, во многом субъективная, но все-таки правда.

Историография разинского восстания в XVIII в. складывалась на фоне идейной борьбы про- и антикрепостнических течений, под прямым влиянием развития русского просветительства и освободительных идей революций в Америке и во Франции, с одной стороны, и под воздействием «философии» кнута и политики укрепления диктатуры дворян — с другой. Мощный импульс обращению историков к движению Разина придала разразившаяся в 1773—1775 гг. крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева³.

В это время в народной среде получает особенно широкое хождение богатейший фольклор о Разине — предания, легенды, сказы, притчи и, конечно же, песни, которые пела вся голь российская и которые были необычайно популярны в армии Пугачева.

Против самозванного императора, объявившего себя Петром III, спешно направляются войска, а ряд ученых мужей, чтобы успокоить дворянство, публикует сочинения о бунте Стеньки Разина. Историческая аналогия должна была, по их мнению, показать всем, кто слишком боится Пугачева, что крестьянские и казацкие мятежи не новость на Руси, что разинцы тоже обратили в свое время в панику верхи государства, но в конечном счете были наголову разбиты победоносными царскими войсками. К такого рода «успокоительным» книгам можно отнести «Сокращенную повесть о Стеньке Разине» А. П. Сумарокова и «Краткую повесть о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова⁴. Оба автора, берясь за перо, преследовали более политические, чем научные цели. Разинское выступление для них — «бунт всякого сброда». Основная причина крестьянской войны — безудержное стремление Разина к власти. Народ участвовал в восстании якобы только лишь потому, что был обманут, запуган, соблазнен, прельщен. Сумароков и Щербатов подчеркивают разбойничий характер движения, а также большую опасность его для дворянского государства. Немалое внимание уделено на страницах той и другой повести фигуре С. Т. Разина. Сумароков считает, что «злое Стенькино сердце» побудило его пойти против господ; Щербатов пишет о Разине и его сподвижниках как о людях с «развратными сердцами...» и причисляет предводителя восставших к самозванцам, поскольку тот, пойдя на хитрость, стал действовать от имени царевича Алексея Алексеевича и патриарха Никона⁵.

Источниковедческая база «Сокращенной повести...» и «Краткой повести...» сравнительно узка. Основные материалы Сумарокова и Щербатова — свидетельства иностранцев и сообщения хронографов, причем они берутся на веру и пересказываются без особой щепетильности и попыток критического разбора. Для виднейших историков XVIII в., высокий профессионализм и общая культура которых хорошо известны, это выглядело бы по меньшей мере странно, если бы они заведомо не искали в источниках то, что им хотелось найти, и если бы руководствовались стремлением написать историю разинского восстания, а не имеющие подчеркнута злободневную окраску публицистические сочинения в угоду обеспокоенному движением Е. И. Пугачева дворянству.

Между тем и А. П. Сумароков, и М. М. Щербатов принадлежат к той замечательной плеяде российских умов, которым по силам было не только сравнивать и обобщать историческое прошлое, но и философски осмысливать его в свете великих гуманистических и демократических идей своего времени, вслушиваясь в голоса энциклопедистов и Руссо, не обходя стороной ни светлых, ни темных страниц российской истории.

Разве не из-под пера того же Сумарокова появилась на свет обличавшая крепостнический произвол «Сатира о благородстве»? В ней автор довольно резко обвиняет дворян в том, что они не считают принадлежащих им крепостных крестьян за людей:

...На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
 А мы бы их труды по знатности глотали?
 Какое барина различье с мужиком?
 И тот и тот земли одушевленный ком.
 И если не ясней ум барский мужикова,
 Так я различия не вижу никакого.
 Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
 Господский так же сын, хотя и слаще жрет,
 И благородие свое нередко славит,
 Что целый полк людей на карту он поставит.
 Ах! должно ли людьми скотине обладать?

И разве не придворный историограф Екатерины II М. Щербатов, помимо официального труда — многотомной «Истории российской от древнейших времен», написал тайное и нелюбезное сочинение «О повреждении нравов в России», в котором остро и откровенно, а иногда и в форме словесной карикатуры, изобличает своих вельможных современников, высказывает независимые суждения о царях и даже смеет их поучать?

Конечно, при всей критичности взглядов ни Сумароков, ни Щербатов отнюдь не революционеры. Они оба — убежденные сторонники старины, крепостного права. Но они и дети «века Екатерины II» с его книжностью, поэтической и публицистической словесностью, сентиментализмом и высокими идеями об улучшении общественного быта и положения крестьян. По-своему, по-дворянски они могут сострадать мужику, возмущаться скотским с ним обращением, возражать против его разорения вследствие растущих барских appetitов. Как справедливо отмечено М. Т. Белявским, «между Екатериной и Щербатовым, Сумароковым и Голицыным, Болотовым и Скотининой, Салтычихой и Карамзиным, Дашковой и Паниным была значительная разница в положении, богатстве, взглядах. Но все они не допускали возможности уступок, ослаблявших господствующее положение дворян и существенно изменявших отношения между крестьянами и помещиками. Они были представителями охранительной идеологии, т. к. не допускали изменения экономической основы владычества дворян и феодально-абсолютистского характера надстройки»⁶.

В 70-х годах XVIII в. под сильным влиянием щербатовского сочинения военным инженером А. Ригельманом, проходившим службу на Дону, была написана «История или повествование о донских казаках»⁷. Опубликована эта работа была лишь семьдесят лет спустя, но она не слишком выпадала из ряда научных трудов на ту же тему, вышедших в первой половине и даже 50—60-х годов XIX в.⁸, разве только ее отличала большая ожесточенность по отношению к восставшим, ведь создавалась она в период пугачевского движения. В адрес разинцев Ригельман разражается бранными эпитетами. Но не менее чем на этих «проклятых еретиков», негодует он на присоединившийся к движению народ, который называет «несмышленной чернью», «сволочью» и т. п.

И. В. Степанов положительным моментом в «Истории...» Ригельмана считает наличие в ней некоторых фактических сведений, не содержащихся в известных нам источниках о восстании. Однако немало таких данных страдают неточностями. Так, Ригельман указывает на станицу Зимовейскую как на место рождения С. Т. Разина. Это утверждение долгое время не оспаривалось в историографии. Воспринимает его как достоверный факт и И. В. Степанов⁹. Между тем, как установил А. П. Пронштейн,

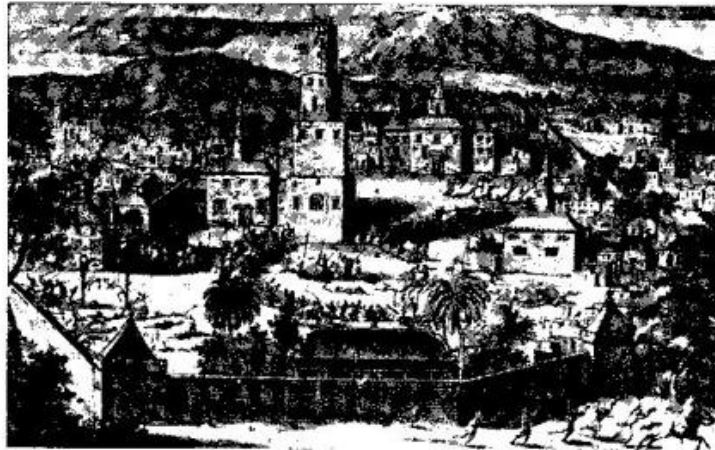
станция Зимовейская возникла не ранее 1672 г., т. е. уже после казни С. Т. Разина¹⁰. По-видимому, А. Ригельман, собирая материал о восстании, столкнулся с тем, что в народе атамана называли «зимовейцем». По аналогии с Е. И. Пугачевым, действительным уроженцем Зимовейского городка, историк-любитель заключил, что там родился и Разин. Но, как убедительно разъяснил недавно на страницах журнала «Вопросы истории» М. П. Астапенко, зимовейцами на Дону в XVII в. часто называли участников «зимовой», т. е. отправлявшейся поздней осенью и зимовавшей в Москве, станции (посольства)¹¹.

Воззрения А. Ригельмана не оригинальны и, безусловно, вписываются в антинародную трактовку восстания, но они представляют несомненный интерес с точки зрения преломления событий через краеведческий материал и историю донского казачества.

Еще за десять лет до восстания Е. И. Пугачева вышло в свет «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний» первого русского гидрографа Ф. И. Соимонова¹². На это сочинение в период крестьянской войны 1773—1775 гг. также был большой спрос, ибо читатель мог найти там «душеспасительные» сведения о том, как был усмирен бунт злокозненного Стеньки Разина. Помимо обычных данных, которые путешественники узнают со слов местных жителей, Соимонов, сообщая о разинцах, воспользовался записками иностранцев и вошедшими в них документальными материалами, в частности смертным приговором, вынесенным вождем крестьянской войны. Удалось автору обнаружить и интересный рукописный раритет русского происхождения (о нем речь шла выше; см. с. 10), представляющий собой одну из «реляций» властей о «бунте и злодействах донского казака Стеньки Разина». Точка зрения самого Ф. Соимонова на события столетней давности вполне согласуется с официальной правительственной оценкой. Разин и его единомышленники для него — это разбойники и смутьяны, прельстившие на свою сторону всех тех «злых людей», которые в погоне за легкой наживой и даровыми деньгами всегда на все готовы¹³.

Ф. И. Соимонов заслуженно вошел в историю нашего отечества как человек большого мужества и независимых взглядов. Почему же он, сам не раз выступавший против деспотии и самовластья императрицы Анны Иоанновны и ее придворной клики и отправленный за это на каторгу, не проявил сочувствия и понимания по отношению к разинскому движению? Думается, здесь все закономерно. Адмирал российского флота, неоднократно имевший дело с донскими «флибустьерами», совершавшими дерзкие нападения на торговые суда, Ф. И. Соимонов и в казаках Разина видел только разбойную ватагу, а в их действиях — более крупный, чем в других случаях, пиратский промысел.

В ряде мест, где разворачивались в третьей четверти XVII в. центральные события крестьянской войны, побывал другой русский путешественник — С. Г. Гмелин. Ему было поручено Академией наук составить описание прикаспийских стран, в силу чего маршрут его следования во многих точках совпал с направлением разинского отряда. В итоге в объемном сочинении этого географа — несколько очень сердитых страниц о «злодействах» и «бесчинствах» повстанцев. Возможно, авторская интонация при изложении всего этого была бы и спокойнее, но, во-первых, работа С. Гмелина была опубликована год спустя после подавления пугачевского движения и, во-вторых, в руки С. Гмелину

Астрахань во время пребывания войска С. Т. Разина. Гравюра XVII в.

попал один из списков пропитанного ненавистью к восставшим: золотаревского «Сказания...». То и другое, плюс исходная антинародная настроенность автора привели его к прямому очернительству восставших и крайне пристрастному освещению событий, произвольному обращению с цифрами, в результате чего у него непомерно увеличено количество жертв разинцев, а смысл всего, что они делали, сведен к казням, насилиям и грабежам. Автор даже считает, что Астрахани их действия принесли не меньший урон, чем вторжение внешних врагов¹⁴.

В том же духе трактует разинское восстание известный историк и географ XVIII в., первый русский член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков, который в 1773 г. в качестве должностного лица находился в осажденном пугачевцами Оренбурге и «во время осады, когда, — по его словам, — нечего было делать, описал ... астраханский бунт Стеньки Разина и его сообщников»¹⁵. Рукопись его до сих пор не опубликована и хранится в Центральном государственном архиве древних актов. Озаглавлена она «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани».

В распоряжении П. И. Рычкова — неширокий круг источников. В основном он базируется на «Сказании...» П. Золотарева, но, если последний выдвигал на первый план элементы провиденциализма, то Рычков, напротив, «выключил... разные чудеса и знамения», поскольку признал их «совсем к истории ненадлежащими». Работу П. И. Рычкова отличает стремление найти реалистические причины действий и поступков как тех исторических личностей, которым он симпатизирует и сочувствует, так и тех, кого он решительно не приемлет и сурово осуждает. Ему также свойственны критика источников с позиций «здорового смысла» и пытливые усилия по установлению достоверности сообщаемых сведений.

О своей работе П. И. Рычков поставил в известность влиятельного ученого, историографа академического университета в Петербурге Г.-Ф. Миллера, который собирал материалы по истории казачества и проявил большой интерес к разинскому восстанию. Он охотно согласился познакомиться с сочинением Рычкова, прочел его и одобрительно о нем отозвался, однако по неведомым причинам так и не напечатал. С тех пор рукопись «О бунте и злодействах...» осела в знаменитых «портфелях Миллера».

В общих курсах истории, написанных в XVIII — начале XIX в., восстание Разина, как правило, даже не упоминалось. Исключение составляют «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева и «Летопись...» С. В. Величко¹⁶.

Касаясь в своем сочинении народных движений середины — второй половины XVII в., А. И. Манкиев отзывается о них как о «сбродстве» и с удовлетворением сообщает о карательных мерах правительства по их пресечению. В том же духе в «Ядре Российской

истории» освещается и казнь С. Т. Разина, по поводу которой там ошибочно сказано, что она произошла не на Красной площади, а на Болоте.

Отрицательно относится к народным массам и их борьбе и украинский историк С. В. Величко. Пожалуй, если бы путеводной звездой в работе над «Летописью...» ему не служил известный труд С. Пуфендорфа¹⁷, где есть сведения о разинском восстании, он предпочел бы вообще не касаться этой темы. Но, идя вслед за немецким ученым, Величко более подробно останавливается на событиях, о которых у Пуфендорфа сказано лишь мимоходом, правда, повторив и его ошибки (например, приводит факт о взятии восставшими Казани). «Того ж 1669 року, — пишет он, — по свидетельству Пуфендорфиевом..., повстал з Дону Донский козак и крамольник Стенка Разинов¹, з подобними себе легкомысленниками донцами...» Но у Пуфендорфа есть только сообщение о том, что в 1669 г. бунтовщик Стенька Разин учинил много беспокойства царю Алексею Михайловичу. Ни про Дон, ни про донских казаков у него нет ни слова, как нет характеристик и оценок типа «крамольник», «легкомысленники». Не из «Введения в историю знатнейших европейских государств...» почерпнул Величко и данные о том, что Разин многие деревни московские разорил. Владая, помимо немецкого, еще и польским и латинским языками, он вполне мог пользоваться какими-то неизвестными нам сегодня источниками. При этом автор не преминул бы сослаться на них, ибо в других случаях он как типичный представитель историографии XVIII в. не упускает возможности козырнуть знакомством с зарубежными историческими трудами. Скорее всего он основывается на словах очевидцев. Подтверждением тому служит следующее прямое указание автора при дальнейшем описании разинского движения: «Повествуется же от старых людей русских...» И ссылаясь на такие рассказы, Величко дает весьма выразительный и почти беспристрастный портрет предводителя восставших: «...тот крамольник Разин был зросту высокого и уроди (наружности. — В. С.) красной, в силе и мужестве изобилен...» Приводит украинский историк и данные о том, что до 1669 г. Разин «з донцами» «на морю Азовском... туркам и татарам, потом на морю Хвалынском персидам и ... тамошним народам многие чинили пакости и разбои...». В других источниках сведений о походах разинцев на Азовское море и столкновениях с турками и крымцами не встречается. Очевидно, здесь у Величко неточность. Однако следует иметь в виду, что многое из того, как начиналось волнение на Дону, как произошло выдвижение Степана Разина в казацкие головщики и т. п., до сих пор остается неизвестным. Так что, возможно, небольшой отряд донцов, возглавляемых будущим атаманом, первоначально попробовал свои силы именно на азовских берегах. И, быть может, не случайно, прежде чем пойти на Волгу, разницы пытались пробиться в низовья Дона. Но тщетно: черкасские казаки во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым и старшиной их не пропустили.

В своем понимании и толковании восстания С. В. Величко частично идет за Пуфендорфом, связывая вспыхнувший мятеж со злой волей Разина и всех донцов, кто выступил с ним заодно «против владыки своего государя Московского», но в то же время считает, что события приняли дурной для восставших оборот, поскольку такова была фатальная неизбежность и поскольку каждому выпадает своя судьба, над которой человек не властен. И Разин, в представлении Величко, «упал тяжко и погубил веема», «на своей фортуне зпоткнувшийся»¹⁸.

В освещении крестьянской войны историками XVIII в. выпукло проявилась тенденция дворянской историографии ставить историю на службу и укрепление самодержавного государства. Эти черты получили дальнейшее развитие в первой половине и в середине следующего столетия. Если сравнить, например, сочинение П. И. Рычкова и опубликованные в 1841 г. «Записки об Астрахани» известного краеведа, знатока истории Нижнего и Среднего Поволжья М. Рыбушкина¹⁹, создается впечатление, что оба автора писали свои работы синхронно, а не с временным разрывом около

¹ В тексте у Величко двоякое написание имени повстанческого предводителя: Разинов и Разин.

семидесяти лет. И дело тут вовсе не в том, что они использовали один и тот же основной источник — «Сказание...» П. Золотарева, а в том, что их объединяет общая методологическая позиция: и тот и другой рьяно защищают интересы дворянства, самодержавия, церкви. Такой подход, в том числе к освещению разинского восстания, был хронологически довольно длителен и отражал настроения реакционно-консервативной части господствующего класса.

Но в последние десятилетия XVIII в. дают о себе знать и предвестники иной историографии. Для правильной оценки развивающихся историко-философских взглядов в России в этот период необходимо прежде всего отметить особую роль и значение деятельности Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. Думается, тут незачем искусственно противопоставлять идеи первого и второго²⁰. Не случайно известный русский философ и литератор В. В. Розанов называл их сострадальцами. Да, безусловно, Новикову с его благими намерениями исправить российскую действительность с помощью просвещения свойственна дворянская ограниченность. Да, Радищев в своем миропонимании шагнул значительно дальше. Но ведь его ум взлелеяла и питала наряду с западной и передовая русская мысль, в частности острейшие публикации в новиковских сатирических журналах «Трутень» и «Живописец»²².

Помимо новых, продвигавших общественно-политическую мысль и — как ее составную часть — гуманитарные науки идей, с именем Н. И. Новикова связана фундаментальная публикация документов по русской истории под общим названием «Древняя Российская Вивлиофика» (библиотека). В этом корпусе — и как раз в период пугачевского движения! — впервые увидели свет некоторые официальные правительственные документы о восстании С. Т. Разина, что само по себе весьма знаменательно, поскольку, во-первых, давало возможность образованным людям разных сословий познакомиться с первоисточниками и составить собственное мнение о зафиксированных в них событиях, а во-вторых, несколько разряжало цензурную обстановку и негласный заговор молчания вокруг разинской темы. Речь идет о напечатанных Н. И. Новиковым правительственной информации по поводу сдачи восставшими царским войскам Астрахани, а также описании того, как проходила церемония предания Разина анафеме — церковному проклятию²³.

Опираясь на достижения передовой общественной мысли 60—80-х годов XVIII в., А. Н. Радищев внес новые прогрессивные подходы в изучение истории²⁴. Так же, как и большинство его современников-просветителей, он продолжал оставаться на идеалистических позициях, но, задумываясь над цикличностью хода истории, акцентируя внимание на восходящей и нисходящей стадиях исторического процесса, тщился выявить порядок, метод и закон. Знакомый с сочинениями Фергюссона и Мирабо, Вольтера и Гердера, Кондорсе и Монтескье, Руссо и Канта, Радищев склонялся к мнению социалистов-утопистов о том, что поиск пути к более высоким и справедливым этапам развития общества соответствует вечной природе человека. В отличие от Гоббса, у которого, как известно, естественное состояние человека — это война всех против всех, Радищев характеризует его как единомыслие, равенство. В этом проявился присущий первому русскому революционеру-республиканцу гуманизм, стремление к социальной справедливости. «Человек, происходя на свет, — по мнению Радищева, — есть равен во всем другому». Не оспаривая тезис Руссо о разобщенности между людьми, российский мыслитель подчеркивает, что «человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных»²⁵.

Им делается важный вывод о естественных правах человека, к которым относится жизнь, вольность, безопасность. Это дает А. Н. Радищеву основание говорить о праве масс разорвать узы порабощения, если законы, принятые государством, и его власть не были употреблены на пользу народа. Отсюда и полное оправдание народных восстаний и даже призыв к мести мучителям — помещикам, чьей злой волей было порождено чудовище крепостного права. Положив начало крушению просветительской утопии в России,

Радищев выступил и как первый автор, не осуждающий, а приветствующий движения Разина и Пугачева. В самих народных предводителях он склонен видеть «великих мужей для заступления избитого племени».

Фигуры С. Т. Разина А. Н. Радищев касается в своих размышлениях о роли личности и месте случая в истории. «История свидетельствует, — пишет он, — что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; ибо ... Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были...» Как это напоминает пушкинское: «...случай есть мощное, мгновенное оружие Провидения»!

Говоря о личностях, вошедших в мировую историю, Радищев снова ставит имя вождя крестьянской войны в России в один ряд с известными историческими деятелями. «Ибо равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин»²⁶.

В двенадцатитомной «Истории Государства Российского» крупнейшего русского историка Н. М. Карамзина изложение доведено лишь до начала XVII в. и потому разинскому восстанию не нашлось места. И все же дальнейший путь историографии этой проблемы пролегает именно через карамзинский труд, пробудивший у современников огромный интерес к истории, к прошлому своего Отечества. «Древняя Россия, — свидетельствует А. С. Пушкин, — казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени ни о чем другом не говорили»²⁷.

Многотомное сочинение Н. М. Карамзина вкупе с интереснейшими научными примечаниями, а также его знаменитая «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» дали обильный материал для раздумий и переживаний. Сам Н. М. Карамзин — не только мыслитель, но и незаурядный живописец слова. По его разумению, ремесло историка «с одной стороны... наука, а с другой — искусство». В понимании этого «последнего летописца», история состоит из волнующих событий, судеб людей, обуреваемых страстями, страдающих, действующих, совершающих героические и низменные поступки... Он доказывал необходимость мощной русской государственности, но считал, что важна не форма правления (хотя был твердым приверженцем монархии), а влитое в нее содержание, нравственные устои как народа, так и самодержцев, которым вверены его судьбы. Но, хотя карамзинское сочинение вызвало настоящую сенсацию, далеко не все восторженно принимали концепцию придворного историка, многие оспаривали и критиковали ее, причем далеко не всегда справедливо.

В «Истории Государства Российского» повествуется о возникновении казачества (автор видит в нем вредный и разрушительный элемент), о событиях «Смутного времени», о «мятежнике» И. Болотникове и «бунте князя Шаховского» — воеводы, сыгравшего определенную роль в воцарении Лжедмитрия I. Все это позволяет составить приблизительное представление о том, как бы выглядели в труде Карамзина страницы, посвященные Разину. Вряд ли историк оставил бы эту колоритную фигуру и связанные с ним яркие события без внимания, продолжи он свой труд дальше.

Интересно, что даже верноподданнически настроенные авторы, освещавшие историю XVII столетия, не решались «перешагнуть» через события 1667—1671 гг. Так, В. Берх в своем «Царствовании царя Алексея Михайловича», хоть и поносит восставших на все лады, тем не менее отнюдь не игнорирует разинское выступление. Напротив, он склонен с возможной тщательностью живописать страшный разгул взбунтовавшегося народа («буйной сволочи») и внушить читателю, что, где бы ни побывали разницы, будь то персидские или российские владения, они оставляли за собой кровавый след, «производя везде ужасные злодеяния», губя «беспощадно мирных жителей, жен их и младенцев». Мотивы расширения восстания после возвращения казачьего отряда с персидских берегов выглядят у Верха довольно примитивно. По его мнению, во всем прежде всего повинен Разин, который, «привыкнув к разбоям и злодеяниям, не мог наслаждаться спокойной жизнью» и оттого «с наступлением весны 1770 года (так в

тексте.—В. С.) пустился «... на Волгу...». Повстанческого предводителя Берх наделяет чертами чуть ли не вампира²⁸.

Следующий этап складывания историографии темы связан с деятельностью декабристов и А. С. Пушкина.

Декабристы очень высоко оценивали роль народа в истории. Собственно и смысл их борьбы во многом сводился к тому, чтобы дать избавление русскому мужику — главному спасителю отечества в войне 1812 г. Однако освобождение крепостного крестьянства мыслилось ими как акт, совершаемый силами тайных обществ. Отношение дворянских революционеров к народным движениям, в том числе и к крупнейшим крестьянским восстаниям XVII—XVIII вв., крайне недоверчивое, настороженное. Так, например, член Южного общества Александр Поджио писал: «...Мне хотелось, как русскому и по русскому делу, непременно ворваться в свою отечественную Историю... Недолго мне было пройти мысленно по главным событиям и, наконец, прийти к странному заключению: какие же были смуты, бунты, восстания? Все они имели особенный, по большей части местный, временный характер, не имеющий никакой связи, никаких отношений с общим характером страны! Соковнин, Стенька Разин, Пугачев — сами они и дела их не подходят нам»²⁹. Характерное признание. Неудивительно поэтому, что ни М. А. Фонвизин, ни М. С. Лунин, ни Н. М. Муравьев, обращаясь в своих сочинениях к прошлому России, не упоминают ни об одном из содрогнувших страну крестьянских движений.

В советской историографии правомерно обращалось внимание как на связанность декабристов традициями своего класса, напуганного продолжающимися волнениями крепостных, так и на несомненный интерес в их среде к истории борьбы русского крестьянства против гнета и несправедливости³⁰. Народные восстания в глазах дворянских революционеров были очень весомым аргументом, подтверждающим нежелание масс мириться со своей подневольной участью, а следовательно, — и правоту дела декабристов. Не принимая крестьянские бунты, члены тайных обществ в то же время, следуя за Радищевым, не разделяли точку зрения на них как на разбой и глумление бандитствующих молодчиков над добропорядочными обывателями. В декабристской среде предпринимались попытки лучше узнать, изучить подробности выступления С. Т. Разина и Е. И. Пугачева. Автор работ по истории XVIII в., в частности эпохи Петра I, А. А. Корнилович в 1824 г. издает отрывок из «Трех путешествий» Я. Я. Стрейса³¹ — источника, который позволял толковать события не так однозначно, как ранее публиковавшиеся.

Специальные работы истории донского казачества, в том числе и разинского восстания, посвятил привлеченный по делу декабристов и высланный затем на Кавказ В. Д. Сухоруков. Еще в 1824 г. он опубликовал работу «О внутреннем составе донских казаков в конце XVII столетия»³², где нашла оппонента точка зрения Н. М. Карамзина на казачество как на праздную, беспокойную и опасную для государства часть населения. Как верно подметил С. С. Волк, В. Д. Сухоруков противопоставляет демократический строй казачьей жизни остальному обществу России³³. Подобно многим другим декабристам, он считает идеальной моделью народовластия порядок и традиции древнего Новгорода с его вечем, выборами и т. п. Донской край, войско донское, сложившиеся в XVI—XVII вв. в среде станичников обычаи представляются В. Д. Сухорукову как бы несколько видоизмененным вариантом новгородской вольницы. Он даже не пытается вникнуть в иерархию отношений между казаками разных категорий и неодинакового имущественного достатка. По-видимому, не совсем прав И. В. Степанов, полагая, что Сухоруков умышленно не замечал или сглаживал имеющиеся на Е Дону антагонизмы, поскольку они нарушали его историческую схему, снимали с идилически им изображенного казацкого жизнеустройства романтический флер³⁴. Вряд ли сам факт дифференциации положения старшинской верхушки и рядовых донцов ускользнул от внимания такого дотошного исследователя, каким был В. Д. Сухоруков. Скорее он просто

не придал ему значения, поскольку по сравнению с той социальной пропастью, которая зияла между помещиками и их крепостными, различия между станичниками не казались ему столь существенными. Ведь не усматривали же декабристы особых противоречий и неравенства в устройстве новгородской республики! Вот и Сухорукова исторический опыт донцов привлекает прежде всего как раз тем, что их «правление... было, — по его словам, — народное в полном смысле этого слова и самое простое, особенных властей распоряжающих (важная оговорка. — В. С.), равно как и старшинства лиц, у них вовсе не было»³⁵.

В другом своем труде «Историческое описание земли и войска Донского» В. Д. Сухоруков продолжает развитие той же темы³⁶. Однако последовавший арест и ссылка помешали завершению работы, публикация ее по цензурным соображениям была запрещена³⁷. Только четверть века спустя, на рубеже 60—70-х годов, рукопись В. Д. Сухорукова увидела свет.

Что же насторожило бдительных чиновников, не разрешивших сразу напечатать «Историческое описание...»?

Наиболее крамольной, на их взгляд, очевидно, оказалась посвященная разинскому восстанию XIII глава сухоруковского сочинения. В ней автор подчеркнуто отказывается от официальной трактовки событий источниками, вышедшими из правительственных кругов. Он не следует их оценкам, не пользуется их терминологией, не спешит пересказывать, а тем более принимать на веру порочащие восставших факты, избегает не только ругательных определений в адрес разинцев, но даже старается не воспроизводить то и дело употребляемых в актовых материалах и свидетельствах иностранцев уменьшительных имен типа Стенька, Васька и т. д.³⁸ Другими словами, В. Д. Сухоруков, энергично препарировав привлеченные им разнообразные источники, удаляет из них толстый, многослойный налет тенденциозности, необъективности. И в результате «бунт Стеньки Разина» неожиданно приобретает совершенно иную, чем в прежней литературе, окраску, причем автор явно отдает свои симпатии не доблестным царским воеводам, не преисполненным государственным умом боярам из ближайшего окружения царя Алексея Михайловича, а поднявшим на Руси невиданный мятеж казакам, их атаману, присоединившимся к ним крестьянским массам. В С. Т. Разине В. Д. Сухоруков видит не злодея и монстра, а заступника и друга народа. «Вся чернь,— пишет автор, — народ и вообще все воинские чины, восклицали: „Отец наш! Живи долго и будь победителем всех бояр и князей!“ Этим признанием огромной популярности повстанческого предводителя, безграничного доверия к нему проводилась мысль о том, что восстание С. Т. Разина было глубоко народным движением, направленным своим острием против крепостников-помещиков, бояр, воевод и защищающего их интересы государства.

Казачья вольница, смелые и независимые проявления народной свободы — в центре внимания следующей книги В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII вв.»³⁹. И вновь автор откровенно любит гордый дух и свободолюбивый характер донцов, не знавших ни рабства, ни деспотизма и унаследовавших вольные традиции древнего Новгорода.

К восстанию С. Т. Разина неоднократно обращались взоры ссыльных декабристов. Однако мнения ими на этот счет высказывались весьма противоположные. Так, Н. А. Бестужев, известный своими оригинальными работами по истории российского флота, не считал нужным остановиться на стремительных речных и морских рейдах разинцев, их дерзких маневрах и победах и т. д. Зато предпочел повторить расхожие оценки восстания в официальных источниках⁴⁰. Правда, в неопубликованных материалах, как установил С. С. Волк, ссыльный декабрист признавал широкий размах движения, но его общий взгляд на восставших как на бунтовщиков и смутьянов оставался неизменным⁴¹.

Надо думать, иными мерками и с других позиций подходил к разинскому выступлению декабрист В. П. Ивашев. Его товарищ по ссылке А. Е. Розен в своих «Записках...» свидетельствует, что в Нерчинском остроге была написана целая поэма о

Разине⁴². К сожалению, она не сохранилась, в силу чего о позиции Ивашева судить трудно, но сама логика подсказывает, что автор не осуждает, как Бестужев, а воспекает своего героя. Таким образом, хотя крестьянские восстания в России гораздо меньше волновали декабристов, чем, скажем, столкновения между князьями и свободными новгородцами вечевых времен, а признанным кумиром для них был скорее не Степан Разин, а Марфа Борецкая, тем не менее часть их приветствовала всякое проявление вольности народа, в том числе и разинское движение.

Историю изучения крестьянской войны в России последней трети XVII в. немисливо себе представить без «разинских» страниц А. С. Пушкина.

Еще в детстве будущий поэт говорил: «Стенька Разин был моим первым героем, и я уже мечтал о нем, когда мне не было восьми лет...»⁴³. О легендарном народном предводителе Пушкин, наверное, впервые узнал от своей няни Арины Родионовны: С ее же слов, по-видимому, он записал в 1824 г. две новые песни из разинского цикла. С годами интерес поэта к повстанческому атаману и всему, с ним связанному, не только не угас, но, напротив, усилился. Пушкину чужда господствовавшая в сочинениях дворянских авторов трактовка крупнейшего народного движения XVII в., согласно которой Разиным и разницами движут кровожадная страсть к разгулу, жажда обогащения, погоня за «дуваном», «зипунами». В письме из Михайловского к брату Льву Сергеевичу он отзывается о С. Т. Разине как о «единственном поэтическом лице русской истории» и настоятельно просит хотя бы «сухого» исторического известия о нем⁴⁴. В противовес дворянской традиции Пушкин создает совершенно иной, близкий мотивам народных преданий образ Разина. В 1826 г. поэт написал стихотворный цикл «Песни о Стеньке Разине», в основе которых — народные исторические песни и сказания. Через Бенкендорфа он направил свое сочинение на цензуру Николаю I, и вскоре шеф жандармов известил Пушкина о мнении царя относительно этих стихов: они, «при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, как равно и Пугачева»⁴⁵.

Но для Пушкина высший показатель исторической правды — мнение народное, устный народный приговор, и то, что Разин стал любимым героем национального фольклора, говорило поэту о многом. Летописец пугачевского восстания, он живо интересовался и событиями 1667—1671 гг., в обоих народных движениях видел черты чрезвычайного сходства⁴⁶. И если воспоминания о пугачевских днях были еще свежи, особенно в Поволжье и на Урале, куда и отправился за материалом из первых рук А. С. Пушкин, — о разинском времени поэту пришлось судить главным образом по богатому песенному наследию русского народа. Быть может, как раз потому, что гроза пугачевского бунта отгремела на Руси сравнительно недавно, поэт выбрал для своих исторических занятий именно его, а не разинское восстание. Но и последнее постоянно оставалось в сфере внимания Пушкина, что нашло подтверждение в свидетельствах современников. Известнейший историк, прозаик, драматург, критик, издатель журнала «Московский вестник» М. П. Погодин приводит в своем дневнике подробности чтения А. С. Пушкиным на вечере у Веневитиновых в Москве в 1826 г. своих новых произведений. Наряду с «Борисом Годуновым» и предисловием к «Руслану и Людмиле» поэт читал «песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге, на востроносой своей лодке...»⁴⁷. Поэт Н. М. Языков, находясь в Дерпте, пишет брату: «Здесь говорят, что Пушкин написал много нового, между прочим поэму „Стенька Разин"... Видно, он много занимается своим делом. Слава и честь ему»⁴⁸. Сталкивавшийся с А. С. Пушкиным у Н. Н. Раевского в 1834 г. П. Х. Граббе вспоминает: «Мы обедали и провели несколько часов втроем... Он (Пушкин. — В. С.) занят был в то время историей Пугачева и Ст. Разина. Последним, казалось мне, больше. Он принес даже с собою брошюру на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена (т. е. еще в XVII в.— В. С.) одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся ему и потом был очевидцем казни его (возможно, тут идет речь об авторе

«Сообщения...»— В. С.)»⁴⁹. Сохранились сведения, что Н. Н. Раевский оказывал А. С. Пушкину помощь в сборе материалов о С. Т. Разине⁵⁰.

В 1836 г. по просьбе парижского литератора Лов-Веймарса поэт в форме прозаического пересказа перевел на французский язык 11 русских народных песен, в том числе две из разинского цикла: о рождении атамана и о казни его на Красной площади⁵¹. Несколько легенд и преданий о Разине, сохранившихся в среде уральских казаков, Пушкин передает в «Истории Пугачева», где фольклорная струя, мотивы устного народного творчества органически вплетаются в повествование.

В историографическом плане это произведение представляет не меньший интерес, чем в литературном. Стремление Пушкина-историка понять дух и идейные искания восставшего народа, размышления о народной стихии, причинах и судьбах крестьянского бунта принципиально отличают его методологический подход от научных построений многих предшественников и последователей. «Волненья бурь народных» для Пушкина — одна из характерных примет российской истории, полной «кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов». Бушевание грозных внечеловеческих сил сродни потопу. Страшной, жестокой, взявшей много крови, стоившей немалых жертв видится поэту народная война. Подобно мощной, все сокрушающей на своем пути лавине она движется без руля и ветрил, и сами повстанческие предводители бессильны перед ней и ее причудами и вынуждены положиться на волю волн. Вспомним знаменитые строки: «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием». Эта пушкинская формула прекрасно передает диалектику классово-вой борьбы и многое объясняет в развитии не только пугачевского восстания, но и всех крестьянских войн: разбитое народное воинство отступало, мгновенно обрастая новыми отрядами, и таким образом вскоре возрождалось и становилось боеспособным.

Привычно раскладывая богатейшее наследие нашей общественной мысли по предназначенным полочкам и щедро раздавая ее носителям те или иные заранее заготовленные ярлыки, мы долгое время обделяли сами себя, обедняли свою духовную культуру. Так и с Пушкиным. Мы только теперь начинаем объективно постигать его громадный, неповторимый вклад в формирование представлений о прошлом, о роли и месте истории в общественной жизни России. Давно ли наши виднейшие историки, оценивая освещение автором «Истории Пугачева» событий третьей четверти XVIII в., писали: «...Пушкин оставался на позициях дворянского либерализма. Горячо отстаивая необходимость освобождения крестьян, он в то же время отрицал прогрессивность вооруженного выступления народа против крепостного гнета»⁵²?

Но почему не принималось в расчет, что Пушкин опирался не на особые политические, а на общечеловеческие нравственные понятия? Ведь поэт, по собственному признанию, «милость к падшим призывал». Его творческий дар был соприроден его благоволению ко всему живущему и абсолютному слуху на правду бытия и правду идеала. Он был против кровопролития под любым предлогом. Если только запахло где бы то ни было кровью, значит, по Пушкину, это антигуманно, направлено против человека. Под этим углом зрения гораздо понятнее, почему певец свободы, признававший право народа на избавление от гнета и рабства, отказывал ему в праве убивать и проливать кровь. Вспомним, что свой век А. С. Пушкин называл жестоким. И, разумеется, его отношение к предыдущим столетиям, когда зловещие отблески кровавого бытия высвечивали мрачную эпоху, было соответствующим. Ведь он не только умом и сердцем воспринял идеи Руссо, но и сам был великим гуманистом. «Ничто на земле не стоит цены человеческой крови», — говорил эрменонвильский отшельник, и точно так же считал лучший российский поэт и блестящий мыслитель Александр Сергеевич Пушкин, к заметкам которого по вопросам русской и всемирной истории, в том числе и к воззрениям на народные движения, советская историография будет возвращаться еще неоднократно.

ЭТА ТРАГИЧЕСКАЯ БОРЬБА...

(Трактовка восстания в середине XIX — начале XX в.)

Процесс становления истории как науки к середине XIX в. зашел в России очень далеко. Он отмечен существенными достижениями не только в сфере накопления фактического материала и критики источников, но и в общеметодологических вопросах, связанных с определением движущих сил истории, выяснением соотношения роли народа и отдельных личностей, выявлением путей, ведущих к действительному познанию закономерностей истории в ее противопоставлении случайному, индивидуальному, особенному.

Трудно переоценить влияние, которое оказывает в то время на развитие русской исторической школы, как и на общественную мысль страны в целом, философия истории Гегеля. В гегелевском подходе привлекали, во-первых, попытка раскрыть внутренние связи тех непрерывных и многообразных изменений, которые составляют содержание исторического процесса, его динамику; во-вторых, — синтез идеи просветителей о всемирно-историческом прогрессе и теории «органического развития» романтической историографии; в-третьих, — знаменитые диалектические принципы, с применением которых история человечества предстала в виде борьбы противоположных начал. Вся эта парадигма подвела к идее «абсолютного духа», которая и лежит в основе гегелевской картины мира и является в его понимании главной движущей силой истории. Эти положения стали определяющими в исторической мысли России и оказали заметное влияние на развитие методологии общественных наук в целом.

Тем не менее в 40—50-х годах XIX в. не было единства, однозначности в исторических суждениях. Для этого времени характерно острое столкновение различных общественно-идейных позиций, нарастающая поляризация политических сил. И вполне естественно, что история становится одной из основных сфер приложения сил как поборников теории «официальной народности», которая была возведена министром просвещения С. С. Уваровым в ранг государственной идеологии, так и последователей разбуженной А. Н. Радищевым революционной мысли.

Дворянская историография не утратила почти ничего из того, что было для нее характерно на рубеже двух столетий. Ей по-прежнему свойственны усиленное равнение на самодержавие и апологетика существующего порядка вещей. Об этом недвусмысленно сказал М. П. Погодин: «Российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия»¹, лишний раз подтвердив, что хотя история и не служанка политики, но придворные историки были издавна и всегда придавали событиям и личностям иной облик, чем на самом деле.

В середине—второй половине XIX в. крестьянская война под предводительством С. Т. Разина, как и другие народные движения, оказалась на перекрестье исторических взглядов и концепций. Обращаясь к крупнейшим всплескам классовой борьбы XVII—XVIII вв., исследователи все чаще и все больше «примеривали» их на современность и на день грядущий. Историко-политические влияния, заботы и тревоги XIX столетия при осмыслении событий 1670-х и 1770-х гг. несомненны.

«...Наш век, — пишет о своем времени В. Г. Белинский, — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве». В другом месте он замечает: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»².

Даже в мелких по своей фактуре и исходным задачам работах о разинском восстании выпукло проступают злободневные мотивы текущей жизни. Такова, к примеру, серия опубликованных в 40-х годах очерков о казненном повстанцами астраханском митрополите Иосифе³. Написанные с клерикальных позиций, они на первый взгляд представляют собой смесь агиографического жанра с панегириком.

Из этой же серии статья В. Боброва об астраханском воеводе князе И. С. Прозоровском⁴. Автор видит в нем верного слугу государя, до конца выполнившего свой воинский долг. Прозоровский в период штурма разницами Астрахани и в самом деле проявил себя как достойный муж: раненый, он продолжал оказывать сопротивление до последней возможности. Попав в плен, князь сохранил твердость, отказался вести какие бы то ни было переговоры с восставшими и, не смалодушничав, принял страшную смерть (был сброшен с раската). Однако В. Бобров ни слова не пишет о том, что к казни воеводу приговорили сами астраханцы, поскольку он снискал всеобщую ненависть своими злоупотреблениями и жестокостью.

Интерес в науке к разинскому восстанию был во многом вызван крупными революционными потрясениями в Европе. Встал вопрос, могут ли подобные события развернуться в России. Видные революционные мыслители В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен в целом давали на него положительный ответ. Иной точки зрения придерживались славянофилы и западники, убежденные в «совершенной антиреволюционности» русского народа.

Что же касается официальной историографии, то она, начисто отметая близость революции в России, в то же время предостерегала от очередного крестьянского бунта. Так, один из активных проводников теории официальной народности уже цитировавшийся М. П. Погодин писал: «Не Мирабо страшен, а Емелька Пугачев: Ледрю-Роллен со всеми коммунистами не найдет в России приверженцев, а перед Никитою Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини не перешагнет никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда нам угрожает опасность, вот с какой стороны стена наша представляет пролом»⁵.

Дальнейшее изучение разинского движения во многом стимулировала плодотворная археографическая работа, в результате которой увидели свет неизвестные ранее источники. Вошедшие в такие монументальные публикации, как «Полное собрание законов Российской империи», «Акты исторические» и «Дополнения...» к ним, в «Собрание государственных грамот и договоров...», в «Акты Археографической экспедиции», «Акты Юридические» и т. п., они оказались в поле зрения историков различных ориентации и направлений. Источники, касающиеся восстания, были включены в широко издававшиеся на местах в 40 — 50-х годах краеведческие материалы⁶.

В середине века появляется и специальный тематический сборник документов, отражающих события 1667—1671 гг., составитель которого А. Н. Попов почти одновременно выступил и как автор первой монографии о разинском движении⁷. Обращение Попова к разинскому восстанию связано с его славянофильскими позициями. Как правило, славянофилы занимались изучением истории крестьянства, народного быта, творчества. Попов же не пошел по традиционному направлению, хотя его «История возмущения Стеньки Разина», строго говоря, и не выходит за рамки темы о крестьянстве.

Восстание, по мнению А. Н. Попова, было вызвано борьбой консервативного и нового, причем старину, с точки зрения автора, отстаивали разницы. И тем не менее автор осуждает и порицает их.

Попов выделяет в «возмущении» Разина два этапа, которые условно можно назвать «разбойный» и «бунташный». На первом, согласно А. Н. Попову, повстанцы занимались грабежом, обогащались, на втором — вступили в борьбу с боярами и воеводами, чинившими казакам препятствия в их «вольном промысле». На обоих этапах разницы для Попова — скопище бродяг, не связанных «никакими узами гражданского и государственного быта». То есть в своей трактовке он, с одной стороны, следует за официально-охранительной историографией, с другой — разделяет воззрения историков так называемой государственной школы, или «государственников», о которых речь пойдет ниже. Выступление Разина антинародно, считает Попов, потому что оно антигосударственно⁸.

В интерпретации источников при изложении событий крестьянской войны А. Н. Попов неукоснительно придерживается трактовки собранных им материалов (по преимуществу это — официальные правительственные документы). Их содержание принимается им за неопровержимую историческую истину. Он не подвергает их критике, не сомневается в их достоверности. Закономерно, что в «Истории возмущения...» преобладают страницы, посвященные карательным операциям правительства, подавлению восстания, расправе с его участниками. Однако само по себе целенаправленное обращение историка к разинской теме, сведение им воедино и использование всей суммы источников официального толка, без сомнения, положительно сказалось на историографии проблемы.

Книга была замечена общественностью. На страницах «Современника» появился отзыв на нее Н. Г. Чернышевского. В нем отмечается, что автор «хочет ограничиться изложением сведений, представляемых его источниками; он избрал себе цель скромную, но полезную, и за извлечение фактов из-под архивного спуда он заслуживает полной признательности». Внутренне не удовлетворенный ни тем, как понимает А. Н. Попов характер народного движения, ни тем, как раскрывает он его смысл, Чернышевский тем не менее считает, что «История возмущения...» дает нужное направление другим исследователям, которые и займутся подлинным объяснением собранных в книге фактов⁹.

В работе А. Н. Попова впервые полно и систематично прослежен ход восстания с 1667 по конец 1670 г., т. е. рассмотрены и события после поражения разинского войска под Симбирском. Недаром в третьей и четвертой четверти XIX — начале XX в. и позднее «История возмущения...» неизменно в поле зрения всех, кто всерьез берется за изучение второй крестьянской войны в России. Позитивный момент книги Попова — предваряющий ее источниковедческий экскурс. Он придает ей научный вес, свидетельствует о глубине исследовательской деятельности автора.

Совершенно естественно, что за введением в научный оборот свежих источников тотчас последовали написанные на их базе труды. Пожалуй, именно в это время, когда в России с небывалой остротой встает крестьянский вопрос и назревает революционная ситуация, разинская тема окончательно получает «прописку» в отечественной историографии и присутствует как в общих курсах, так и в обзорах из истории отдельных городов, уездов, населенных пунктов страны¹⁰. Симптоматично и наличие статей о Разине в справочной литературе. Так, в известном «Военно-энциклопедическом лексиконе» М. Бороздина среди других персоналии есть и предводитель второй крестьянской войны. Отдается должное умелым действиям и распорядительности Разина, которые делали его опасным противником царских воевод¹¹.

В 1853 г. саратовские и астраханские «Губернские ведомости» предоставили свои страницы для серии очерков под названием «Стенька Разин и удалые молодцы XVII века»¹². Это чисто описательное сочинение, в основу которого легли только что изданные Археографической экспедицией Академии наук документы, можно было бы спокойно оставить без внимания, если бы оно не содержало весьма типичный, распространенный и подхваченный представителями крайних точек зрения в исторической науке тезис о том, что народное движение третьей четверти XVII в. не что иное, как буйная и пришедшаяся по нраву простолюдинам гульба лихих и разудалых молодцов во главе с С. Т. Разиным; что донские казаки — люди неумной энергии и страстей, которые и нашли выход сначала в «шарпанье» по владениям персидского шаха, а затем и на берегах Волги-матушки.

С теми или иными расхождениями и поправками это суждение разделяют, например, виднейший представитель российской революционной мысли В. Г. Белинский и самый выдающийся русский историк середины XIX в. С. М. Соловьев. «Стесненность и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость бедного от богатого, — пишет В. Г. Белинский, — ...все это заставляло людей, чаще всего с сильными и благородными натурами, искать как бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор, на приволье души. Низовые страны, особенно степи, прилегающие к

Волге и Дону, давали полную возможность для подвигов удалства и молодечества»¹³. А вот характерное умозаключение С. М. Соловьева о предводителе крестьянской войны: «Разин был ... один из тех стародавних русских людей, тех богатырей ... которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье в степь или на другое широкое раздолье — море, или, по крайней мере, на Волгу-матушку»¹⁴.

Как видим, С. М. Соловьева занимают исключительно психологические истоки казачества, на его социальной природе он не останавливается; В. Г. Белинский же в равной степени уделяет внимание тому и другому. Но, по существу, оба сходятся на том, что казаки — люди особого физического склада.

Однако совпадения в подходах к народным восстаниям, конечно, не снимают принципиальной разницы в методологических оценках и общем осмыслении событий. Применительно к разинскому движению революционное понимание истории В. Г. Белинским проявилось прежде всего в глубоком сочувствии народному протесту против крепостнической кабалы, в страстном и пламенном призыве к вооруженной борьбе против гнета и самодержавия¹⁵. И это во сто крат перевешивает и

Крестьяне XVII в. Гравюра

свойственные подчас революционным мыслителям максимализм и категоричность суждений, и полемически упрощенное толкование ряда событий, и их нарочитое осовременивание и политизацию, и невольно допущенные фактические неточности и ошибки. Особый интерес представляет то, что этой плеяде принадлежат отдельные конкретно-исторические высказывания о развитии России в XVII в. и о крупнейших крестьянских восстаниях прошлого. Так, В. Г. Белинский, характеризуя как раз тот период времени, когда вспыхнуло разинское движение пишет: «В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колесах своего азиатского устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему принадлежало великое будущее...»¹⁶

Для А. И. Герцена, как и для В. Г. Белинского, главные движущие силы истории — это народные массы. В разное время Герцен неодинаково оценивал революционные возможности народа в настоящем и будущем, но что касается крестьянских движений прошлого, то их он считал справедливой реакцией на ухудшение положения трудящихся масс и усиление их крепостной зависимости. «В сущности, народ бунтовал против крепостного состояния», — констатирует Герцен в 1853 г. в статье «Крещеная собственность». «Крепостное состояние, — писал он, — исподволь лукаво введенное в семнадцатом столетии» — вот главная причина того, что «народ не раз восставал, более ста тысяч людей стояло на Волге с Стенькой Разиным». Герцен с восхищением отзывается о размахе народной борьбы. В том, что за Разиным пошло столько людей, в том, что у него «было целое войско», он видит не только необъятную силу народного гнева, но и убедительное доказательство того, что восставшие массы способны самоорганизоваться, сплотиться и нанести ощутимый урон царизму и помещикам. В работе «Русское крепост-

ничество» Герцен в публицистическом запале написал даже, что С. Т. Разин встал во главе двухсот тысяч человек.

Полемизируя с официально-охранительной историографией, начиная с лживых правительственных хроник, извращавшей социальную суть народных движений, А. И. Герцен гневно возражал: «Земледелец, преданный, проданный, обманутый, боролся целое столетие — XVI-ое, проливал пот, проливал кровь и попал, наконец, истерзанный и связанный, во власть свирепой солдатчины, гнусной бюрократии, которые действовали — вместе с императором — в интересах дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной, непонятой на Западе, оплеванной внутри страны. До сих пор таких людей, как Стенька Разин, как Пугачев, изображают разбойниками с большой дороги». Однако, давая отповедь сторонникам официально-охранительного освещения истории, сам Герцен не отрицает, что восстанию Разина были присущи элементы разбойничества и что «обычай разбойничества дожил до времени Пугачева...». Правда, он рассматривает разбойничество как одну из форм проявления народного протеста, глухой борьбы, начатой крестьянами против закрепощения. И все же понятие «разбойный» Герцен распространяет и на действия казачества, и на движения широких народных масс и в этом смысле идет за своими оппонентами. «Едва Романовы уселись, — пишет он, — северо-восток Руси покрылся разбойниками, с ними воюют как с неприятелями, против них посылают войска и пушки, их вешают сотнями при царе Алексее Михайловиче»¹⁷.

В разбойных чертах восстания издатель «Полярной звезды» и «Колокола» видит проявление его стихийности, слабости и одну из основных причин поражения. Другой фактор, предопределивший трагический исход борьбы, — это, по мнению Герцена, вера народа в царя.

Несомненный интерес представляют герценовские рассуждения по поводу влияния на судьбы российского крестьянства, в том числе на массовые социальные движения, природно-географической среды¹⁸.

В целом разделяя точку зрения Герцена на борьбу народных масс, его друг и соратник Н. П. Огарев предостерегал против сведения всего исторического смысла восстания к богатырской личности С. Т. Разина, к выпячиванию его легендарно-былинных черт. «Мы, — писал он, — ...должны отказаться от восторженного, почти напыщенного образа личной силы. С него из старого порядка не выйдешь, как она ни являйся — в виде Стеньки Разина, Карла Моора, Каина, Наполеона I или Ротшильда»¹⁹.

Самое пристальное внимание мощным народным движениям XVII—XVIII вв. уделяли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. В них они видели пролог нового всенародного восстания, которое сметет самодержавие и феодально-крепостнический гнет и расчистит путь для построения на базе крестьянской общины социалистического общества. Призывая массы к вооруженному выступлению, «к топору», эти поборники революционного действия рассчитывали, что в России вспыхнет невиданный пожар народной борьбы, который по своим масштабам и результатам далеко превзойдет и разинское, и пугачевское восстания.

Н. Г. Чернышевский, по словам В. И. Ленина, проповедовал «идею крестьянской революции, идею борьбы за свержение старых властей»²⁰. Чернышевский считал, что главная сила общественно-исторического прогресса, главный вершитель судеб своей родины — народ. И он заслуживает таких форм общественного устройства, которые исключают политическое и имущественное неравенство, угнетение человека человеком.

Цензурные ограничения зачастую не позволяли Чернышевскому прямо, без обиняков, высказывать свои воззрения на историю. В силу этого он оставил немало суждений о различных эпохах, в том числе и о XVII в., в весьма завуалированной форме. Так, познакомившись с компилятивной книжкой П. Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича»²¹, Чернышевский не только критикует автора за заимствования и отсутствие собственных обобщений или интерпретаций, но и не скрывает разочарования, что он и не сомневается в том, что «наши прежние понятия о

значении царствования Алексея Михайловича были совершенно несправедливы, и что ему необходимо было заботиться изменить их». Между тем Чернышевский убежден, что здесь «необходимы новые изыскания и воззрения», что надо стремиться открывать неслыханное и показывать невиданное²². Трудно сказать, что он имел в виду в данном конкретном случае. Скорее всего его не устраивало, что фигуры государя и разных вельможных персон совершенно заслонили собой народ, в творческие созидательные силы которого так верил Н. Г. Чернышевский. О той части работы П. Медовикова, где шла речь о разинском восстании, он не высказался. Но трактовка этого движения автором как неустройства, нарушившего спокойствие России²³, конечно же, была ему глубоко чужда.

Народная масса, писал Н. А. Добролюбов, «таит в себе огромные нравственные силы и способна на разрешение больших исторических задач. Эта народная масса уже проявила себя в движении Разина, Пугачева; она проявит себя и в будущем». Обращаясь в прошлое, Н. А. Добролюбов, имея в виду в том числе и разинское движение, приходит к выводу, что еще в XVII в. «глухое неудовольствие стало разражаться открытыми восстаниями, внутренние беспорядки увеличивались с каждым годом». Народ, указывал Н. А. Добролюбов, поднимался на борьбу тогда, когда мера терпения его истощалась, когда крепостнический гнет резко усиливался. Именно эти моменты выдающийся революционный мыслитель выделял среди целого ряда причин, «которые увлекали народные массы за Разиным...»²⁴.

Как и Герцен, Добролюбов подчеркивал характерную для российского крестьянства и губительную для дела восстания веру в государя, опасную притягательность для поднявшихся на борьбу обездоленных масс царского имени. «Народ, — писал он, — никак не хотел приписывать самому Алексею Михайловичу что-нибудь дурное и твердо верил, что все тягостные для него меры суть произведения коварных бояр, окружающих царя». Н. А. Добролюбов обращал внимание и на то, что ходивший в народе слух о нахождении среди повстанцев царевича Алексея многих привлекал на сторону разинцев²⁵.

Революционно-критическая мысль В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова самым непосредственным образом влияла на общественную жизнь в России до и после реформы 1861 г., яркое отражение нашла она и в отечественной историографии.

Однако какими бы признанными властителями дум ни были революционные теоретики, будет ошибкой считать их воззрения и подходы с принципиально новых рубежей исторического познания преобладающими.

В этом отношении характерно воспоминание виднейшего русского историка В. О. Ключевского, студенческая юность которого пришлась на конец 50 — начало 60-х годов. Он с интересом следил за разгоревшейся тогда борьбой мнений, отдавал должное возглавлявшему журнал «Современник» Н. Г. Чернышевскому, которого называл «бесцеремонным семинаристом-социалистом», однако не проникся революционными убеждениями; по собственному его признанию, вся публицистическая перепалка тех лет не стоила одного слова профессора Ф. И. Буслаева, читавшего курс лекций в Московском университете²⁶. Не менее показательны и свидетельства Н. Г. Чернышевского. По его словам, доминирующее положение в это время начинают занимать труды «новой исторической школы», благодаря которым «разработка русской истории... получила для общества важность, какой не имела прежде»²⁷. Эта школа, получившая название «государственной», в полный голос заявляет о себе в лице таких маститых ученых, как С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и др. При широком разбросе мнений историки этого направления сходились в необходимости реформ и отрицании революции. Озабоченные остро стоявшими тогда вопросами борьбы с крепостным правом и его остатками, они проявляли определенный интерес к истории крестьянства, а в целом ряде случаев не считали для себя возможным оставить без внимания и народные движения прошлого.

Важнейшим идейным источником научной концепции С. М. Соловьева была философская система Гегеля. Опираясь на нее, стремясь понять историю прежде всего как единый и внутренне обусловленный процесс общественного развития, С. М. Соловьев создает главный труд своей жизни «Историю России с древнейших времен». Обобщив в ней колоссальный по объему и разнообразный по тематическому охвату материал, нашел он в своей работе место и для разинского восстания²⁸. Перед С. М. Соловьевым постоянно разворачивались неумолимая логика государственной необходимости, которую он как историк и гражданин последовательно отстаивает и находит в высшей степени целесообразной, вечное противоборство с нею личного, нравственного, мятежного и даже художественного начала, воли случая и т. п. Такова и его трактовка крестьянских войн. В восстании С. Т. Разина он видит прежде всего анархию, бунт, а восставших неоднократно называет «ворами», «воровской шайкой» и т. п.

С. М. Соловьев считал, что только правительственная власть связывала людей. Отсюда, полагал он, «привычка русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление ловить, усаживать и прикреплять». По мнению Соловьева, разинское движение — это выступление беспокойного, непоседливого и праздного казачества, бесшабашных удальцов и искателей военных приключений. Они не терпят над собой никакой власти. Им все равно, идти ли громить «басурманские» берега и гулять по Каспию или подстрекать низшие слои населения бунтовать против высших внутри России. И то и другое предпринималось, с точки зрения С. М. Соловьева, с одной целью: «добыть себе зипуны».

Восстание С. Т. Разина представляется историку событием случайным, происшедшим из-за того, что казаки в результате мер правительства не могли вторично пуститься по Каспию для обогащения. «Лишенная таким образом надежды гулять по Каспийскому морю, — пишет он, — огромная шайка опрокидывается внутрь государства...» Почему же Разина поддерживают широкие народные массы? Потому, пишет Соловьев, что веселая и сытая жизнь богато, роскошно, ярко одетых казаков становилась верной приманкой для низших слоев населения. Казачья же жизнь в их глазах — непрерывная гульба. «Понятно, — объясняет Соловьев, — какое впечатление производило это на людей, которым более других хотелось погулять, которым их собственная жизнь представлялась „беспреданною тяжелою, печальною работою"»²⁹.

Приведенные строки мало согласуются с утверждением И. В. Степанова о том, что «каких-либо социальных мотивов в восстании Разина С. М. Соловьев не усматривает...»³⁰. Другое дело, что, не придавая отношениям классов особого значения, он затрагивает их лишь мимоходом. Но иного и трудно ожидать. Ведь Соловьев никогда не руководствовался стремлением переделать человечество, не звал на баррикады. Его занимали совсем другие сюжеты. Гораздо больший интерес для историка

представлял духовный мир русских людей разных эпох. К примеру, выясняя природу невероятной популярности С. Т. Разина и его сподвижников в народной среде, С. М. Соловьев связывал ее с традицией поэтизировать казацкую жизнь, превносить в нее фантастические, но очень притягательные для русского сердца черты. В народном воображении видит он и один из источников могучего обаяния личности Разина: «...счастливым атаман... превратился в чародея, которого пуля не брала, которому ничего не могло противостоять».

От поэзии С. М. Соловьев переходит к прозе. В частности, пополнение повстанческих рядов он вполне трезво увязывает с прелестью добычи, искусительно действовавшей на человека тогдашнего общества. Однако не только банальная страсть к обогащению движет, по Соловьеву, поддерживающими разинцев массами. Казаки привлекают народ прежде всего тем, что* готовы померяться силами с государством и вступают с ним в отчаянную схватку за право поступать как им вздумается, за свободу, независимость. Историк признает, что именно с этой целью донцы стремятся «поднять всех голутвенных против бояр и воевод, поднять крестьян и холопов против господ». Он

проводит прямую аналогию между событиями 1667—1671 гг. и начала века: «повторилось то, что мы уже видели в Смутное время...: в селах крестьяне начали истреблять помещиков и прикащиков их и толпами поднялись в козаки; слышав приближение воровских шаек, в городах чернь бросалась на воевод и на приказных людей, впускала в город Козаков, принимала атамана вместо воеводы, вводила казацкое устройство; воеводы и приказные люди, *облихованные* миром, на которых было много жалоб, истреблялись, *одобренных* не трогали. Как и в Смутное время поднялись варварские инородцы — мордва, чуваша и черемисы»³¹. По наблюдению С. М. Соловьева, пока разницы были в силе, население охотно шло за ними и с воодушевлением воспринимало их «прелестные» листы. Но, как только счастье им изменило, а точнее, как только их предводитель утратил ореол непобедимости и дар чародейства, народ отвернулся от повстанцев.

Государственный порядок для С. М. Соловьева превыше всего. Он отрицательно оценивает роль казачества в русской истории и, по верному замечанию А. Н. Цамутали, подобно Карамзину, видит в них людей, существовавших за счет государства и одновременно подтачивавших его устои³². Историк не склонен рассматривать разинское восстание иначе, как чисто казацкое по своей сути выступление и, соответственно, относится к нему так же, как к разрушительной, на его взгляд, деятельности казачества.

Но к личности Степана Разина С. М. Соловьев подходит несколько по-другому. При всех своих западнических ориентациях как истинно русский человек он не может оставаться равнодушным к его отваге, удали, душевному размаху. Это проскальзывает и в тех характеристиках, которые дает историк повстанческому атаману. Он называет его одним из стародавних русских людей богатырского склада, заостряет внимание на его ловкости, энергии, умелом обхождении, вольнолюбии, грозном нраве и т. д.³³. Отмечает Соловьев в Разине и сверхчеловеческое, «чародейное», то, чем он «оцепенял простого человека, низлагал, поработал его». И все это не только неудержимо привлекало к нему людей, но и приводило к тому, что «Степана Тимофеевича величали как царя: становились на колени, кланялись в землю». Вместе с тем Соловьев отнюдь не склонен закрывать глаза на пристрастие атамана к «зелью». В его войске, пишет он, «с утра все уже пьяно». Разгульность и неумность Разина, его буйная и затянувшаяся «гостьба» в Астрахани стали, как считает историк, одним из роковых обстоятельств, погубивших «Стеньку и его дело, которое начало было разыгрываться в обширных размерах». Анализируя причины поражения восставших под Симбирском, историк приходит к выводу, что Разин, мастер расставлять ловушки своим неприятелям, на этот раз сам попал в таковую, поверив в инсценировку воеводой Ю. Барятинским прихода к нему большого подкрепления. «Хитрость удалась вполне, — пишет Соловьев, — на Стеньку напал страх, и он решился убежать тайком с одними донскими казаками, потому что бегство целого войска было бы замечено и нужно было бы выдержать преследование от воевод». Это обвинение Разина в трусости и предательстве восходит к версии правительственных источников. Оно было неоднократно повторено другими авторами и оспорено только советской историографией³⁴.

Особых исторических последствий восстание Разина, по мнению С. М. Соловьева, не имело, хотя и довольно основательно потрясло общество. Куда более глубокий след по сравнению с этим движением оставил, по словам историка, раскол. Критерием определения степени значимости обоих событий служит для С. М. Соловьева то, что разинский бунт власти в конце концов подавили, а с церковным мятежом они так скоро сладить не смогли. «Впрочем, — оговаривается С. М. Соловьев, — разинское возмущение не было последним действием борьбы государства с казаками: в новой русской истории увидим Булавина и Пугачева»³⁵.

Страницы, посвященные разинскому восстанию, как всегда у Соловьева, отличаются необыкновенной полнотой фактов. Правда, о массовых казнях восставших, производимых карательными войсками, он умалчивает, ибо, вероятно, находит столь крутую расправу излишней.

При написании текста о крестьянской войне С. М. Соловьев широко использовал правительственные акты и документы (царские грамоты, воеводские отписки, челобитные) как опубликованные (в том числе и А. Н. Поповым), так и обнаруженные им в архивах. Высочайшую щепетильность проявлял историк при работе с известиями иностранцев, отдавая предпочтение в плане точности и достоверности материалам русского происхождения.

То обстоятельство, что автор знаменитой «Истории России...» включил в свое сочинение «явление ... известное под именем бунта Стеньки Разина», безусловно имело большое положительное значение, пусть он и сделал это скорее всего для того, чтобы лишний раз продемонстрировать торжество государственного начала над силами анархии.

Параллельно с «государственниками» тогдашняя историография представлена и другими направлениями. Частично они нашли отражение и применительно к крестьянским войнам в России. Так, специальную монографию и развернутый очерк посвятил разинскому восстанию один из известнейших и оригинальных историков прошлого века Н. И. Костомаров³⁶. Представитель романтической школы, он был убежден, что сами по себе факты, реальная канва событий не так важны, как их художественная подача. Резкая критика самодержавно-крепостнических порядков времен Московского государства противоречиво сочеталась в его трудах с апологетикой царизма, неподдельный интерес к народным движениям прошлого — с их осуждением. Так, крупнейшие восстания XVII в. он определяет как «взлом общественного строя», называет их «блестящими и бесплодными, как метеор», считает, что их вожди могли только поднять «кровавое знамя переворота русской земли вверх дном». Философия истории Н. И. Костомарова во многом восходит к положениям Шеллинга, который выдвигал на первое место духовно-нравственные и религиозные силы. В том или ином повороте событий Костомаров искал проявления «народного духа», который был, в его понимании, неким абсолютном, основой основ.

В советской историографии неоднократно отмечалось, что в работах Костомарова идет речь не о реальной борьбе общественных классов, а о столкновении «начал», что социальные антагонизмы подменяются им этническими, национальными³⁷. Однако не пришло ли время отчасти пересмотреть эти оценки, признать их несколько односторонними? Ведь в том же «Бунте Стеньки Разина» у Костомарова сквозь налет столь свойственного ему романтизма проступают вполне реалистические оценки и наблюдения. Разве не Костомаров был первым, кто, обратившись к изучению крестьянской войны, попытался установить именно социальные ее предпосылки? Считая разинское восстание чисто казацким мятежом, историк в то же время не отмахивается от того факта, что не только на Дону, но и «в других местах русской земли» народ широко поддерживает это выступление. Задумываясь над тем, почему так происходит, Костомаров как на главную причину указывает на то, что С. Т. Разин («батюшка») обещал «всем русским людям казацкую волю». Кроме того, этот сочувствующий мятежным донцам народ, по словам Костомарова, — «люди, лишённые крова, зачастую голодные, готовые на всякий бунт и разбой». Немалая заслуга историка в том, что он попытался выяснить, отчего же создавалось такое положение, почему обширная часть населения страны оказалась без хлеба насущного и без крыши над головой. И он прямо связывает ухудшение жизни трудящихся масс с крепостническим законодательством середины века (Уложение 1649 г.), нестерпимым налоговым гнетом, произволом властей и т. д.³⁸. Вот откуда взялся тот горячий материал (люди, готовые на бунт и разбой), который вспыхнул от первой же попавшей в него искры (разинского выступления), считает Костомаров. Таким образом, при общем отрицательном отношении к восстанию историк в то же время признает, что народ был доведен до крайности невыносимо тяжелыми условиями жизни и не мог не пойти за «воровскими казаками». Верно, что Костомарова пугают «неистовства черни», которая «разлакомилась на грабеж и кровь». Но вряд ли это дает основание утверждать, пусть и со ссылкой на собственные его слова, что он «не пошел дальше

романтического обыгрывания „дикой самодеятельности" разбушевавшейся народной стихии»³⁹.

Одна из существенных особенностей творческого почерка Н. И. Костомарова состоит как раз в том, что многие строки, вышедшие из-под его пера, разительно не соответствуют методологическим установкам автора, талант и художественное чутье нередко подсказывают ему больше, чем разум, и берут верх над его философскими позициями. В противном случае работы историка не пользовались бы такой популярностью среди передовой российской публики. Так, Н. Г. Чернышевский в предисловии к русскому переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера (1889) писал, что «Костомаров был человек такой обширной учености, такого ума и так любил истину, что труды его имеют очень высокое научное достоинство. Его понятия о деятелях и событиях русской истории почти всегда или совпадают с истиной, или близки к ней»⁴⁰.

Видный социолог, переводчик трех томов «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсон, находившийся в длительной переписке с К. Марксом, в письме от 10(22) мая 1873 г. настоятельно рекомендует ему в числе прочих работ по истории России познакомиться с книгой Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», поскольку в ней очень мрачными красками обрисовано «положение крестьян в боярских и монастырских владениях», что делает вполне понятным и их протест⁴¹. Возможно, именно от своего петербургского корреспондента К. Маркс и получил костомаровское сочинение, которое прочел в подлиннике (он в это время усиленно изучал русский язык) и обстоятельно законспектировал⁴². Отнесясь к «Бунту Стеньки Разина» с неизменной критичностью, К. Маркс, однако, взял на вооружение целый ряд положений из социального диагноза Костомарова и, как уже отмечалось нашей историографией, «...солидаризировался со многими важными обобщениями автора»⁴³.

Однако общая концепция Костомарова в оценке разинского восстания по сравнению с тем же С. М. Соловьевым — это все же шаг назад. Подобно В. Д. Сухорукову и отчасти А. Н. Попову, он считал, что движение Разина вобрало в себя возмущение всех, кто ратовал за старину, за удельно-вечевые порядки, кто выступал против централизации и самодержавия. Казачество, по мнению Костомарова, олицетворяло те силы русского общества, которые добивались независимости и самоуправления. Подспудно они давно были готовы идти на борьбу с боярами, воеводами, приказными людьми и богачами, у них не раз возникала мысль, «как было бы хорошо, если бы на Руси истребить все, что давило простой народ, и устроить казацкую вольницу». Что же мешало осуществить эти намерения? «Нужно было только человека, — пишет Костомаров, — который бы соединил около себя всю донскую голытьбу и поднял ее на исполнение заветной думы, засевшей во многих головах». Когда такой человек явился, собрал вокруг себя «ватагу», незамедлительно вспыхнул бунт⁴⁴. Рассматривая возглавленное Степаном Разиным восстание как запоздалое выступление, в котором «воскресли старые, полуугасшие стихии вечаевой вольницы», Костомаров в отличие от того же В. Д. Сухорукова, заметно идеализирующего казацкое устройство, считал, что ни донцы, ни пошедший за ними народ не способны были проложить новый путь. В случае их победы, по мнению Костомарова, могла произойти лишь смена лиц, а затем неизбежно должен был возродиться старый социально-политический строй. Поэтому грандиозную борьбу восставших в XVII—XVIII вв. он находил анахронизмом, а потому — исторически бесперспективной. Эта точка зрения и ее разновидности стали в историографии предметом острой дискуссии и остаются таковыми до сих пор⁴⁵.

Не без передежек и преувеличений Н. И. Костомарову все же удалось передать, на каком высоком градусе ярости, неистовства, кровавой brutality разгорелось и нарастало пламя «бунта Стеньки Разина». Он не стремится, подобно С. М. Соловьеву, обойти молчанием расправы царских карателей с мятежниками. Жуткие казни и пытки, применявшиеся к повстанцам, мучения, которым были подвергнуты Степан и Фрол Разины, описываются подробно, хотя и с излишним доверием к источникам.

Освежающая струя, привнесенная в историографию Костомаровым,— это и широкое, использование им, причем с величайшим знанием дела, народного фольклора.

Костомаров — незаурядный мастер слова. Его сочинения изложены живо, увлекательно, образно. И даже В. О. Ключевский, известный своей необычайной требовательностью к точности воспроизведения реалий прошлого, готов простить ему те же погрешности, за которые резко критикует дворянских историков. Он буквально пленен красочной и образной манерой письма Костомарова⁴⁶.

Из историков славянофильского направления уделил внимание разинскому движению И. Д. Беляев. В его понимании, все народные смуты — результат давления на народ со стороны приказной администрации и придворных временщиков. Причем царь, по Беляеву, был к этим притеснениям и злоупотреблению властью непричастен. Гнет бюрократического аппарата вызвал «страшную деморализацию общества» и привел к открытому неповиновению и возмущению — бунтам⁴⁷.

Блестящий русский ученый, представитель следующего поколения российских историков В. О. Ключевский упоминает выступление Разина в своем «Курсе русской истории» лишь мимоходом. Он освещает его как огромный мятеж, зародившийся среди казачества и получивший «чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»⁴⁸. Но углубляться далее в суть вопроса историк не стал, видимо, с одной стороны, не считая нужным делать это после С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, а с другой — явно не относя крестьянские войны к моментам, определяющим, по его мнению, развитие исторического процесса.

Во второй половине XIX в. в историографии все активнее и увереннее проявляет себя сформировавшееся под влиянием идей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их последователей демократическое направление. Историки этого направления были тесно связаны с революционной средой. И не случайно видное место в их научных трудах занимают народные движения прошлого. Так, с глубоким и неизменным сочувствием о восстаниях под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева писал крупный русский историк А. П. Щапов⁴⁹. Близкий к революционерам-шестидесятникам, лично знакомый с Н. Г. Чернышевским, он за свои убеждения и активное участие в политических событиях 60-х годов неоднократно подвергался аресту, находился в ссылке, отбывал тюремное заключение. В центре его постоянного внимания как главный предмет изучения — история народа. Бунт Разина в его представлении был неразрывно связан с расколом. Под расколом же, считая его не столько религиозным, сколько социальным явлением, он понимал могучую оппозицию массы народной всему государственному строю. Восстание Разина Щапов называет революционным, прогрессивным, ибо разницы добиваются исконно народных начал жизни и сметают со своего пути всех, кто препятствует им в этом. Он решительно утверждает, что внутренняя правда — на их стороне⁵⁰.

В советской историографии главным уязвимым местом в трактовке А. П. Щаповым разинского восстания обычно признавалось изображение этого восстания как социального по форме и религиозного по содержанию. Сильной же стороной подхода историка к событиям третьей четверти XVII в. считался классовый подход, освещение раскола как мощного выражения народного недовольства⁵¹. Однако, не приемля клерикальных воззрений Щапова, советская историческая наука долгое время вообще чуралась религиозной сферы и, как правило, или обходила стороной тесную связь многих явлений старообрядчества и социальных вопросов, или подчеркивала религиозную индифферентность народных движений, включая разинское восстание⁵². И лишь некоторые авторы придерживались иной точки зрения, считая, что народные массы, высказываясь за старую веру, выражали этим свой протест против феодального гнета, прикрываемого и освещаемого церковью⁵³.

Сегодня роль и место народных верований, язычества и сектантства в борьбе крепостного крестьянства России активно рассматривается в нашей литературе⁵⁴. Пришло

время по-новому осмыслить и суждения А. П. Шапова о старообрядческих представлениях и идеалах разинцев. Насколько он был прав и насколько заблуждался, когда писал, что донское казачество «обратилось в раскольничью общину и возводило даже свои казачьи рады, круги до религиозной санкции в образе религиозных рад или радений и святых кругов»? Насколько основательно было утверждение Шапова, что Разин стремился сделать «древнее Астраханское царство ... в противоположность ... Московскому государству, царством казачества и раскола, к чему и после, со второй половины XVIII столетия, стремились раскольники...»⁵⁵. На эти и многие другие вопросы, возникающие при чтении трудов А. П. Шапова, предстоит еще дать ответ.

Не прошли мимо разинской темы такие известные историки и публицисты того времени, стоявшие на демократических позициях, как И. А. Худяков, Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев, И. Г. Прыжов, С. С. Шашков. Обращаясь к крупнейшему народному восстанию XVII в., они в большинстве своем черпали богатый фактический материал из упомянутой книги Н. И. Костомарова. Но у них совсем иной подход к этому событию; как и вообще к движениям крепостного крестьянства. Если Н. И. Костомаров в целом склонен оправдывать и положительно оценивать самодержавие, то историки- и публицисты-демократы, напротив, выпукло показали его антинародную сущность и деятельность. Ярво выраженная антикрепостническая и антисамодержавная направленность работ этих авторов убедительно раскрыта А. Н. Цамутали⁵⁶.

Как центральное событие в истории России XVII в. восстание С. Т. Разина получило отражение в книге И. А. Худякова «Древняя Русь»⁵⁷, где разинскому движению посвящена целая глава, в которой этот социальный взрыв связывается с резким ухудшением положения народа. С нескрываемой симпатией относится автор к самому Разину. В его восприятии это «смелый, крепкий и решительный казак», который повел за собой огромную массу недовольных. Как верно отметил А. Н. Цамутали, в отличие от авторов верноподданнических книг, изображающих Разина простым грабителем, Худяков видит в повстанческом предводителе настоящего народного героя⁵⁸. Худяков подчеркивает масштаб движения («поднялась вся страна»), его классовую остроту («крестьяне убивали помещиков, в городах чернь свирепствовала против богатых»), участие в нем разных народов России. Задумываясь над тем, были ли у разинцев шансы на успех, историк приходит к выводу, что «если бы Стенька не промедлил в Астрахани и воспользовался переполохом, то, вероятно, он побывал бы в Москве»⁵⁹.

Несмотря на употребление применительно к восставшим типичной для дворянской историографии терминологии («чернь», «Стенька» и т. п.), что, возможно, было сделано умышленно, дабы несколько усыпить бдительность цензоров, эта глава книги преисполнена откровенным сочувствием мятежному крестьянству и всем своим содержанием, всей своей идейной направленностью призвана вызвать горячий отклик у читателей из народа, которым, собственно, Худяков и адресовал свой труд. Не случайно его «Древняя Русь» имела широкое хождение в низах российского общества наряду с нелегальными брошюрами. В активной революционной деятельности участвовал и сам И. А. Худяков. Член народнического кружка ишутинцев, он ездил в 1865 г. в Женеву для установления связи с М. А. Бакуниным, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Год спустя его привлекают к следствию по делу Д. Каракозова, стрелявшего в царя Александра II. Дни свои И. А. Худяков оканчивает в иркутской ссылке, будучи тяжело больным человеком.

Подобным образом складывается и судьба талантливого, оригинального историка И. Г. Прыжова, замыслившего создать многотомную серию трудов из истории народной жизни. Он публикует книгу «Нищие на святой Руси», а затем «Историю кабаков в России в связи с историей русского народа». Однако еще больше, чем научная работа, его поглощает и захватывает революционная деятельность. Мечты о переустройстве России приводят его в ряды ишутинцев. А в 1869 г., поверив в существование большой революционной организации С. Г. Нечаева, Прыжов вошел в его кружок, где практиковались методы мистификации, провокации и запугивания. Он принял участие в

убийстве подозреваемого в предательстве студента И. И. Иванова и по нечаевскому делу был осужден на 12 лет каторги и вечное поселение в Сибири.

В «Истории кабаков...» И. Г. Прыжов проводит мысль о том, что главной движущей силой всех народных волнений, начиная с разинского и кончая крестьянскими возмущениями после реформы 1861 г., была та самая «голь кабацкая», которая неоднократно упоминается в песнях разинского цикла. Задавленный податями и недоимками, мужик находил временное забвение и утешение в кабаке, где его, пропивающего последние гроши, обирали уже не барин, не приказчик, а само государство, наживавшееся на кабацких сборах. «Кабацкая голь», по Прыжову, — это люди, которым уже нечего терять. Они дошли до края, до последней черты и потому готовы к мятежу. По его мнению, «громадный бунт Стеньки Разина» как раз и был вызван, с одной стороны, скоплением таких вот отчаявшихся людей, а с другой — озлоблением народа против бояр⁶⁰.

Соратник и последователь Чернышевского Н. В. Шелгунов изучал разинское восстание, прежде всего движимый стремлением лучше осмыслить современные ему события в пореформенной России. В статьях «Россия до Петра I», «Романтизм русский», «О воспитании человека», «Русское слово» Шелгунов дает весьма внушительную картину народной борьбы в третьей четверти XVII в. Показав ее величайший размах и накал, он в то же время вскрывает и присущие ей внутренние противоречия. Главное из них, по его мнению, состояло в том, что С. Т. Разин, «уничтожая московский порядок... заменял его порядком казачьим и не понимал того, что этот порядок годился только для военной казачьей общины и не годился для обширного и разбросанного земледельческого Московского государства»⁶¹. Шелгунов указывал также на то, что Разин чтит великого государя и в то же время разрушает весь государственный порядок и рассылает по всей России своих эмиссаров возмущать народ против власти. «Как бы трудно ни жилось народу, — отмечает Шелгунов, — он был уверен, что зло не от царя»⁶².

Широко заимствуя фактический материал у Костомарова, Н. В. Шелгунов воспринял и некоторые его идеи. Так, и название, и содержание статьи «Романтизм русский», без сомнения, навеяно костомаровскими работами. Объясняя, что же такое романтизм русский, Шелгунов вполне в костомаровском духе утверждает, что это «чисто народная струя, охватывающая всю народную жизнь, он ее восьмисотлетний пульс, никогда не перестававший биться»⁶³.

Однако заблуждается И. В. Степанов, перенося на статьи Шелгунова те же характеристики, что и на сочинения Н. И. Костомарова. Во-первых, трудно согласиться с тем, что Шелгунов якобы считал разинское восстание бесполезным, бессмысленным и бедственным для народа, поскольку оно стоило ему больших потерь⁶⁴. Во-вторых, в передаче И. В. Степанова не совсем точна психологическая характеристика С. Т. Разина. Верно, что Шелгунов не усматривал в предводителе повстанцев «никакого головного содержания, ни одного из тех гражданских идеалов, который он мог бы противопоставить старому московскому порядку». Но ведь нельзя отрицать и другое: Разин для Шелгунова в отличие от Костомарова — не разбойник, а настоящий народный герой, исполин, наделенный необыкновенной нравственной силой. Недаром Шелгунов даже находит возможным сравнивать Степана Тимофеевича с Яном Гусом⁶⁵.

Конечно, суждениям Н. В. Шелгунова присущи противоречивость, совмещение историко-материалистических и идеалистических подходов, неоднозначность оценок. Все это нашло отражение и в освещении им разинского восстания. Но нужно иметь в виду, что подобная черта — не отличительная особенность только Шелгунова. Это, как хорошо показал А. Н. Цамутали, — тенденция развития прогрессивной исторической науки в России 60—70-х годов вообще⁶⁶.

В политической публицистике, в потаенной литературе тех лет произведения, посвященные крестьянским войнам в России, составляют десятки названий. В народнической среде в то время был широко распространен своего рода культ Разина и

Пугачева⁶⁷. Сами имена повстанческих предводителей сделались испытанным агитационным оружием русских революционеров. Порой напоминание о грозном восстании XVII в. служит своеобразным жупелом для устрашения властей. Так, уже упоминавшийся организатор тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаев в своих записках, попавших в руки департамента полиции, упорно и настойчиво проводит мысль, что Россия накануне политического переворота, и предсказывает правительству «повторение ужасов, подобных тем, которыми сопровождалось кровопролитные восстания Разина и Пугачева». «А эти ужасы, — подчеркивает Нечаев, — непременно воспоследуют»⁶⁸.

Один из представителей русской революционной эмиграции С. Я. Жеманов, принимавший активное участие в изготовлении «возмутительных» прокламаций, предназначенных к отправлению в Россию, написал поэму «Стенька Разин». Это произведение не столько о прошлом мятеже, сколько о новом народном выступлении, которым, как верит автор, обязательно ответит обманутое в своих ожиданиях крестьянство на реформу 1861 г. Находясь в России, Жеманов всячески пытался приблизить этот час и был в 1863 г. арестован и привлечен к дознанию именно по делу о замышлявшемся восстании в Казани⁶⁹.

В начале 70-х годов состоявший в народническом кружке «чайковцев» студент Петербургского технологического института С. С. Синегуб тоже написал большую — в 790 строк — поэму «Степан Разин». Когда в Петербурге в Особом присутствии сената разбирались судебные дела революционеров-народников, поэма Синегуба упоминалась в материалах следствия 70 раз и была инкриминирована автору как несомненное доказательство преступного образа мыслей и политической неблагонадежности. Вынесенный Синегубу приговор — 9 лет каторги в Сибири⁷⁰.

В революционной пропаганде народников заметное место принадлежит поэтическим произведениям на разинскую тему литератора А. А. Навроцкого. Обычно отмечается, что по своим общественным взглядам и политическим убеждениям он был далек от того, чтобы пробуждать у современников революционный дух и порыв к борьбе. Действительно, трудно ожидать от преуспевающего чиновника военно-судебного ведомства, дослужившегося до генерал-лейтенанта, крамольных сочинений. Это представляется тем более сомнительным, если учесть, что он хорошо известен как издатель весьма консервативного журнала «Русская речь» и как автор целого ряда стихов, повестей, исторических драм, где целенаправленно обосновывается бесплодность революции и «величье смиренья».

Тут уместно вспомнить, что и А. Н. Радищев поначалу приобрел репутацию ревностного чиновника (он служил на столичной таможне), быстро получил чин коллежского советника и даже был за свое служебное рвение пожалован императрицей Екатериной II бриллиантовым перстнем. Тем не менее все это не помешало ему вскоре стать тираноборцем. Вряд ли в случае с А. А. Навроцким произошло то же самое. Однако именно его перу принадлежит до сего дня знаменитое стихотворение «Утес», прочно вошедшее в золотой фонд народных песен борьбы и протеста. Именно Навроцким написаны и драматическая хроника в 11 картинах «Стенька Разин» и широко известная в кругах русской эмиграции эпическая поэма «Вольный атаман». Драму А. А. Навроцкого, революционеры-пропагандисты включили в первую «Книгу для народа», подготовленную в начале 70-х годов, а его поэма о Разине была издана в Женеве в 1872 г. и тогда же наряду с другими нелегальными материалами попала в Россию.

Объяснять появление сразу трех ярких, талантливых, носящих следы тщательной литературной шлифовки произведений, лишь случайностью не приходится. По-видимому, в 60—70-х годах А. А. Навроцкий воспринимал российскую действительность далеко не так, как десять лет спустя, когда он возглавляет «Русскую речь», и был вовсе не столь верноподданнически настроен, как это принято думать.

Вероятно, нечто подобное произошло и с историком в публицистом Н. Я. Аристовым, деятельность которого обстоятельно изучена А. Н. Цамутали. Если в работах 60-х годов. Аристов трактует крупнейшие восстания крепостного крестьянства (и разинское тоже) как наиболее резкую оппозицию народа по отношению к государству, то к 90-м годам у него происходит значительный сдвиг вправо. В его статьях этого времени не только нет даже оттенка былой оппозиционности, но, напротив, имеют место ярко выраженные консервативные взгляды⁷¹.

В обстановке возрастающего освободительного движения крупнейший революционер и мыслитель М. А. Бакунин выступил с радикальной программой, которая очень импонировала молодежи, рвущейся к живому практическому делу. В 70-х годах бакунизм стал преобладающим направлением русского народничества. «...Народ наш, — писал М. А. Бакунин, — явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху...»

В промонархической литературе тех лет нередко проводилась мысль о законопослушности и долготерпении российского крестьянства. По Бакунину же, народ вовсе не безмолвствует, покорно сопротивляясь или строптиво покоряясь. Тяготы своей жизни он «переносит ... не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже... двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом и не перестающим поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов».

Может ли крестьянское восстание победить? М. А. Бакунин уверен, что да. То же разинское движение не удалось бы, по его мнению, разгромить, если бы в народе было тогда чувство и сознание действительного единства. «Стенька Разин, — развивает эту мысль Бакунин, — был богатырь, но он был один между всеми и над всеми; его личная громадная сила не могла устоять против сплотившейся и организованной государственной силы, т. к. в народе, предводительствуемом им одним, не было и тени организации. Погиб он, и все погибло».

Иным представляется М. А. Бакунину грядущее крестьянское восстание в России: «Теперь будет не то. Не будет, вероятно, народного богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающего в своем лице всю народную жизнь и силу. Но будет зато легион бессловной и безымянной молодежи», пришедшей ему на смену, т. е. как бы коллективный Разин.

Какие же исторические уроки извлекает М. А. Бакунин из крестьянских движений прошлого?

«Главный недостаток, парализующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, — пишет он, — это замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров. Надо во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела»⁷².

Можно спорить с выводами М. А. Бакунина из его теоретических посылок, можно не соглашаться с противопоставлением им личности С. Т. Разина народу, с занижением роли последнего в крестьянской войне, но нельзя не заметить горячей, искренней веры знаменитого теоретика анархизма в несокрушимую народную силу, против которой ничто и никто устоять не может, особенно «когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно...».

Противоречивы и неоднозначны были взгляды на борьбу восставшего крестьянства России XVII—XVIII вв. Г. В. Плеханова. Его суждения на этот счет, конечно, были обусловлены меняющимися политическими позициями: сначала народник, затем революционный марксист, меньшевик, социал-патриот. На каждом из этих этапов политической биографии Г. В. Плеханова в его отношении к проблеме крестьянских восстаний были существенные различия. Так, в 70-х годах XIX в. Плеханов-народник дает выступлениям С. Т. Разина и Е. И. Пугачева высокую оценку и приравнивает их по значимости и размаху к крестьянским войнам в Германии. Плеханов-марксист в 80—90-х годах считает восстания российского крестьянства феодальной поры (крестьянские войны, по его определению) ярким проявлением не затихающей на протяжении многих столетий классовой борьбы. Иного мнения придерживается в начале XX в. Плеханов-меньшевик. Отказывая крестьянству в революционности, он противопоставляет его пролетариату: «Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль „мужичка“. На „мужичке“ целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии». Если раньше Г. В. Плеханов горячо спорил с теми, кто выдвигал тезис о неспособности крестьянских масс к самостоятельной революционной борьбе, то теперь он сам разделяет эту мысль. В частности, с новой точки зрения подходя к разинскому восстанию, он полагает, что поднявшееся на мятеж крестьянство всего лишь пассивно и покорно шло за казаками и что все движение в целом носило чисто казацкий характер. Но и казаки, по словам Плеханова, являлись консервативной силой, они воплощали вчерашний, но отнюдь не завтрашний день. В лице казачества старое выступало против нового, а не наоборот⁷³.

Этих взглядов Плеханов придерживался до конца своих дней и не склонен был от них отказываться.

Официально-охранительная историография более всего проявилась в общих курсах истории России, причем преимущественно в тех, которые предназначались в качестве учебников и пособий для преподавания в школе. В изложении прошлого там многое искажалось и многое замалчивалось. Не случайно Н. В. Шелгунов в своих мемуарах с грустью констатирует, что русские не знают истории родной страны. Он сетует, что в его собственном историческом образовании оказались весьма большие и неожиданные пробелы, которые ему пришлось самостоятельно восполнять уже в зрелые годы. Шелгунов не спешит обвинять в невежестве встреченного им офицера российского флота, понятия не имевшего о том, кто такой Разин, поскольку система обучения была такова, что ни сами крестьянские волнения, ни тем более их предводители в круг тщательно отобранных и дозированных исторических сведений и персоналий по вполне понятным причинам не попали⁷⁴. В. О. Ключевский тоже вспоминал, что в стенах пензенской духовной семинарии, учеником которой он был, ему мало что удалось почерпнуть из родного прошлого. Но по вечерам семинаристы собирались у кого-нибудь на квартире, чтобы читать и вслух обсуждать прочитанное. И, по словам Ключевского, именно тогда за чтением «Русского вестника», «Отечественных записок», «Современника», книг Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» и «Бунт Стеньки Разина», трудов Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Ф. И. Буслаева, Б. Н. Чичерина и др. пробуждалось его историческое мышление⁷⁵.

В общих работах официально-монархического толка по отечественной истории популярного характера разинское восстание, если и освещалось, то, как правило, весьма скупо и невнятно. Так, в «Краткой русской истории. 862—1862» как на причину народного движения 1667—1671 гг. указано на «неудовольствие раскольников и многих сановников, приближенных к царю»⁷⁶. А. Н. Цамутали в результате анализа целого ряда подобных изданий (книг и брошюр Н. Ушакова, Н. Тимаева и мн. др.) приходит к обоснованному выводу о нарочитом игнорировании в такого рода литературе народных выступлений XVII—XVIII вв., сведениях их к мелким эпизодам, занижении исторического значения любых проявлений социальной борьбы крестьянства⁷⁷.

Отстаивая тезис о монархической власти как основе исторического прогресса страны, дворянская историография и в восстании С. Т. Разина искала и находила подтверждение незыблемости царской власти. К примеру, в трудах небезызвестного Д. И. Иловайского, в целом поколении его учебников для средней школы, проводилась мысль о том, что даже мятежный Стенька Разин, сколь бы далеко ни заходили его помыслы и действия, твердо сохранял верность престолу и преданность самодержцу. Он, по словам Иловайского, «постоянно твердил, что вооружился за великого государя против его изменников московских бояр и приказных людей». В такой интерпретации события третьей четверти XVII в. приобретали чуть ли не промонархическую окраску: крестьяне во главе с Разиным, оказывается, выступили, чтобы помочь царю избавиться от негодных советников. Наивный монархизм народных масс умело обыгрывался и преподносился как нечто исконное, вечное, глубоко внедрившееся «в умы русского народа», в национальный характер. Вместе с тем Д. И. Иловайский не отрицает притягательности и привлекательности для народа призывов Разина «к свободе и казачьему равенству», мельком останавливается на социальных мотивах движения, особо выделяя как главную причину народного недовольства крепостное право. Достаточно подробно описан Д. И. Иловайским ход восстания, указаны, какие районы им были охвачены, названы слои населения, принимавшие наиболее активное участие в борьбе⁷⁸.

Из авторов учебной литературы того же круга, что и Д. И. Иловайский, одни касались разинского восстания лишь мимоходом (П. Ф. Либен и А. П. Шуйская), другие (Н. А. Баженов, М. Я. Острогорский, А. Н. Сальников) предпочитали вообще о нем не упоминать или в лучшем случае назвать лишь имя повстанческого предводителя (И. И. Беллярминов)⁷⁹. Однако сколь бы бегло ни рассматривали эти авторы «бунт Стеньки Разина», какую-то версию им все же приходилось давать. Наиболее расхожим было традиционное для официальной историографии объяснение народного недовольства и неповиновения «недосмотром» властей, подстрекательством государевых недругов и недомыслием «черни». Эта схема была приспособлена к стержневому положению охранительной идеологии о неразрывной связи между народом и самодержцем, угроза которому может исходить только извне или на худой конец от злосчастного стечения обстоятельств.

В конце XIX — начале XX в., как и в 40—50-х и 60—70-х годах, в России шел процесс идейно-политического размежевания, который преломился и в исторической науке. Полярно противоположными были официально-охранительные и революционные идеи.

Для тех, кто придерживался консервативных взглядов, крестьянские бунты XVII—XVIII вв. были крайне негативным явлением российской истории. Подчас они становились объектами внимания лишь постольку, поскольку позволяли политически опорочить социалистические идеи, носителями которых якобы являлись Разин и разницы, Пугачев и пугачевцы. Например, в 1895 г. в журнале «Исторический вестник» была опубликована статья С. Адрианова «Русский социалист XVII века». Под таким автор имел в виду не кого иного, как С. Т. Разина. Предельно упрощая суть социалистических учений, Адрианов утверждает, что, присваивая и деля на уравнилельных началах «чужое добро», повстанцы во главе со своим атаманом на деле осуществляли известную мысль об экспроприации экспроприаторов⁸⁰. Тем не менее не стоит игнорировать рациональное зерно в рассуждениях С. Адрианова: определенная преемственность идеалов распределительной справедливости во время крестьянских войн и в период социалистической революции, несомненно, имеет место, и этому моменту, думается, еще будет уделено должное внимание в советской историографии.

С непримиримых по отношению к восставшим позиций написана книжка Б. Лебедева «Стенька Разин». Это сочинение — из разряда во множестве публиковавшихся в годы реакции пасквилей на революцию и революционеров. И, хотя речь здесь идет вроде бы о мятежниках XVII в., сразу же становится ясна довольно-таки прозрачная аналогия с

недавними «возмутителями спокойствия» — участниками революционных боев 1905—1907 гг. И, конечно, не только разинцев стремится опорочить автор, описывая, как восставшие, «выпачканные в крови, шатались по улицам, горланили песни, непристойно ругались»⁸¹.

Иных взглядов на крестьянские движения придерживались историки, стоявшие на революционных позициях. К этому времени в отечественной науке уже сложилась как самостоятельное направление марксистская историография, определяющую роль в становлении которой играла ленинская идейная школа. Если А. И. Герцен считал народные восстания прошлого справедливой, но трагической борьбой, то историки-марксисты рассматривали их в контексте социально-экономических отношений феодальной России. В частности, М. Н. Покровский в своей пятитомной «Русской истории с древнейших времен» наряду с целенаправленным освещением выступления Пугачева коротко останавливается и на разинском, причины которого он ошибочно выводил из усиления эксплуатации некрестьянских слоев населения российской периферии (восстание, по его мнению, не нашло поддержки в основных земледельческих районах страны) в результате стремительного развития торгового капитала⁸².

Как и раньше, на рубеже XIX—XX вв. и в начале 1900-х гг. существовали и другие идейные течения, носившие умеренный, либеральный характер⁸³.

Центральным лейтмотивом работ либеральных историков о восстании Разина была мысль о том, что жить одним лишь бунтом нельзя⁸⁴. «Бунт, — пишет Н. Иванов, — сам по себе никогда народу не помогал, да и помочь не может. Объявить себя „непокорным" — дело легкое, нарушить закон, отказаться от повиновения властям, что-нибудь разгромить, поджечь, может быть, несчастным делом изобидеть кого-нибудь, или еще и убить — не значит еще перестроить жизнь по справедливости. Кто разрушил, тот еще не создал... Кто нарушил закон, тот еще не установил нового, справедливого закона, да и установить он не может... Отказаться от повиновения властям не долго; но ведь для устройства жизни надо поставить новую власть, мудрую и законную, неподкупную и для всех равную: иначе каждый решит про себя, что ему „все можно", и вся жизнь пойдет вверх ногами... Бунтом нельзя перестроить государства... государственный уклад можно исправить только дружной, планомерной и организованной борьбой за новые, справедливые законы»⁸⁵. То же самое подчеркивалось и в работах других либеральных историков, а единственно возможным путем преобразований в России признавались реформы. По мнению автора исторического очерка «Стенька Разин» И. Катаева, позитивные сдвиги могли бы иметь место уже в третьей четверти XVII в. Для этого московское правительство должно было направить все усилия не на то, чтобы раздавить мятеж, а на то, чтобы принять меры к устранению причин, вызвавших народное движение⁸⁶. Что касается исторических перспектив крестьянско-казацких выступлений, то некоторые авторы, Е. Д. Сташевский к примеру, уверяют, что разинское и ему подобные восстания — всего лишь всплески «стихий вечаевой вольницы», давным-давно угасшая старина, а потому они были лишены созидательных движущих начал и заранее обречены на поражение⁸⁷. Он не отрицает в тогдашнем обществе социального антагонизма между лучшими, наиболее обеспеченными, властью имущими и принужденными, «молодыми», «меньшими» людьми. Но это не меняет его отношения к восстанию. Сама мысль о том, что в России может повториться нечто подобное, приводит Сташевского в неподдельный ужас: «Не дай, господи, — пишет он, — всякому крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька».

Вообще же в оценке самого Степана Разина либеральные историки не единодушны. Так, уже упомянутый Н. Иванов в первом издании своей книги восторгается повстанческим предводителем, признает, что это «был человек смелый, предприимчивый, с сильной и непреклонной волей» и т. д. Однако во втором издании той же работы, вышедшей уже в 1917 г., тот же автор затрудняется сказать о Разине «вполне верное и справедливое слово», ибо народная молва «разукрасила его жизнь и деятельность

легендами, полными удивления и сочувствия». В конце концов Н. Иванов решительно отрицает всякую историческую достоверность дошедших до нас былин, песен и сказаний о Разине и его товарищах и низводит источники до уровня баснословного вымысла и небывальщины⁸⁸. В том же духе развенчивания разинского фольклора и самого Разина выступают Б. Лебедев, В. Я. Уланов, В. Корсакова и некоторые другие⁸⁹. Уланов, например, перефразируя известную поговорку, объясняет поражение восстания тем, что не «по Стеньке-казачке оказалась та шапка, которая принадлежала идеальному Разину как исторической проекции массовых переживаний народа...»⁹⁰.

Иную позицию занимают ряд умеренно-прогрессивных историков, среди которых в первую очередь нужно отметить Н. П. Павлова-Сильванского. Характеризуя годы царствования Алексея Михайловича, он приходит к выводу, что между различными классами общества и между обществом и правительством идет, в сущности, непрерывная и упорная борьба. Ее проявлением и одновременно несколько запоздалой, но необратимой реакцией на Соборное уложение 1649 г. Павлов-Сильванский считает разинское восстание. Близкий к нему либеральный исследователь В. А. Никольский вопреки мнению И. В. Степанова⁹¹ выступает против опорочивания Разина как вождя крестьянского движения. Он не приемлет и облегченного, мягко говоря, отношения к положительным характеристикам Разина в народных песнях и легендах. «Стенька Разин,— пишет В. А. Никольский, отчасти вторя С. М. Соловьеву, — это воскресший богатырь древнего былинного эпоса, со всеми присущими древним богатырям качествами, делавшими их достойными народной любви. Но — как богатырь новой, не вечевой, а царской Руси — Разин ставит себе и новые задачи: вместо Змея-Горыныча и „злых татаровей“ — перед ним новый народный враг: крестьянское рабство и поддерживающие его бояре, „изменники“. Он — мститель за все зло, которое веками терпела от богатых и сильных народная спина... В том-то и секрет разиновского обаяния, что он с головы до пят народный герой, в котором с большею яркостью, чем в повседневной жизни, отразилась протестующая свободолюбивая народная душа, какова бы она ни была со всеми ее недостатками»⁹².

Заметным рубежом в изучении разинской темы стали многочисленные работы, где события 1667—1671 гг. рассматривались в связи с историей того или иного региона, города или населенного пункта, книги и статьи, посвященные выяснению хода восстания в отдельных краях и территориях⁹³. Из этого обширного круга литературы правомерно особо выделить написанные с большой научной основательностью и на базе разнообразных и умело препарированных источников труды Д. И. Багалея, Г. Перетяжковича, С. И. Порфирьева, А. И. Соловьева.

Несколько особняком в историографии крестьянской войны под предводительством Разина стоит научное творчество талантливого историка неонароднического направления Н. Н. Фирсова, плодотворно продолжившего работу по той же проблематике и в советское время⁹⁴. Его сочинения дооктябрьской поры вобрали в себя тревожные думы той эпохи, ее отчаяние и надежды, ее иллюзии и трагические судьбы, ее правду и бесконечные вопросы. Этот скромный профессор Казанского университета подходил к науке со своей нетрадиционной меркой. По его разумению, исследовательская мысль продолжает десятилетиями биться над одними и теми же феноменами истории, поскольку они, как и сама жизнь, не исчерпываются однозначными решениями. Каждое поколение, считает он, будет по-своему толковать загадки прошлого. Именно под этим углом зрения Н. Н. Фирсов освещает «разиновщину» как социологическое и психологическое явление народной жизни. Он, по-видимому, вовсе не собирался выступать в качестве политического прорицателя, но содержание опубликованной им в 1906 г. работы о событиях двухвековой давности неожиданно приобрело слишком современное звучание и во многом воспринималось в контексте с разгорающейся первой российской революцией⁹⁵.

До 1917 г. Н. Н. Фирсов не разделял Марксовой теории классовой борьбы, но это вовсе не повод игнорировать и принижать его несомненные научные заслуги или сводить их лишь к тому, что он прославлял силы крестьянской стихии и пытался найти в программе (?!) восстания Разина борьбу за «казацкий коммунизм»⁹⁶. Пришло время воздать должное Н. Н. Фирсову как одному из первопроходцев в области социальной психологии. Вскоре после издания его книги тогдашняя критика обратила внимание на интерес историка к психологии масс, их социальному поведению, проблемам соотношения индивидуального и общественного сознания и положительно отозвалась о построенных им психологических характеристиках⁹⁷. Бунтарство, по Фирсову, являлось взрывом покоя, нарушением привычного уклада жизни. Но в то же время бунтарство, в его понимании,— это нечто исконно русское, слепое, наивно забубенное, обнажающее свою диковатую «азиатскую» праматерь. Отнюдь не сторонясь общественных борений, бушующих в России 1900-х гг., Н. Н. Фирсов обращается к кровотокающим проблемам расколотости сознания, душевной смятенности русского крестьянина прошлых столетий, постоянно держит в поле зрения связь времен⁹⁸. По его мнению, темный мужик, от божьего смирения подавшийся к разинскому бунту, не более грешен, чем его барин, допустивший, что «в коллективной душе народа» создается «то смутное, безысходно гнетущее состояние, охваченные коим люди вообще не могут ручаться за свои поступки».

Обратившись к изучению разинского восстания, Фирсов четко выяснил его географические рамки, охарактеризовал не только социальные низы тогдашнего русского общества, но и широкие слои национальных меньшинств. Разумеется, определенный задел в этом плане уже был, но не подкрепленный столь богатым и убедительным конкретным материалом, который обобщил и сконцентрировал Н. Н. Фирсов.

Автора буквально завораживает былинный размах личности С. Т. Разина. Он называет его одним «из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на ее поверхность». Однако, характеризуя роль С. Т. Разина в событиях 1667—1671 гг., Н. Н. Фирсов явно утрачивает чувство меры. Так, он приписывает повстанческому вождю такие запредельные свойства, как магнетизм и проч., что якобы позволяло ему оказывать могущественное и неотвратимое влияние на толпу. В нее вселялся «разинский дух», который войдя в «коллективную психологию народа», продолжает проявляться и много лет спустя и представляет собой неотъемлемую составную часть «разиновщины». Под последним понятием автор, по его словам, имеет в виду не только «известный исторический факт, но и определенный комплекс чувств и стремлений, вызываемый живущими в народе воспоминаниями о знаменитом вожде „голи кабацкой“».

Но был и иной лик бунтарства, лишеного слепой, а потому и наивной народной стихийности, — бунтарства, пронизанного жесткой волей, неумолимой рациональной направленностью переустройства жизни на казацких уравнилельных началах. Это уже страшило и пуще всего возмущало Фирсова, так как абсолютно не отвечало его политическим идеалам мелкого буржуа и было, с его точки зрения, грубым нарушением неведомого человеку, неподвластного ему тока бытия⁹⁹. Фирсов с тревогой пишет о том, что «разиновщина» была направлена не только против бояр и дворян, но и против всех имущих людей, против частной собственности. Исходившую от повстанцев угрозу частной собственности он объявляет «социалистическим началом». Вообще же сочинения Н. Н. Фирсова во многом эклектичны. Скажем, либерально-народническая трактовка уживается у него с оценками в официально-охранительном духе.

Трудно, конечно, объять всю огромную дореволюционную литературу, посвященную разинскому восстанию. Одна только «библиография ее занимает несколько десятков страниц и включает не менее четырехсот названий. Причем, как бы методологически несовместимы ни были досоветская и советская историография, все же перечеркивать и умалять значение более чем трехвекового изучения разинской темы неправомечно. Тем не менее в работе И. В. Степанова мы сталкиваемся именно с такой

несправедливой оценкой. «Трактовка восстания дворянско-буржуазной историографией, — пишет он, — общая концепция понимания его, далекая от исторической природы и искажающая ее, не содержали ничего положительного, подлинно научного, достойного последования советскими историками»¹⁰⁰.

Дворянские и буржуазные историки, по мнению И. В. Степанова, не видели в восстании Разина «выражения классовой революционной борьбы крестьянства...»¹⁰¹. Так-то оно так. Но насколько уместно предъявлять авторам, жившим и творившим по преимуществу в середине XIX — начале XX в., те методологические требования, которым они в силу исторических условий никак не могли отвечать? Ведь это, примерно, так же нелепо, как корить человека каменного века в том, что он не пользуется железными орудиями. К тому же в дооктябрьскую эпоху весьма точные и рациональные оценки по поводу народных движений были высказаны не только представителями социалистической мысли. Мало того, в трактовке последних нередко возобладали затуманенные романтическими иллюзиями и народническим умилением воззрения (кстати, как должное воспринятые советской историографией).

И еще. Марксизм провозгласил, что человек есть мера всех вещей. Однако в нашей истории исторической науки так сложилось, что, пристально вглядываясь в развитие теории, тех или иных концепций, мы подчас теряем из виду «ментальные» аспекты драмы людей и идей и тем, конечно, очень обедняем историографическое исследование. Ведь склад мышления, стиль жизни, установки, характерные качества ученых людей отнюдь не нейтральны по отношению к их творчеству. И знание всего этого, вне всякого сомнения, существенно обогатит историографический поиск, позволит лучше понять мир идей того или иного автора, поможет обнаружить в его научном наследии новые неожиданные грани.

Думается, советская историческая наука со временем восполнит пробелы в этой области.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Крестьянские войны — одна из первых крупных тем советской историографии. Эта тема устойчиво оставалась центральной и по мере становления и развития исторической науки в СССР, что вполне закономерно, поскольку классовая борьба как важнейший фактор исторического прогресса — постоянно в поле зрения советских исследователей. Проблемы крестьянских войн были предметом специального обсуждения на совещаниях 1933 и 1963 гг. в Ленинграде и на рабочей встрече историков в Москве в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1980 г. Им были посвящены широкие дискуссии в научной периодике, по этому кругу вопросов существует обширная литература.

Концепция крестьянских войн начинает складываться в первые годы Советской власти под воздействием идей Маркса, Энгельса, Ленина. Классики марксизма-ленинизма раскрыли тесную взаимосвязь проявлений классовой борьбы с существующими экономическими условиями, создали и развили теорию о роли классовой борьбы, посвятив ей специальные труды и отдельные разделы ряда работ. Особо важное значение среди них для изучения народных движений прошлого имеет книга Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», в которой приведена расстановка классовых сил и дан анализ происхождения, характера и поражения крупнейшего противокрепостнического восстания XVI в. в Западной Европе¹.

К. Маркс, как уже отмечалось выше, ознакомившись по книге Н. И. Костомарова с историей разинского выступления, составил рабочий конспект, где выделил некоторые авторские мысли и высказывания и куда внес собственные соображения и пометки по ходу чтения. Его внимание привлекли следующие моменты: царствование Алексея

Михайловича — время побегов и шатаний; бедственное положение народа связано с тяжелыми военными обстоятельствами России, с плачевным состоянием государственных финансов, усугублявшими крепостнический нажим на массы; в результате усиления социального гнета широкий размах приобрели побег податного населения. За беглецами в продолжение двадцати лет (1648—1668) происходила настоящая охота².

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях, органически соединенное с классовым анализом исторического процесса, стало принципиально новой методологической основой для изучения классовой борьбы во всех ее формах и проявлениях в различные периоды истории. Прежние теории, отмечал В. И. Ленин, «не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни *масс* и изменения этих условий»³.

Останавливаясь на народных движениях минувших веков, В. И. Ленин указывал, что они «проходят через всю историю существования классового общества». «...Вы все знаете, — говорил он, — в лекции „О государстве“, — примеры подобных многократных восстаний... и в России»⁴.

В соответствии с марксистскими методологическими положениями движение под предводительством С. Т. Разина уже в 20-х годах рассматривалось как один из кульминационных моментов социального протеста народных масс России⁵. Вышедшие тогда работы составляют довольно внушительный перечень⁶, однако далеко не во всех из них основной движущей силой таких крупнейших восстаний, как разинское и пугачевское, признавалось крестьянство, далеко не всегда сами эти восстания квалифицировались как крестьянские войны, а в качестве их предпосылок указывалось на усиление феодально-крепостнического гнета.

При обращении к ранней советской историографии крестьянских войн бросается в глаза то обстоятельство, что целый ряд сюжетов поначалу был заимствован из досоветской историографии. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в период трудного и длительного перехода на новые идейно-теоретические позиции в нарождающуюся советскую историческую науку пришло немало ученых старой школы, с другой — своего рода методологической перелицовкой сочинений буржуазных историков, которая преобладала над собственно исследовательской работой. Правда, уже в начале 30-х годов научное переосмысление событий стало, как правило, сопровождаться выявлением новых источников, что, в свою очередь, имело следствием введение в научный обиход массы ранее неизвестных фактов, построение на основе обнаруженных материалов свежих, оригинальных, подчас неожиданных концепций и гипотез, многие из которых были ошибочны, несостоятельны, откровенно беспомощны, но при всем при том свидетельствовали о живом, настойчивом поиске, о беспокойном биении научной мысли. Характерно, что набор проблем, которые тогда поднимались историками, отличается большим разнообразием, чем в последующие годы, вплоть до 50-х включительно.

Во многих трудах 20 — первой половины 30-х годов воспроизводились типичные подходы дореволюционной науки. Так, Н. А. Рожков писал, что Разин и другие предводители крестьянских войн «желали возврата назад, к тем временам и порядкам отношений, которые существовали в казачестве раньше, и даже возврата к порядкам Киевской Руси с ее примитивными формами хозяйства — охотой и рыболовством, несовершенным скотоводством». Н. Ростов и В. Михайлов изображали С. Т. Разина примерно в той же манере и теми же красками, что и Н. И. Костомаров. В литературе тех лет встречалось немало фактических ошибок и неточностей. К примеру, в книге Е. Ф. Грекулова неверно утверждалось, что Разин стоял под Смоленском; Б. Н. Тихомиров неоправданно относил к городам, перешедшим к восставшим, Острогжск и Рыбное, не подозревая, что под этими названиями выступает один и тот же населенный пункт; Н. К. Лугина сообщала о помиловании властями после казни С. Т. Разина его брата и сподвижника Фрола и т. д. Нередко в тогдашних работах допускалась модернизация

событий: народные движения XVII—XVIII вв. именовались революциями, повстанцы — красными, каратели — белыми и т. д. Еще не был изжит старый лексикон, и термины «разинщина», «пугачевщина» и тому подобные клише, равно как и пренебрежительное именование вождей движений «Стенькой», «Васькой», «Мишкой», широко употреблялись в публикациях тех лет⁷.

Конечно, на историографии того времени лежит сильный отпечаток эпохи с ее революционной романтикой, идеологическим максимализмом и классовой бескомпромиссностью. Крайний модернизм в трактовке прошлого нашел проявление в теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского и его последователей, в тенденции предельно революционизировать историю и, разумеется, историю России, — в первую очередь.

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. было недвусмысленно сказано о том, как надо толковать, преподавать историю и как относиться к ней. Но декларировалось одно, а насаждалось другое. На словах осуждались схематизм, социологизм, вульгаризация в изучении истории. На деле приметами времени надолго стали догматизм, схоластика, неподвижность оценок, раз навсегда очерченный круг рассматриваемых вопросов, рассуждения в границах одних и тех же цитат из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, а еще чаще Сталина. Метод М. Н. Покровского был во всеуслышание заклеямен как порочный и лженаучный. Появилось новое ругательное слово — «покровщина».

Издержки и передержки известных положений работ М. Н. Покровского и его последователей очевидны, и приклеено столько ярлыков, высказано столько обвинений во всяких отступлениях от научной истины, политических грехах и извращениях марксизма, что уже не осталось места для обыкновенной, взвешенной критики. В ту пору, когда набирал силу сталинизм, вместо критики было принято публичное шельмование, вместо полемики — травля. Ученые привыкли говорить и писать не языком академических рецензий, а языком собраний и митингов тех лет. Против лиц, имеющих взгляды, отличные от официальной точки зрения, выдвигались самые невероятные и фантастические обвинения, как это было, например, с С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле, А. А. Кизеветтером, С. В. Бахрушиным, В. И. Пичетой, Ю. В. Готье и др. Поэтому сегодня требуется пересмотр и переоценка научного наследия того времени. Пора отказаться при характеристике работ советских историков 20—30-х годов от практики оперировать политическими штампами и клише сталинской эпохи, как это сделано, к примеру, в «Очерках истории исторической науки в СССР» по поводу талантливого, хотя и не избежавшего определенных теоретических ошибок, исследователя С. И. Тхоржевского. Вряд ли правомерно вслед за М. Мартыновым, опубликовавшим свой отзыв о трудах С. И. Тхоржевского в 1930 г., т. е. в начале «охоты на ведьм», утверждать, что «...построения Тхоржевского зачастую были чужды марксизму», и при этом преспокойно ссылаться на того же Мартынова⁸.

Между тем, если вести речь о разинском восстании, то наибольший вклад в его изучение в те годы наряду с Б. Н. Тихомировым и С. Г. Томсинским, несомненно, принадлежит именно С. И. Тхоржевскому. Его работы отличает высокая научная культура, глубина мысли, энергичное расширение круга рассматриваемых вопросов. Конечно, автор не избежал свойственного тем временам упрощенно-социологического подхода, но он присущ ему в гораздо меньшей мере, чем тому же С. Г. Томсинскому, до крайности преувеличивавшему буржуазность в развитии России XVII в.⁹

Разумеется, труды С. И. Тхоржевского далеко не безупречны, но допущенная им вульгаризация явно неадекватна той уничтожающей критике, которая прозвучала в его адрес со стороны С. Пионтковского, Б. Тихомирова или того же М. Мартынова¹⁰. Правда, справедливости ради нужно сказать, что были тогда и положительные отзывы¹¹, но не они, к сожалению, делали погоду, не они стали определяющими.

В работах С. И. Тхоржевского немало спорного. К примеру, в книге «Стенька Разин»¹² он отказывает возглавлявшим восстание донским казакам в освободительной миссии на том основании, что они, по его словам, были рабовладельцами: вели торговлю захваченными ими в плен людьми на невольничьих рынках. Здесь С. И. Тхоржевского смутило то, что не смущало, скажем, автора знаменитой «Утопии» Томаса Мора. В придуманном им идеальном и справедливейшем государстве все грязные и трудоемкие работы, как известно, исполняли рабы.

Историографию крестьянской войны в России последней трети XVII в. невозможно представить себе без талантливых работ Б. Н. Тихомирова — безвременно погибшего брата виднейшего советского историка академика М. Н. Тихомирова. Разинское движение было одним из основных направлений его исследования¹³. Он занимался проблемами источниковедения и историографии этой темы, дал очень динамичную и интересную картину событий 1667—1671 гг., пытался вскрыть основные противоречия в ходе борьбы, установить соотношение стихийного и сознательного в действиях повстанцев, соразмерить лозунги разинцев с возможностью их реализации, подробно изложил ход восстания на Слободской Украине и т. д.¹⁴. Увлеченность теорией «торгового капитализма» М. Н. Покровского, участником семинара которого в Комакадемии он был, конечно, не могла не наложить отпечаток на труды Б. Н. Тихомирова, но при всех его заблуждениях ему тем не менее удалось вывести изучение второй крестьянской войны в России на новый уровень и существенно углубить ее научное понимание.

На фоне репрессий и идеологического террора, грязных и разнузданных кампаний по разоблачению очередного мнимого агента мировой буржуазии постановление 1934 г., много лет считавшееся поворотным в развитии исторической науки и именно в таком плане освещавшееся в историографии¹⁵, представляется не менее формальным и догматическим документом, чем сталинская конституция. Но, хотя курс гражданской истории и подгонялся под историю ВКП(б), а преподавание истории было политизировано и утилизировано до предела, если не до абсурда, после постановления партии и правительства 1934 г. наблюдается заметное оживление исторических исследований, открываются истфаки, выходят монографии, часть из которых и сегодня далеко не во всем морально устарела. Но таких, увы, меньшинство.

Отличительная черта литературы о разинском восстании 30-х годов — преобладание научно-популярных работ, изданий и брошюр для массового читателя. К их числу можно отнести книги Н. М. Дружинина, Е. В. Георгиевской-Дружининой, М. В. Нечкиной, З. И. Михайловичевой¹⁶. Проявлением народной борьбы на местах посвящены исследования Д. Е. Кравцова, Г. С. Губайдуллина и др.¹⁷. Как правило, они основаны на свежих архивных находках и содержат немало новых данных. Так, Д. Е. Кравцов значительно расширяет круг сведений о вспышках социального протеста на Украине накануне крестьянской войны, проливает свет на взаимоотношения С. Т. Разина и гетмана П. Дорошенко, на совместные действия донских и запорожских казаков. Он даже приходит к выводу, что трудно определить, где следует искать начало разинского движения и его застрельщиков — на Дону или в Запорожской Сечи, поставляет этот вопрос открытым¹⁸.

Ощутимую лепту в изучение второй крестьянской войны внес М. Н. Сменцовский — крупный знаток литературы по этому вопросу. Им осуществлен поистине подвижнический труд: собраны воедино все известные на то время названия (всего, свыше 500), в которых прямо или косвенно освещаются, затрагиваются или даже просто упоминаются в заслуживающем внимания контексте события 1667—1671 гг.¹⁹. Составленная М. Н. Сменцовским по разинской теме аннотированная *библиография* — это внушительный свод сведений не только о книгах, статьях, очерках. Он включает в себя любые отклики на восстание вплоть до мелких газетных заметок и отдельных произведений литературы и искусства, отображающих дни повстанческой вольницы. Указатель Сменцовского ни в малой мере не утратил своего значения и стал сегодня

необходимейшим путеводителем для всех, кто решил всерьез углубиться в изучение второй крестьянской войны в России.

Усилия советских историков наверняка увенчались бы еще более плодотворными результатами, если бы на историческую науку не обрушились столь страшные удары, что и само ее существование казалось весьма проблематично. В 30-х годах еще острее и резче, чем в 20-х, дают о себе знать категоричность и нетерпимость к иному, кроме официального, санкционированного сверху, мнению, все чаще и чаще их тональность приобретает зловеший обличительно-разоблачительный оттенок, и постепенно место научных споров заступает огульное охаивание, критика ради критики²⁰. Отпечаток этого подхода лежит и на материалах уже упоминавшегося совещания 1933 г. по вопросу о крестьянских войнах²¹.

В 40—50-х годах эти пагубные тенденции получили дальнейшее развитие и, конечно, не могли не оказать сдерживающего влияния на научную мысль. Тем не менее работы о второй крестьянской войне А. А. Новосельского, Н. С. Чаева, К. И. Стецюк, В. Дидиченко, А. И. Юхта, А. Н. Гулиева и др. продвинули изучение данной темы вперед: внимательнее были исследованы истоки и предвестники восстания; категории крестьян, посадского и прочего угнетенного и эксплуатируемого люда, поднявшегося на борьбу; социальные устремления восставших, связи и взаимовлияния между различными очагами движения и т. п.²².

В 1956 г. после решений XX съезда жесткий идеологический контроль за деятельностью историков значительно ослаб, границы их творчества расширились. Однако довольно скоро этот импульс пошел на спад, короткая оттепель закончилась, и крепкая административно-бюрократическая узда вновь сковала историческую науку. В годы застоя, как и во время сталинщины, для историков существовала некая черта, негласный предел дозволенности, выходить за который было противопоказано. И хотя историки-«феодалы» оказались в несравненно лучшем положении, чем их коллеги, занимающиеся советским периодом, им тоже приходилось решать свои научные проблемы в строгом соответствии с директивными положениями и указаниями сверху и обходить стороной целый ряд «нежелательных» вопросов и тем. Правда, для историографии феодальной эпохи менее характерен облегченный тип работ, где авторы, предельно упрощая свою задачу и технологию их подготовки, прежде всего ориентировались на решения партийных съездов, пленумов, постановлений, подбирали подходящие цитаты классиков марксизма-ленинизма и руководителей партии и правительства. «Доперестроечные» труды по отечественной истории феодальной эпохи, в том числе по крестьянским войнам, скорее грешат иным: иллюстративностью, неразмышляющей описательностью, количественными, но не качественными обобщениями.

Однако ошибается тот, кто будет искать в этой науке только прорехи, провалы и недостатки, даже если станет списывать их за счет времени. Да, время ущемляло ученых и подчас очень сильно. Да, им многое не позволялось. Но все равно то хорошее и важное, что было сделано вчера, сегодня было бы несправедливо сбрасывать со счетов. А сделано было много. Достаточно сказать о сформировавшейся тогда солидной советской школе, результатам работы которой явились и сейчас не утратившие своей ценности исследования, школе, подготовившей целую плеяду ученых, полных желания показать в нашем давнем прошлом наиболее существенное, осевое, сокровенное.

К числу тех узловых проблем, которые изучены нашей наукой с большой глубиной, полнотой и широким охватом, как раз и относится история классово-феодальной борьбы в феодальной России.

Однако несмотря на традиционную нацеленность нашей историографии на проблематику крестьянских движений, в том числе — XVII—XVIII вв., на обширный массив существующих трудов эта проблематика далеко не исчерпана. В ее рамках правомерно выделить ряд спорных и нерешенных вопросов, оттенить в истории

крестьянских войн те моменты, которые выпали из сферы внимания исследователей или оказались на их периферии, ибо считались в достаточной степени, а то и полностью разработанными или же второстепенными.

К сожалению, ряд тем (отчасти и по классовой борьбе крестьянства), изучение которых вполне могло быть продолжено и принести хорошие результаты, было скомкано и свернуто. Это произошло в силу разных причин. Одна из них — тенденция закрыть тему после защиты по ней диссертации или выпуска книги или даже статьи; другая — авторитетные публикации рапортующего характера, где решительно подводилась черта под еще далеко не законченными работами, тогда как позади был всего лишь один, пусть и важный, их этап. Так, В. В. Мавродин после издания первого и одной части второго тома труда И. В. Степанова «Крестьянская война в России в 1670—1671 гг.»²³ и выхода в свет коллективной работы «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.» с отдельной главой о разинском движении и другой его датировкой²⁴ пришел к выводу о наличии итогового монографического исследования об этой крестьянской войне²⁵. Но уважаемый автор, возможно, из лучших побуждений несколько поспешил и выдал желаемое за действительное. На деле обобщающей работы, где были бы подытожены и сведены воедино результаты многолетних исследований советских ученых по разинской теме, до сих пор нет. Ею могла бы стать упомянутая книга И. В. Степанова, но она так и не была завершена в связи со смертью автора, причем большая и основная часть событий крестьянской войны, а именно период с 1670 по 1671 г. так и остался не рассмотренным. Приходится констатировать, что крестьянская война под предводительством С. Т. Разина — единственная на сегодняшний день не стала предметом фундаментального научного труда. И это достойно сожаления. Ведь даже булавинскому восстанию, которое, кстати, далеко не все историки квалифицируют как крестьянскую войну, посвящена солидная монография²⁶.

Между тем крестьянская война под предводительством С. Т. Разина вовсе не обделена вниманием историков. И опубликованными источниками, не говоря уж об архивных, обеспечена более чем достаточно.

Что же помешало появлению капитальной работы, где суммировались бы результаты изучения разинского движения?

По-видимому, сказалось стереотипное представление о том, что это уже давно сделано. И действительно, литература по истории второй крестьянской войны чрезвычайно обширна. Это книги и статьи по ее отдельным проблемам, исследования хода событий 1667—1671 гг. в том или ином регионе. И без того внушительная библиография восстания С. Т. Разина существенно пополнилась в конце 70-х — 80-е годы. Правда, по мнению Е. И. Индовой и А. А. Преображенского, которые приводят в своей совместной статье периодизацию советской историографии классовой борьбы в феодальной России, последний отрезок изучения крестьянских движений XVII—XVIII вв. приходится на 60—70-е годы²⁷. Если бы статья появилась в позапрошлом десятилетии, тогда позиция авторов была бы еще понятна, но ведь она напечатана в середине 80-х годов! Разве в это время в нашей науке угас интерес к классовым битвам прошлого? Разве прекратились исследования в этом направлении? Ведь и сам по себе выход в свет указанной статьи в 1984 г. уже выводит изучение народных движений за рамки 70-х годов. Стоит вспомнить и то, что начало 80-х ознаменовано диссертационным исследованием Р. В. Овчинникова на соискание ученой степени доктора наук, выходом в свет не бесспорного, но безусловно интересного коллективного труда «Эволюция феодализма в России» (кстати, один из ее авторов — А. А. Преображенский), монографии А. П. Пронштейна и Н. А. Мининкова о роли донских казаков в крестьянских войнах в России, работ Л. В. Милова, П. Г. Рындзюнского и др.²⁸. Последующие же публикации второй половины 80-х годов, посвященные проблемам классовой борьбы в России в XVII—XVIII вв., убеждают в том, что поле деятельности историков на этом поприще, сфера их профессиональных интересов даже заметно расширились²⁹.

Но хотя изучение выступлений народных масс в феодальной России отмечено обращением к новым вопросам, стремлением к нетрадиционным подходам, преодолению шаблонов и понятийных анахронизмов, общие и частные выводы и положения, касающиеся крестьянских войн, по-прежнему ждут своего теоретического закрепления и развития. Без этого наши знания о борьбе крестьянства в феодальной России будут неполными. Не получится системного анализа проблемы как целого.

Имеет смысл обозначить основные научные рубежи, к которым пришла к 90-м годам XX в. историография крестьянских войн в России, назвать наиболее важные производные этой большой темы, выделить ключевые направления ее исследования на перспективу.

Если провести даже беглую, поверхностную инвентаризацию историографии крестьянских войн, то станет заметно, что, несмотря на довольно-таки большую хронологическую амплитуду, трактовка событий и оценочная часть ранней и современной советской историографии проблемы в ряде позиций почти адекватны и незыблемы, как будто историко-материалистическое понимание, лежащее в основе нашего научного познания, не допускает эвристических подходов, множественности вариантов в освещении тех или иных фактов и явлений.

Примечательна и характерная для советской историографии народных движений прошлого цикличность: сегодня на повестке дня снова стоят те же вопросы, которые горячо обсуждались, скажем, в 20—30-х годах. К примеру, нередко встречающаяся в нашей литературе последних лет точка зрения, что объективная функция крестьянских войн — толчок к капиталистическому пути развития³⁰, 60—70 лет назад присутствовала в работах С. Пионтковского, С. Г. Томсинского, С. Симонова и др.³¹. Так, С. Г. Томсинский назвал крестьянские движения «повивальной бабкой» новой капиталистической общественной формации³². Эти взгляды и тогда, и сейчас нашли своих оппонентов, которые считают, что реалии, свойственные докапиталистическому обществу, не следует смешивать с теми, которые присущи капитализму, и что тип классовой борьбы глубинно обусловлен формой экономического развития общества³³.

На состоявшемся в начале 1988 г. в редакции журнала «Вопросы истории» заседании «круглого стола» было отмечено, что современные историки усугубили недостатки выработанной в 30-х годах концепции многими положениями конкретно-исторического плана, не выдерживаемыми научной критики. В частности, Н. И. Павленко, сам невольно впадая в полемический стиль 30-х годов, высказался в том смысле, что сюжеты о классовой борьбе и крестьянских войнах можно назвать спекулятивными³⁴. Конкретизируя свою точку зрения, он вновь возвращается к не раз уже остро обсуждавшемуся вопросу о том, были или не были выступления крестьянства XVII—XVIII вв. антифеодальными³⁵. Сомнение вполне правомерное. Ведь если крестьянские войны происходили в рамках феодального уклада и не приводили к его разрушению, значит, более правильно по сути определять их как антикрепостнические, а не антифеодальные движения.

Начатый еще на заре советской историографии спор о социальной природе крестьянских войн, их роли, месте и исторических последствиях сейчас непременно должен быть продолжен, но в иной плоскости, на более конструктивной и теоретической основе и в тесной увязке с проблемами генезиса капитализма в России, которые, как известно, в нашей исторической науке также решаются по-разному. Если именно эти вопросы Е. И. Индова и А. А. Преображенский относят к числу многих дискуссионных, которые «с выходом в свет новейших исследований, естественно, отпали»³⁶, то с подобным утверждением весьма трудно согласиться.

И вообще, ведя речь о крестьянских войнах, следует иметь в виду, что это один из тех вопросов, которые далеко выходят за историографические рамки и представляют первостепенный интерес в политическом и методологическом плане.

Но при недостаточной научной разработке проблемы, отказе от сложившихся стереотипов и клише, затяжном столкновении различных, иногда диаметрально противоположных точек зрения здесь предстоит проделать еще очень многое. И не только историкам. Необходимо научное сотрудничество историков, правоведов, философов, экономистов, создание интеграционных междисциплинарных системных исследований.

Нельзя не признать, что историки СССР пока заняли в основном выжидательную позицию в развернувшейся дискуссии востоковедов о типологизации средневековых общественных систем³⁷. Между тем в интересах дальнейшего продвижения отечественной историографии вперед важно определить свое отношение к выдвинутым положениям и гипотезам.

Это повлечет за собой ряд кардинальных изменений в трактовке целого комплекса проблем, в том числе и в понимании вопросов истории крестьянских войн.

В последнее время при изучении народных движений в России XVII—XVIII вв. наметилась тенденция делать упор не на то, вела ли борьба крестьян к подрыву феодально-крепостнического строя и смене формаций, как это было принято в советской историографии предшествующих лет, а на то, какие сдвиги происходили в результате восстаний на протяжении всего длительного периода эволюции феодализма³⁸. Прав П. Г. Рындзюнский, считая, что массовые крестьянские выступления той поры не могли выйти за внутрiformационные пределы, и еще более прав, подчеркивая значимость возможных перемен в строе старой формации³⁹. Близкой точки зрения придерживаются и другие авторы. Так, В. Г. Хорос утверждает, что крестьянские войны, хотя и носили антифеодальный характер, не меняли существующих докапиталистических структур⁴⁰.

Подобные мнения, в какой бы осторожной и робкой форме они ни высказывались, пожалуй, можно расценивать как попытку выволить историю России из прокрустова ложа крайне упрощенного, сложившегося при сталинизме подхода к проблеме формационной характеристики сословно-классовых обществ. Возобладание этой вульгарно-социологической схемы, превращение ее в результате многократных повторений в стереотип мышления, в некую аксиому, с одной стороны, привело к искажению Марксовой теории общественных формаций, а с другой — к фетишизации последней, к подгонке к ней, игнорируя диалектику, всего многообразия исторического процесса, к манипулированию соответствующими цитатами вместо творческого подхода к наследию классиков марксизма.

В таких условиях, естественно, не получал должного осмысления и раскрытия феномен феодализма в России. В первую очередь исследовались категории и объекты экономического порядка, тогда как воздействие политико-правовой надстройки на существующие производственные отношения рассматривалось по минимуму. Между тем для феодализма в России свойственны заметная самостоятельность развития надстройки и ее активное обратное влияние на базисные отношения, придание им известного своеобразия и даже в какой-то мере выстраивание их по своему образу и подобию.

Разобраться в формационной специфике российского общества XVII—XVIII, как, впрочем, и других веков, будет далеко не просто, поскольку речь идет не о совершенствовании методики источниковедения и культуры научной работы, а о повороте в теории, методологии исторического исследования. Разумеется, параллельно видоизменится и уточнится понимание многих проблем и одной из первых — проблемы классовой борьбы.

Это не значит, что историки-марксисты откажутся от главных принципов подхода к проблеме и перестанут видеть в крестьянских выступлениях, в какой бы форме они ни протекали, проявление классового антагонизма между крестьянами и феодалами, закономерный результат экономического и социально-политического развития феодального общества.

Итоги теоретической разработки проблем крестьянских войн в России подведены в уже упоминавшейся монографии авторского коллектива во главе с И. И. Смирновым и в сборнике статей под редакцией Л. В. Черепнина⁴¹.

Достижения советской исторической науки в изучении крестьянских движений бесспорны: проанализированы причины и предпосылки крестьянских войн, раскрыты их особенности, показан ход событий в различных районах страны, освещена идеология повстанцев, уточнены хронология и география крестьянских войн, уделено внимание внешнеполитическому аспекту восстаний, углублены представления об устройстве управления в захваченных повстанцами областях, рассмотрены общие вопросы крестьянских войн, даны социально-психологические портреты и выявлены процессы формирования личностей повстанческих вождей⁴². Все эти исследования, безусловно, являются серьезным вкладом в изучение проблемы и составляют золотой фонд советской историографии крестьянских войн.

Заметных успехов достигла и историография второй крестьянской войны. Трудно объять множество публикаций, посвященных этому событию, но о некоторых из них просто нельзя не упомянуть.

Это прежде всего капитальное, сопровождаемое квалифицированно составленными комментариями и научным аппаратом четырехтомное издание документов о разинском движении, подготовленное архивистом Е. А. Швецовою и ставшее делом всей ее жизни, а также два выпуска свидетельств иностранцев о восстании С. Т. Разина, опубликованные под редакцией А. Г. Манькова⁴³. Оба эти корпуса источников послужили прекрасным фундаментом для последующего углубленного изучения темы. Они позволили полнее, чем раньше, проследить зарождение и развитие крестьянской войны⁴⁴, ее ход в городах и районах страны, показать действия отдельных отрядов во главе с местными руководителями⁴⁵, широким планом раскрыть идеологию и цели повстанцев, определить особенности и общие черты второй крестьянской войны по сравнению с другими мощнейшими проявлениями антикрепостнической борьбы в России⁴⁶, остановиться на личности С. Т. Разина⁴⁷ и т. д.

Особенно большое и последовательное внимание изучению событий 1667—1671 гг. уделили историки И. В. Степанов, В. И. Лебедев, А. Г. Маньков, В. И. Буганов, Е. В. Чистякова, А. П. Пронштейн, А. Н. Сахаров.

Перу И. В. Степанова принадлежит более десяти работ, посвященных различным аспектам разинского восстания. Работу по этой теме он начал до выхода в свет подготовленного Е. А. Швецовою сборника документов. Ему удалось обнаружить новые источники, объединить и систематизировать архивные материалы в городах Поволжья. Он обстоятельно изучал причины и предпосылки крестьянской войны, ее наиболее крупные сражения⁴⁸. Им развернуто исследован ход народной борьбы в Среднем Поволжье (этот район он обоснованно считал главным на театре военных действий)⁴⁹. Весьма убедительна характеристика И. В. Степановым движущих сил восстания, анализ соотношения доли крестьянства и казачества⁵⁰. Интересны его суждения о С. Т. Разине как повстанческом предводителе, а также мысли о наиболее общих вопросах крестьянской войны⁵¹.

Цикл названных статей, очерков плюс научно-популярная брошюра о разинском восстании⁵² стали серьезной заявкой на углубленное, целенаправленное исследование этой темы. Крупным шагом вперед в этом направлении была защита И. В. Степановым докторской диссертации. Венцом его работы над историей второй крестьянской войны в России должна была бы стать трех- или четырехтомная монография, но жизнь его оборвалась, прежде чем он успел реализовать свой замысел. Увидели свет лишь две начальные книги задуманного им монументального издания⁵³, в которых сделан подробный источниковедческий и историографический обзор, приведены социально-экономические предпосылки восстания, показана напряженная обстановка на Дону в 50—60-х годах XVII в., на основе новейших данных изложена история похода разинцев на

побережье Каспия. По мнению И. В. Степанова, события 1667—1669 гг., с которых некоторые историки ведут начало крестьянской войны, «не могут быть подведены под это понятие, так как тогда не было еще повстанческого войска, а без его наличия не могло быть и указанной войны»⁵⁴. Хронологические рамки разинского движения он твердо и однозначно очерчивает 1670—1671 гг., решительно возражая против всякой другой периодизации. Не менее настойчиво И. В. Степанов рассматривает борьбу восставших крестьян как фактор, ускоряющий переход к буржуазным общественным отношениям⁵⁵.

Неоднократно обращался к разинской теме известный советский историк В. И. Лебедев. Он написал большую статью о крестьянской войне третьей четверти XVII в. для второго издания Большой Советской Энциклопедии⁵⁶, опубликовал основанную на архивных находках и вышедшую двумя изданиями книгу⁵⁷. Благодаря насыщенности новым фактическим материалом эта работа, несмотря на целый ряд ошибок, неточностей и спорных моментов, представляет немалый интерес. Она очень характерна для исторической науки того времени, когда все крестьянские войны безоговорочно объявлялись антифеодальными, а неудачи восставших связывали с их политической незрелостью, недостаточной силой и организованностью, чтобы сокрушить власть русских царей, стоявших во главе централизованного государства. Все эти соображения широко присутствуют на страницах лебедевской работы⁵⁸. Не избавлена она и от модернизации событий, от таких явных переборков, как наделение «персидского» похода чертами революционного движения и т. п.⁵⁹. В. И. Лебедев — один из тех, кто видел прогрессивное значение крестьянских войн в том, что они наносили сильные удары по феодальному строю, сокращали сроки его существования, расшатывали феодально-крепостнические устои⁶⁰. В этом он сходится с И. В. Степановым, хотя во многом другом (например, в периодизации, в характеристике социального состава разинцев и т. д.) оба историка стоят на разных позициях.

Сегодня целый ряд положений, высказанных в трудах И. В. Степанова и В. И. Лебедева, вызывают сомнения. Но нужно отдавать себе отчет и в том, что без этих и им подобных работ с их жестким схематизмом, раскладкой на социально-экономические компоненты и прочими атрибутами тогдашнего научного письма был бы невозможен очередной виток в развитии советской историографии. В тех конкретных условиях общественной жизни она неизбежно должна была пройти через это, переболеть излишней идеологизацией и политизацией.

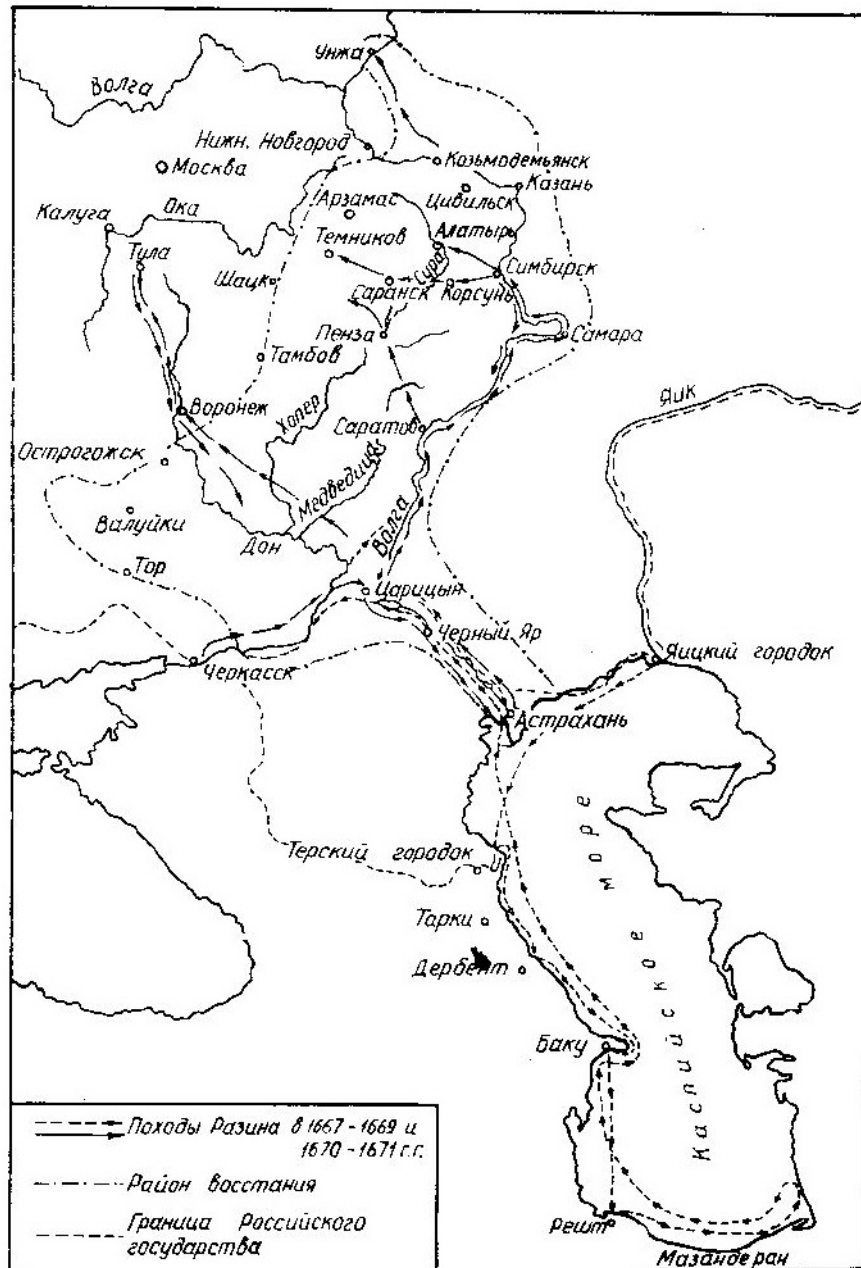
Видную роль в разработке проблем истории второй крестьянской войны в России сыграл А. Г. Маньков. Помимо поиска, систематизации и публикации свидетельств иностранцев о восстании Разина и зарубежных откликов «а него, ему принадлежат исследования правового положения крестьян и городского населения после принятия Соборного Уложения 1649 г., т. е. как раз в тот период, когда назревали события 1667—1671 гг.»⁶¹. Одновременно А. Г. Маньков — автор большого раздела о разинском восстании в коллективной монографии о крестьянских войнах в России, а также интересной статьи, в которой он характеризует механизм единого военно-политического руководства, вносящего известные элементы организованности в крестьянское движение⁶². По мнению А. Г. Манькова, борьба народных масс была направлена против феодально-крепостнической системы в общегосударственном масштабе, однако, борясь против феодальной собственности на землю и ее представителей—феодалов за более справедливый социальный строй, они представляли его по образцу существующих общественных отношений⁶³.

Вот уже более двадцати лет изучением второй крестьянской войны в России занимаются известные советские историки В. И. Буганов и Е. В. Чистякова. В соавторстве и каждый по отдельности они обратились к ряду важных вопросов темы. Ими предложена иная оценка каспийского похода Степана Разина, освещавшегося ранее в духе старой историографии и сводившегося к добыче «зипунов»; уточнена территория второй крестьянской войны, показан конкретный географический ареал распространения

движения: от Дона, Северного Кавказа, Северного Прикаспия до Подмосковья и лесного Заволжья⁶⁴.

Диапазон научных интересов В. И. Буганова в связи с событиями 1667—1671 гг. чрезвычайно широк. Он выясняет роль и место разинского выступления в ряду других классовых битв феодальной эпохи, всесторонне изучает «прелестные» письма повстанцев как памятник общественной мысли, уделяет внимание военному искусству разинцев, их стратегии и тактике, неоднократно обращается к притягательной личности предводителя крестьянской войны⁶⁵.

Е. В. Чистякову, помимо самого С. Т. Разина, привлекают видный повстанческий атаман Василий Ус, а также отважная Алена-старица — бывшая монахиня, возглавившая в период восстания один из крестьянских отрядов. К этим фигурам историк возвращается в своем научном творчестве вновь и вновь, всякий раз обогащая их характеристики, дополняя, сведения о них новыми фактами⁶⁶.

Карта основного района крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина

Е. В. Чистяковой восстановлена одна из самых ярких и драматических страниц второй крестьянской войны — дни разинской вольницы в Астрахани, когда в течение

полтора лет в городе существовали порядки народного самоуправления, высшим органом власти стали круги — общие сходки всех жителей, а в промежутках между ними руководство всеми делами было сосредоточено в руках избранных народом атаманов⁶⁷. Значительно восполнен Е. В. Чистяковой (совместно с В. М. Соловьевым) и ход разинского восстания в Мордовии, где большая этническая и социальная пестрота участников движения придавала заметное своеобразие характеру народной борьбы⁶⁸. Интереснейший материал собран Е. В. Чистяковой о волнениях и отголосках крестьянской войны в 60—70-х годах XVII в. в ближнем и дальнем Подмоскowie и в самой столице. Весомый вклад внесен ею и в изучение ранней историографической традиции: сказаний и повестей, появившихся вскоре после подавления восстания и отразивших его в той или иной форме⁶⁹.

Главный предмет исследования профессора А. Г. Пронштейна — история донского края и в связи с этим — участие местного казачества в крупнейших народных движениях прошлого⁷⁰. Вместе с тем А. П. Пронштейн — также автор общетеоретических работ, посвященных крестьянским войнам⁷¹. Уровень его научных публикаций неизменно высок, а их тематика актуальна. Это не значит, что они — вне критики. К примеру, подчас трудно согласиться с тем чрезмерным акцентом, который, ведя речь о разинском или пугачевском восстании, делает историк на казацкий элемент. Насколько оправдан этот крен? Думается, при неизменно высоком влиянии донцов на развитие антикрепостнической борьбы в XVII—XVIII вв., при том, что они были мощной пружиной, толкавшей народные массы на эту борьбу, следует все же воздержаться от переоценки их роли в крестьянских войнах, не оспаривая в то же время особую» активность казачества и его боевые преимущества перед крестьянами.

Классовая борьба российского крестьянства в XVII в., и разинское выступление в том числе, вот уже длительное время — одна из тем исследований историка А. Н. Сахарова⁷². Его заслуга — создание самой полной и значительной на сегодняшний день научной биографии С. Т. Разина, со страниц которой вождь крестьянской войны предстает в масштабе и динамике своего времени⁷³. Достойна отдельного упоминания и обстоятельная статья А. Н. Сахарова о том, как и почему С. Т. Разин-из рядовых станичников выдвинулся сначала в казацкие «головщики», потом в атаманы и наконец в повстанческие предводители⁷⁴. Прделав большую работу по изучению событий крестьянской войны и выявлению роли в них Степана Разина, А. Н. Сахаров вместе с тем далеко не считает исследования в этом направлении исчерпанными. «...Еще предстоит много сделать,— пишет он,— для воссоздания облика героического вождя во всей его полноте, драматизме, во всех социально-исторических и социально-психологических связях»⁷⁵. Нелишне отметить, что сегодня эта задача представляется куда более выполнимой, чем тогда, когда она ставилась, ибо ныне ее реализация более не ограничена и не усечена в своих возможностях, искусственно не сужен интеллектуальный и духовный кругозор исследователей, как это было на протяжении нескольких десятилетий.

Таким образом, перед сегодняшними историками открывается широкий простор, тем более что в связи с изучением народных движений сложился целый комплекс вопросов, большая часть которых не нова, но то освещение, которое они получили в прошлом, уже не представляется достаточно объективным и научно оправданным: некоторые же из них ранее оставались в стороне или затрагивались поверхностно, мимоходом. Это, к примеру, вопросы о числе крестьянских войн в России и их периодизации, о компромиссах в ходе борьбы, о фатальной обреченности крестьянских выступлений, о религиозном факторе движений, об их конечных целях, о специфике российских крестьянских войн и др.

Как известно, первоначально в советской историографии признавалось четыре крестьянских войны: под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина и Е. И. Пугачева. Впрочем, даже не жаловавшие народные движения особым вниманием дореволюционные исследователи, и в частности крупнейший из них С. М.

Соловьев, не отделяли булавинское «возмущение» от разинского и пугачевского, считая их явлениями одного порядка⁷⁶.

Однако если в работах В. И. Лебедева, например вышедших в 1933 и 1934 гг., восстание Булавина названо крестьянской войной, причем одной из самых крупных, то в изданных спустя двадцать лет «Очерках истории СССР» тот же автор в тех же событиях склонен видеть всего лишь «казацко-крестьянское движение», оторванное от происходивших одновременно крестьянских выступлений в центральных районах России⁷⁷. По мнению В. В. Мавродина, эта метаморфоза вызвана известным высказыванием И. В. Сталина, который в беседе с немецким писателем Э. Людвигом назвал лишь три крестьянские войны, не упомянув восстание Булавина⁷⁸. В самом деле, при жизни И. В. Сталина его выступления воспринимались как последнее слово науки. Такова была общественно-политическая атмосфера тех лет, и об этом уже шла речь выше. Однако И. В. Сталин встречался с Э. Людвигом в 1931 г., а статья и книга В. И. Лебедева появились соответственно в 1933 и 1934 гг. Поэтому объяснять изменение взглядов историка только влиянием Сталина, вероятно, не совсем верно. Ведь В. И. Лебедев в соавторстве с Е. П. Подъяпольской в значительной степени пересмотрел свои прежние подходы и пришел к выводу, что и по движущим силам, и по устремлениям булавинское восстание было чисто казачьим⁷⁹. В вышедшей в 1967 г. популярной книге В. И. Лебедев также не отказался от своей точки зрения на события первого десятилетия XVIII в. как именно на восстание, а не на крестьянскую войну⁸⁰.

Движение Булавина начинает вновь трактоваться как крестьянская война в начале 60-х годов, а его хронологические рамки раздвигаются по 1709 г., тогда как раньше ограничивались 1707—1708 гг.⁸¹. На рубеже 60—70-х и в последующих годах восстание все чаще и настойчивее приравнивается к крестьянским войнам. И несмотря на то, что ряд историков до сих пор оспаривают эту точку зрения, именно она постепенно и прочно перекечевала в школьные и вузовские учебники, в справочную литературу и сделалась чуть ли не официальной.

Аналогичным образом под первой крестьянской войной стало пониматься не только восстание под предводительством И. Болотникова 1606—1607 гг., как раньше, а цепочка народных выступлений, начиная с восстания Хлопка и кончая вспышками вооруженного протеста крестьян подмосковных и других уездов в 1614—1615 гг.; под второй крестьянской войной — не только события 1670—1671 гг., но и первый поход отряда С. Т. Разина в 1667—1669 гг.⁸². В принципе такие точки зрения правомерны и находят поддержку, но порой они необоснованно подаются не в качестве научной гипотезы, а как вполне безусловные, устоявшиеся, единственно верные и не вызывающие сомнения истины.

Если придерживаться не безоговорочно принятого и не переставшего быть дискуссионным в советской историографии определения крестьянских войн как высшей формы борьбы народных масс, как гражданских войн эпохи феодализма, которые охватывают значительную территорию и вовлекают в движение все недовольные слои многонационального населения деревни и в меньшей мере города⁸³, то станет заметна тенденция некоторого подтягивания, приподнимания до крестьянских войн вполне обычных в феодальный период вооруженных выступлений крестьян.

Ставка в исторической науке на завышение таких проявлений классовой борьбы в какой-то мере сравнима с еще столь недавно безраздельно господствовавшими в нашем обществе культом вала, магией цифр, гонкой за количественными показателями, равнением на конъюнктуру, выполнением негласных установок. Стремление дать на-гора как можно больше крестьянских войн, как можно больше революционных ситуаций и т. п. стало тогда не только для отдельных авторов, но и для целых научных коллективов искаженно понимаемым делом профессиональной чести.

Так, в результате в общем-то произвольного наращивания и округления хронология первой крестьянской войны приблизилась к средней продолжительности внешних войн,

которые вела Россия в XVI—XVIII столетиях, уступая только Ливонской и Северной, длившимся более 20 лет.

Но это одна сторона медали. Другая — та, что грань между понятиями «крестьянская война» и «крестьянское восстание» оказалась размытой. Коль скоро первая и вторая крестьянские войны вобрали в себя как предшествующие, так и последующие выступления народных масс, а восстание К. Булавина преимущественно рассматривается в качестве третьей крестьянской войны, следовательно, с тем же успехом к крестьянским войнам при большом желании могли быть со временем так или иначе причислены движение В. Уса, Соловецкое восстание, волнения народов Поволжья в 1705—1711 гг. и целый ряд других народных выступлений той поры. Ведь начавшаяся на рубеже 50—60-х годов известная девальвация понятия «крестьянская война» не могла не привести к неизбежному смещению критериев, с помощью которых крупнейшие классовые битвы в России XVII—XVIII вв. были ранее квалифицированы как крестьянские войны.

Конечно, любая типология исторических событий и явлений условна. Вероятно, именно это и имел в виду Б. Ф. Поршнев, настаивая на том, что невозможно и не нужно проводить метафизическую границу между крестьянскими войнами и другими формами классовой борьбы крестьянства⁸⁴. Однако одно дело сам исторический процесс, сама история, которой дела нет до научных классификаций, а другое — системный анализ, который предполагает выделение при изучении тех или иных объектов их общего и особенного, а не нивелирование признаков. В этой связи уточнение терминологии и хронологии крестьянских войн представляется первостепенной задачей.

Один из спорных моментов в советской историографии крестьянских войн — вопрос о компромиссах. «Крестьянским войнам в России, — пишет В. В. Мавродин, — не свойственны ни переговоры восставших с феодалами по поводу форм и содержания уступок, «и компромиссы...»⁸⁵. Рядом историков эта точка зрения была принята, рядом — отвергнута, но обсуждение данного вопроса не выделилось в отдельный пункт, а велось в русле дискуссии о том, шла ли борьба крестьянства за смену одного варианта феодализма другим, более желательным для восставших, или за слом всей крепостнической системы⁸⁶. Из-за такой постановки вопроса тезис В. В. Мавродина о том, что одно из основных отличий крестьянских войн в России от их исторических аналогов в Западной Европе — тенденция последних к компромиссу, хотя и не оставался в стороне, так и не был ни подтвержден, ни подвергнут сомнению⁸⁷.

Однако факты свидетельствуют, что как на Западе, так и в России власть имущие и восставшие в целом ряде случаев вели или пытались вести диалог, выдвигая друг к другу конкретные требования, предусматривающие взаимные уступки. События каждый раз развивались по-разному, но, как правило, повстанцы становились жертвой собственной доверчивости и попадали в ловушку. Так было во время Жакерии с Гильомом Калем, который, поверив слову чести короля наваррского Карла Злого, сам отправился в лагерь противника в качестве парламентаря и был вероломно захвачен в плен, что во многом предопределило разгром обезглавленного восстания. Так было в период первой крестьянской войны в России, когда И. И. Болотников и «царевич Петр», после того как царь Василий Шуйский целовал крест, обещая, что при условии капитуляции Тулы всем осажденным будет сохранена жизнь, сдали город, но были схвачены и казнены. Та же участь в 1381 г. постигла английского бунтаря Уота Тайлера, который был смертельно ранен, согласившись на встречу с королем. Подобным образом поплатились жизнью в ноябре 1671 г. принявшие условия царских карателей защитники Астрахани — последнего оплота разинского движения.

Но восставшие далеко не всегда оказывались обманутыми. Степан Разин, к примеру, не столько сам шел на уступки властям, сколько заставлял их принимать выгодные ему условия, причем, добываясь своего, вел подчас отчаянный торг, пуская в ход и угрозы, и богатые подношения. Достаточно вспомнить, как его отряду, к которому примкнуло немало беглых людей, удалось беспрепятственно пройти из Астрахани на Дон,

сохранив значительную часть своей артиллерии. Предводитель крестьянской войны в Германии Томас Мюнцер и его ближайшие соратники твердо и решительно отменяли всякие попытки найти общий язык со своими противниками, тогда как вожаки местных крестьянских отрядов, напротив, прекращали сопротивление, поддавшись вражеской тактике переговоров. Не прочь был достичь компромисса с царскими властями Е. И. Пугачев. Во время осады Оренбурга он усиленно пытался установить взаимопонимание с местным губернатором генерал-поручиком И. А. Рейнсдорпом.

Отношения между двумя социально полярными лагерями, конечно же, заметно выступают за рамки закостенелых схем. Они гибки, подвижны, неоднозначны, как сложна и противоречива морфология любого исторического события. Диалектика крестьянских войн изучена пока недостаточно. Внутренние противоречия, присущие этим войнам, изменчивость и социальная множественность состава их движущих сил, столкновение разрушительного и созидательного начал, возможность перехода противоположностей друг в друга и т. д. исследованы лишь частично и в общих чертах. Бессмысленно уходить от этих вопросов, искусственно спрямляя траектории крестьянских войн, которые почему-то принято показывать как нечто правильное, стабильное, непрерывное, хотя для них характерны крайняя неравномерность, спады и подъемы, отливы и приливы, кризисы и крутые повороты...

Крестьянские войны — это походы за волей, но они же в грубой, примитивной и агрессивной форме повсеместно внедряли отношения, смысл которых — насильственное изъятие и дележ поровну имущества, денег и ценностей. Таким образом, крестьянские войны — это концентрация и брожение уравнилельного начала, торжество социальной уравнилельной энтропии.

Противодействуя крепостничеству, крестьянские войны в то же время были тесно переплетены со всеми сферами тогдашней социальной реальности, их развитие было обусловлено не только потребностями и побуждениями масс, свободолубивыми традициями народной жизни, но и феодальными институтами, политической и юридической надстройкой и соответствующими ей формами общественного сознания.

Что же в таком случае несли крестьянские войны на своих знаменах? Каков был бы их конечный результат?

При сакраментальном пристрастии нашей историографии к изъяснительному и повелительному наклонениям и при упорном (до недавнего времени) избегании сослагательного варианты успешного исхода крестьянских войн в России не моделировались. Точно так же, как чрезмерный упор на детерминизм в освещении событий мало-помалу перерастал в их предрешенность и не оставлял места для борьбы альтернатив. Не от того ли мысль о неизбежном поражении крестьянских движений в России стала чем-то вроде исторической аксиомы?

Но ведь бывало и так, что повстанцы одерживали верх! Тому есть примеры и из отечественной, и из зарубежной истории. Так, в Норвегии в результате восстания биркбейнеров («лапотников») (1184) король Магнус был убит, а руководитель восставших Сверрир занял его место на троне. Неоднократно одерживали верх народные движения в Китае: в 1368 г. сын крестьянина Чжу Юаньчжан повел свои отряды на Пекин, взял его и, объявив себя императором, основал новую династию. В 1644 г., во время крестьянской войны, Пекин был снова взят восставшими. А в середине XIX в. победоносное восстание тайпинов увенчалось даже созданием «Небесного государства благоденствия» с центром в Нанкине. В Афганистане всего 70 лет назад крупное восстание во главе с Бачаи Сакао («Сыном водоноса») завершилось провозглашением последнего падишахом под именем Хабибуллы.

Однако даже тогда, когда крестьянские войны побеждали, это не влекло за собой формационных преобразований. В одних случаях воцарение бывших повстанческих предводителей приносило перемены к лучшему в положении крестьянства, в других — наоборот, наступало его ухудшение. Тут многое зависело от социальных мотивов

движений и степени воплощения в жизнь первоначально объявленных намерений и обещаний.

К тому же далеко не всегда оказавшиеся наверху предводители восставших могли и хотели действовать в интересах низов (вспомним хотя бы возглавленное Б. Хмельницким мощное выступление украинских крестьян, закончившееся победой, но мало что изменившее в их социальном положении).

Крестьянские войны в России при многих сходных чертах с их аналогами на Западе все же трудно сопоставить с последними, хотя и нельзя сказать, что они — несоизмеримые величины. Феномен крестьянских войн в России состоял не только в их колоссальном размахе, в охвате огромной территории. Они на столько отличались от западно-европейских, на сколько русское понятие «воля» отличается от английского «liberty» — свобода.

Есть точка зрения, что российские крестьянские войны «напоминали... многочисленные крестьянские восстания китайского средневековья, которые даже в случае успеха сажали на трон „крестьянских царей“»⁸⁸.

Уже сам по себе допуск того, что и в России крестьянские войны все же могли одержать победу, заслуживает внимания, ибо альтернатива захвата власти, к примеру, разнищами или пугачевцами, думается, может рассматриваться как вполне основательная гипотеза. Ведь если бы основное войско С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, упредив царские рати, не сворачивая и не мешкая, пошло через земледельческие районы с крестьянским населением на Москву, они вполне могли бы победить. Но Разин потерял много времени на рейд к Астрахани и на осаду Симбирска, а Пугачев — под Оренбургом и Казанью. Не всегда путь следования восставших диктовался суровой необходимостью. Были моменты, когда направление движения во многом зависело от свободного выбора круга и воли повстанческих предводителей.

Итак, что бы было, одержи Разин или Пугачев победу? Вылилось бы это в грандиозное «показаченье» в масштабах всей страны? Ограничились бы преобразования отменой крепостничества или пошли дальше?

Всякие прогнозы тут, конечно, относительно, хотя, как уже отмечалось, известные шансы на успех у восставших были. Следовательно, моделирование возможных ситуаций не совсем лишено смысла.

Не исключено, что в случае победного исхода крестьянских войн начались бы резня и погромы, в результате которых класс феодалов был бы физически уничтожен. Романтизировать в этом плане народные движения прошлого не приходится. Идеалы гуманизма чужды той эпохе. На силу тогда отвечали силой, на жестокость — еще большей жестокостью. И тут неминуемо встает вопрос о жертвах крестьянских войн. Эта их сторона в советской историографии, пожалуй, чересчур приглушена. Подчеркивается, как правило, беспощадность карателей по отношению к восставшим, но террор и насилие последних нашли отражение в основном лишь в дореволюционной литературе. Оттенены те факты, когда повстанцы проявляют снисходительность к своим классовым врагам, избегают напрасных кровопролитий, но обойдены молчанием многочисленные случаи, когда они, напротив, устраивают неоправданные массовые казни и безудержные расправы.

Большой интерес представляет суждение Р. Г. Скрынникова, по мнению которого переход власти в результате народных восстаний в начале XVII в. в руки Г. Отрепьева «был единственный в русской истории случай, когда восставшие массы посадили на трон человека, возглавившего повстанческое движение и выступившего в роли „добротого царя“»⁸⁹.

Несмотря на то, что политика Г. Отрепьева носила откровенно продворянский характер, а в интересах масс им сделано смехотворно мало, «кратковременное правление Лжедмитрия,— как справедливо отмечает Р. Г. Скрынников,— не только не разрушило веру в „добротого царя“, но способствовало еще более широкому распространению в народе

утопических взглядов и надежд»⁹⁰. В то же время поход отрядов под предводительством И. И. Болотникова и осаду ими Москвы Р. Г. Скрынников на основе критического анализа источников не считает возможным рассматривать как крестьянскую войну⁹¹.

Заслуживает внимания то, что восставшее крестьянство до Пугачева не пыталось выдвинуть самозванца из своей среды. Человек, с которым молва связывала социальные иллюзии на освобождение от пут крепостничества и всяческие послабления, должен был и впрямь быть из государева рода. Это придавало бы особую весомость и законность его действиям и притязаниям, если бы он, проникшись лютыми бедами, заботами и чаяниями крестьянства, вздумал вернуть им былую свободу выхода (урочные лета) и восстановить попорченную якобы в результате боярских козней справедливость. Миф о «добром» царе во многом зародился от обратного: раз Юрьев день и другие старинные крестьянские льготы могли быть отобраны злой волей сверху, значит, они точно таким же путем могут быть возвращены, но уже радеющим за них и не слушающим лихих бояр самодержцем, т. е. «добрым» царем.

В советской историографии «наивный монархизм» не признается одной из специфических черт отечественной истории⁹². Как известно, тенденции к народоправству в подавляющем большинстве случаев уживались с характерным для крестьянских масс неистребимым монархизмом и в других странах. Тяготение к королевскому покровительству, стремление склонить монарха на свою сторону, действовать от его имени, видеть в нем помазанника божьего, защитника простого народа и врага знати было свойственно и для восстания Дольчино в Италии в 1304—1307 гг., и для Жакерии, и для крестьянских войн в России⁹³. Не было чисто российским феноменом и самозванчество. Другое дело, что нигде оно не достигало столь широких масштабов, как в России, где только на протяжении XVII в. по меньшей мере 23 человека заявляли о своих правах на престол, а в XVIII в. было не менее 44 самозванцев⁹⁴.

Долгое время крестьянские движения рассматривались в советской историографии, за редкими исключениями⁹⁵, вне сферы религиозной. Если в Европе аналогичные выступления так или иначе связывались с поисками новой веры, новой церкви, то России XVII—XVIII вв.— стране сугубо верующей, где на духовную жизнь народа самым непосредственным образом оказывали воздействие различные ереси, не говоря уже о расколе, в этом, как правило, отказывали. Утверждалось, в частности, что в крестьянских войнах в России религиозный момент не имел существенного значения⁹⁶. И, конечно, изучение крестьянских войн без религиозной подоплеки серьезно нарушало полноту картины, обедняло палитру народных умонастроений, искажало социальную психологию масс. Трудно не согласиться с П. Г. Рынзюнским, который пишет: «Несомненно, „требование“ к народному движению, чтобы оно было безрелигиозным, страдает крайней неисторичностью. Оно ведет к потере для нынешнего поколения людей больших идейных ценностей, созданных народом в прошлые времена»⁹⁷.

Постепенно, с выходом в свет работ К. В. Чистова, Н. Н. Покровского, А. И. Клибанова, В. С. Румянцевой положение в этом плане несколько выровнялось. Так, В. С. Румянцева, выясняя идеологические формы выражения социального протеста низших общественных слоев во второй половине XVII в., исходит, во-первых, из того, что «историческое сознание людей той эпохи было религиозным...», и, во-вторых, из того, что «исторически и не могло быть иначе»⁹⁸. Исследование В. С. Румянцевой позволило установить, что немало участников крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина были весьма далеки от благоговения перед великим государем. Более, того, у староверов, как это убедительно показывает автор, были широко распространены суждения об антихристовой сущности самодержавной власти, практика отказа молиться за царя, призывы к вооруженной борьбе с ним и его слугами⁹⁹. Все это нашло проявление и в Соловецком восстании 1668—1676 гг. Вообще в последней трети XVII столетия старая вера была в народе преобладающей, и официальная реформированная церковь долго, трудно и часто тщетно пыталась потеснить ее позиции.

На Дону также было много раскольников. Но вряд ли именно религиозный фактор выступал как главный и определяющий в том отношении, которое сложилось у казачества к царской особе. Начиная с Заруцкого с окружением и кончая Пугачевым и его соратниками не прослеживается не только пietetа к венценосцам, но, напротив, бросается в глаза тот факт, что крестьянские предводители оперируют именем государя по своему разумению, широко используя его как официальное прикрытие и надежное идейное обоснование народных движений. В конечном счете такое явление, как самозванчество, целиком проистекает из беспомощности политического сознания основной массы восставших, находившихся в плену монархических представлений. Казачьи атаманы, вышедшие из старообрядческой среды, были менее подвержены этим иллюзиям, что, однако, не мешало им учитывать их для привлечения на свою сторону возможно большего числа людей.

Вообще же «наивный монархизм» народных масс России даже в период абсолютизма был не столь безоговорочен, как это часто утверждают. Крестьяне были готовы поверить не во всякого объявившего себя царем авантюриста и проходимца. Тимофея Анкудинова, например, они отвергли. Они шли не за каким попало самозванцем, а лишь за «подходящим» с их точки зрения. И сообразно этому в своем извечном поиске «хорошего» царя они пытались приспособить под свои надежды и нужды то мнимого сына Грозного, то царевича Алексея Алексеевича, то императора Петра III.

Касаясь вопроса о надеждах крестьян на царя, П. Г. Рындзюнский напоминает мысль В. И. Ленина о том, что эта особенность крестьянского общественно-политического сознания относилась к кругу их «предрассудков», а не к их «рассудку»¹⁰⁰. «Забывается также, — пишет П. Г. Рындзюнский, — что вера в царя была преходяща, что были слои и группы в крестьянстве, которые не разделяли этой веры и, следовательно, она не была непременной спутницей крестьянского движения»¹⁰¹.

Крестьянские войны как в истории России, так и во всемирной истории не нечто типичное и обыденное. Это события экстраординарные, чрезвычайные, из ряда вон выходящие. Поэтому попытки подводить под крестьянские войны какие-то строго определенные цели, наполнять их не свойственными им социальными идеалами, что до последнего времени имеет место в советской исторической науке, влекут за собой смещение логических акцентов. Коль скоро крестьянские войны — это крайняя, запредельная форма народного протеста, могучий, но стихийный порыв доведенных до последней черты отчаяния масс, стало быть, несколько странно предполагать, что уже изначально восставшие ставили перед собой какие-то конечные задачи, руководствовались каким-то конкретным планом и выдвигали нечто вроде программы борьбы. Ведь крестьянские войны — это не организованные и заранее подготовленные тайным обществом или политической партией выступления! А в нашей науке в силу закостеневшей традиции к ним подходят зачастую именно с такими мерками.

Так же решается и вопрос о соотношении субъективного и объективного факторов в народных движениях, с полемической заостренностью поставленный П. Г. Рындзюнским и М. А. Рахматуллиным¹⁰². Их отклик на трехтомное издание книги о крестьянской войне 1773—1775 гг. под редакцией В. В. Мавродина вылился в большую, серьезную статью обобщающего характера, где подводились итоги изучения не только пугачевского восстания, но и давалась независимая оценка многолетним исследованиям советской историографией проблемы крестьянских войн в целом. В частности, отмечалось, что нечеткость анализа идейного содержания народного движения в плане выявления его объективной сущности характерна для целого ряда работ, посвященных классовой борьбе периода феодализма¹⁰³.

С другой стороны, как справедливо было отмечено в статье З. К. Янель, в советской исторической литературе стихийность крестьянских движений нередко ассоциируется и даже отождествляется лишь с необузданностью страстей, с анархией, с «разбойничеством» восстания. Стихийность в этом случае фиксируется в одном ряду с

негативными силами, разрушающими движение изнутри. Обращаясь к истории зарождения, нарастания мощи и накала крестьянских движений в России, З. К. Янель приходит к обоснованному выводу о том, что стихийность имманентна этим движениям от начала и до конца. «Стихиен,— пишет она,— не только механизм перерождения социального недовольства в социальное действие. Восстание нарастает до тех пор, пока стихия не исчерпает свои положительные ресурсы, пока она выступает преимущественно как фактор консолидации»¹⁰⁴. Не менее важно высказанное автором сомнение в том, что стихийность всегда негативна. Стремясь рассматривать это явление как строгое понятие исторической науки, З. К. Янель избегает останавливаться только на внешней стороне стихийности, равно как и отождествлять ее с социальным хаосом. Больше того, автор отмечает «в первую очередь такое качество стихийности, как способность к структурообразованию, известную не только по природным, но и по социально-экономическим процессам»¹⁰⁵. В этой связи представляется вполне правомерным выдвигание З. К. Янель в качестве задачи исследования изучение генезиса и природы той организованности, которая противостояла в период крестьянских войн стихии разбойничества, разгула, разнонаправленности интересов, личных волей, решений. Ведь как руководители движений, так и их рядовые участники не могли не задаваться вопросами о том, во имя чего они поднялись на борьбу, каков должен быть порядок вещей там, где покончено с воеводами и приказными, помещиками и мирскими богатеями. Но внятно ответить на эти вопросы они не могли, как не могли и осознанно сформулировать свои цели. Слова В. И. Ленина о том, что «крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой...»¹⁰⁶, как нельзя лучше передают внутренний облик участников классовых битв в феодальной России. Восставшие более полагались на свой здравый смысл, житейский опыт, практическую сметку, традиции народной жизни, религиозные представления и даже на знаменитое русское «авось», чем на какие-то определенные индивидуально или коллективно выношенные предварительные замыслы. Так называемые лозунги восставших, о цельности, последовательности, классовой направленности и социальной утопичности которых сказано очень много, ярко свидетельствуют о полном сумбуре, царившем в головах составителей «прелестных» писем, повстанческих грамот и воззваний к народу.

Для крестьянских войн характерно скорее отсутствие четких, определенных целей и установок борьбы, чем их наличие. Распыление сил на решение мелких сиюминутных задач, к тому же не всегда тактически оправданных, преобладало над более серьезными и глубинными стратегическими задачами. Целевые установки, выдвигавшиеся восставшими на повестку дня, были крайне противоречивы, причем сегодня они могли быть одни, а завтра уже другие. Грань между «за» и «против» в народной борьбе была очень подвижна, а образы врагов и друзей постоянно обновлялись и видоизменялись (к примеру, князь Львов и митрополит Иосиф в период разинского движения).

В крестьянских войнах находили мощный выход скованные путами крепостничества необъятные силы народа, его скапливающаяся десятилетиями социальная энергия, мятущаяся и рвущаяся наружу из тисков феодальных ограничений широкая народная душа. Крестьянская война — это вихрь крупных и мелких вооруженных выступлений, стычек, схваток, это бурное половодье народного гнева, прихотливо разлившееся по громадной территории и втянувшее в свои потоки и водовороты массу людей. Это непрерывные перепады в развитии событий, калейдоскопическое чередование успехов и неудач, побед и поражений.

Между тем в нашей историографии при изображении крестьянских войн присутствуют известная заданность хода борьбы, неоправданная тенденция придать ей упорядоченность, централизующее начало. Весьма спорным представляется тезис о сознательности и политическом кругозоре участников крестьянских войн, ибо речь идет все же не о профессиональных революционерах. Элементы организованности и дисциплины, отчасти присущие основному повстанческому войску, а главным образом его казачьему

ядру, широковещательно распространяют на движение в целом и т. д. При этом упускается из виду, что в период позднего феодализма очень распространенной формой протеста крестьян становится социальный разбой, который и ранее был вполне обычным явлением. В России, как и в Западной Европе, «в этот период действия разбойничьих отрядов, во-первых, особенно часто приобретают социально направленный характер — против крупных феодалов, монастырей, 104

государственных должностных лиц, богатых купцов и в защиту бедных и обездоленных; во-вторых, сами эти отряды не только состоят из „простых людей“, но часто возглавляются выходцами из крестьянской среды»¹⁰⁷.

«Не приведи господи увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»,— писал А. С. Пушкин. В этой хорошо известной оценке выпукло проявилась столь свойственная Пушкину историческая зоркость. Ведь какими бы на первый взгляд согласованными, слаженными, скоординированными ни были действия восставших, как бы ни пытались их предводители военизировать и сбить в единый могучий поток огромную человеческую массу, какие бы энергичные меры ни принимались, чтобы защищать и контролировать территорию повстанческой вольницы, поддерживать там порядок, черты слепого мятежа, как бы мы их ни приглаживали, все равно выпукло и зримо прорывались в крестьянских войнах. По известной мысли В. И. Ленина, «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости»¹⁰⁸. Причем стихийность крестьянских выступлений проявлялась не только в том, что они вспыхивали сами по себе, но и в том, что еще вчера малочисленные и подчиненные своим руководителям отряды сегодня вырастали в колоссальные людские лавины и становились практически неуправляемыми.

Конечно, это не значит, что крестьянские войны были бесцельными и бессмысленными. Думается, вполне можно согласиться с замечанием Б. Ф. Поршнева о том, что «устремления крестьян оказывались гораздо мельче, уже объективного содержания их классовой борьбы»¹⁰⁹. Ту же мысль развивает П. Г. Рындзюнский. «...Крестьянство,— пишет он,— непрерывно боролось не только за осуществление своих недостижимых и беспочвенных мечтаний, но, не сознавая этого,— за реально возможные преобразования, за расширение „круга своего освобождения“, означавшее активизацию общественного развития, хотя бы и в тех условиях, когда еще невозможно было крушение феодальной системы»¹¹⁰.

Разворот событий в период крестьянских войн в значительной мере был обусловлен движущими силами восставших. Состав участников движений изучен советскими историками довольно основательно. Однако исследователи обычно делали упор на социальную и национальную пестроту повстанческих рядов, не вдаваясь в характеристику отдельных категорий крестьянства или городского населения и слишком однообразно подходя к движению в разных регионах, словно все везде протекало одинаково независимо от географических, этнографических и других местных особенностей.

Тот факт, что в ходе крестьянских войн дружно и взаимосвязанно действовали русское и нерусское население страны, закладывались основы их совместного протеста против угнетателей, не исключает проблем и противоречий в сфере национальных отношений. Сегодня было бы неверно в теоретическом плане и опасно в практическом абсолютизировать связи народов в XVII—XVIII вв. Тем не менее пока лишь немногие авторы подобно В. Д. Назарову и М. А. Рахматуллину отказались от традиционного сглаживания углов в этом плане и признали, что включение в общую борьбу многочисленных народов России далеко не всегда происходило гладко и безболезненно¹¹¹.

В нашей историографии недостаточно внимания уделялось внутреннему миру поднявшихся на борьбу людей: их психологии и настроениям, складу ума и традиционной линии поведения.

Нередко упускалось из виду, что готовность к «бунту» у одного и того же человека уживалась с привычкой подчинения; стремление послужить «хорошему» царю сталкивалось с не менее сильным желанием сохранить верность царствующему самодержцу. Не случайно повстанческие предводители считали необходимым приводить всех, вставших на их сторону, к присяге: крестоцелование в пользу нового государя как бы освобождало от обязательств по отношению к старому.

Другой важный момент, который следует иметь в виду,— наличие среди повстанцев случайного элемента, который присоединился к движению, усматривая в нем широкую возможность безнаказанно «вволю погулять», пожить и похарчиться. Это могли быть бродяги, босяки, шаромыжники, разбойники с большой дороги, освобожденные тюремные сидельцы, в прошлом промышлявшие воровством и т. п. И, конечно, присутствие этой сомнительной прослойки не могло не оказывать пагубного влияния на и без того неустойчивую повстанческую массу, действовавшую вне основных отрядов.

Наконец, неверно наделять, как это сплошь и рядом практикуется в работах наших историков, всех участников крестьянских войн бойцовскими качествами, изображать разных по своему складу и характеру людей как однородную, усредненную героическую общность. Ведь среди них были не только мужественные и бесстрашные, но и робкие и нерешительные, сомневающиеся и придерживающиеся нехитрого житейского правила «как все — так и я». Ведь немало из них, до того как вспыхнул всенародный мятеж, покорно тянули свою лямку и, если бы не экстремальные обстоятельства,— продолжали бы это делать. В. И. Ленин отмечал, что раб, «сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам»¹¹². С теми или иными вариациями в крепостнической России, конечно, были все три выделенные В. И. Лениным типа личностей «рабов», которые проходят через всю историю классового человечества. К сожалению, этот вопрос пока не стал предметом специального рассмотрения в советской исторической науке.

Дальнейшее изучение крестьянских войн вообще предполагает обширный круг работ. Так, в названной статье П. Г. Рындзюнского и М. А. Рахматуллина указано на настоятельную потребность разработки целого ряда методологических проблем, связанных с изучением народных движений прошлого, а также и более частных моментов. К примеру, эти авторы выразили надежду, что будет предпринят равномерный анализ всех сосуществовавших на территории, охваченной той или иной крестьянской войной, общественных укладов и их взаимодействия¹¹³. Однако эта важная и интересная задача все еще не решается, о чем, конечно, приходится весьма сожалеть.

Предстоит осмыслить и исследовать глубокое своеобразие крестьянских войн в России исходя из уникальности, неповторимости отечественной истории¹¹⁴. Странно, что иные авторы, в целом отстаивая особый путь исторического развития России, отказывают в национально-самобытном характере крестьянским войнам. Так, Н. И. Павленко видит в них едва ли не самое убедительное доказательство отсталости страны, ибо они несли на себе, по его словам, печать средневековья¹¹⁵, и не соотносит их ни с отмеченными им же самим особенностями возникновения крепостного права, оформления абсолютизма, складывания сословий, необычной ролью государства, ни с размерами территории, климатом, плодородием почв, ни с отсутствием морских путей, надежно связывающих Россию с Западом. Между тем более позднее наступление эпохи крестьянских войн в России в немалой степени находится в прямой зависимости от географической среды. Б. Ф. Поршнев убедительно обосновывает эту точку зрения, показывая, что у российского крестьянства по сравнению с западно-европейским «...возможности ухода были неизмеримо больше и эксплуатация в связи с этим возрастала медленнее»¹¹⁶. Влияние

географического фактора на народные движения в феодальной России удачно прослежено и в работах других историков¹¹⁷.

Вместе с тем трудно не согласиться с мнением того же Н. И. Павленко, который отмечает, что «под пером иных историков крестьянские войны составляют предмет гордости»¹¹⁸. Пора, по-видимому, не углубляться в дальнейшую дискуссию о том, можно или нельзя считать крупнейшие выступления российских крестьян XVII—XVIII вв. той или иной разновидностью войн гражданских, а задуматься над тем, что в любом случае эти события — вовсе не тема для бездумного воспевания, а трагическая страница российской истории.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что наличие в советской историографии устоявшихся точек зрения на крестьянские войны не исключает постановки ряда спорных вопросов, и это не должно смущать. Главное, чтобы за разными подходами сохранились различные альтернативные варианты, отражающие живую историю, показывающие крестьянские войны как подвижные, подверженные изменениям явления.

Ныне высказываются сомнения по поводу того, можно ли считать восстание С. Разина крестьянской войной. А. Н. Сахаров, например, считает, что это было социальное движение, в котором богатые крестьяне боролись за право предпринимательской деятельности в рамках региона. Без сомнения, эта неожиданная точка зрения представляет большой интерес, заслуживает пристального внимания и найдет как последователей, так и оппонентов. Однако поскольку историк не пояснил и не аргументировал свою новую трактовку, она нуждается в уточнении и на данном этапе, безусловно, не исключает традиционного для нашей историографии взгляда на восстание С. Разина как на крестьянскую войну.

Новые подходы, спектр разнообразных взглядов на российские восстания XVII—XVIII вв. — это, несомненно, добрый знак и благоприятная предпосылка дальнейшего развития историографии проблемы. Потому что очень важным для формулирования научных позиций является отказ от унитарного мышления, от наивной веры в то, что возможна выработка какой-то единой трактовки крестьянских войн, которая, утвердившись в научной литературе, проводилась бы как единственно верная.

РАЗИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Сегодня мы с запозданием признаем, что советская историография долгое время развивалась в отрыве от поисков и находок западных коллег, в атмосфере искусственной конфронтации с наиболее интересными и авторитетными направлениями зарубежной исторической науки. И, конечно, такая изоляция шла в ущерб нашей историографии, ибо было заведомо известно, что из трудов носителей иного миропонимания, ничего, кроме ложных истин и враждебных доктрин, извлечь нельзя. То есть к работам западных историков был еще более пристрастный и настороженный подход, чем к сочинениям отечественных авторов XIX—XX вв., не разделявших воззрений предшественников российской социал-демократии или марксистских взглядов. По существу, наши представления о зарубежной историографии, как правило, исчерпывались ограниченным кругом работ, «апробированных» друзьями СССР.

Но, к счастью, то время позади. Сейчас можно с уверенностью говорить о преодолении былой изоляции от мировой исторической науки, о внимательном и заинтересованном отношении к появляющимся на Западе публикациям, касающимся нашей истории, в том числе и крестьянских движений в феодальной России¹. А интерес за рубежом к СССР, к ныне происходящим в нашей стране событиям, к ее далекому и близкому прошлому стремительно и неуклонно нарастает².

Вместе с тем, если говорить о разинском движении, то оно традиционно притягивало внимание зарубежных авторов. Подтверждением тому служит хотя бы тот

факт, что знаменитый мастер новеллы Проспер Мериме посвящает восстанию в России в последней трети XVII в. значительную часть своей выдержавшей несколько изданий книги «Казачьи былые времена»³. Конечно, сочинение П. Мериме — это во многом переложение известного труда Н. И. Костомарова, но французскому писателю не откажешь ни в самостоятельности наблюдений, ни в независимости суждений и оценок. Правда, нужно иметь в виду, что на разинскую тему он вышел главным образом в поисках экзотики и колоритного человеческого материала. То и другое в равной мере присуще его творчеству. Вспыхнувший в России мятеж Мериме склонен изображать как смесь резни, жестокой мести и кровавого разгула. Предводителя восстания он наделяет чертами классического злодея, считая, что фольклорная традиция окружила его незаслуженным ореолом, тогда как на деле под маской героя скрывалась личина бандита. В линии поведения, в устремлениях С. Т. Разина писатель усматривает нечто общее то с фракийским гладиатором Спартаксом, заставившим трепетать Рим, то с Юлием Цезарем, который, прежде чем попытаться захватить власть в центре, сначала попробовал свои силы в провинции.

Стараясь ничего не упустить, П. Мериме воспроизводит суеверные рассказы русских крестьян о том, что Разин — чернокнижник, благодаря чему обладает магической силой и бессмертием: исчезнув в 1671 г., он объявился вновь в 1773-м уже под именем Пугачева.

Рассуждая о природе казачества, о его месте в социальной структуре Российского государства, писатель склоняется к мысли, что это особый слой населения, одинаково глухо изолированный и от верхов, и от низов тогдашнего общества.

Чрезвычайно занимает П. Мериме яркий народный эпос о разинском восстании. Писатель с увлечением разбирает сохранившиеся предания и легенды, сравнивает их сюжетные линии с мотивами творений Гомера, с сербским поэтическим циклом о Марко и т. д.⁴

В связи с освещением истории разинского восстания на Западе будет несправедливо обойти молчанием небезызвестного К. Валишевского — польского историка и литератора, издавшего во Франции на французском языке в конце XIX — начале XX в. серию жизнеописаний русских царей и императоров. Занимательность изложения, внимание к частной жизни, изобилие бытовых, нередко пикантных подробностей сделали его работы весьма популярными. Перед ним были открыты архивы Петербурга и Вены, Парижа и Лондона. Почерпнув там массу сведений, он тем не менее не слишком утруждал себя ссылками на источники, да и не стремился не только к научным высотам, но даже и к простой проверке своих материалов. Откровенно работая на потребу широкой публики, сомнительный, но сенсационный факт он охотно предпочитал безусловной, но скучной истине. Все это так или иначе проявилось, например, в главе «Бунт Стеньки Разина» книги К. Валишевского «Первые Романовы»⁵. Кроме того, есть здесь просто неверные и весьма легковесные, ни на чем не основанные утверждения. Чего стоит, к примеру, безапелляционное высказывание К. Валишевского о том, что казацкое «правительство сорганизовалось специально для постоянной оргии и утопало в водке и крови!» В другом случае он без тени сомнения пишет, что первыми «казаками в России были Рюрик, Дир и Олег, указавшие дорогу в Константинополь будущим стяжателям богатой добычи»⁶. Если следовать подобной логике, то тогда пионерами казачества на Руси нужно признать антов-воинов, которые, как известно, совершали походы в Византию еще в VI в., но, по-видимому, этот факт был К. Валишевскому неизвестен.

Однако при целом ряде нонсенов и неточностей в упомянутой главе присутствуют замечания и характеристики, которые трудно оставить без внимания. Так, К. Валишевский рассматривает разинское восстание в одном ряду с народными движениями той эпохи, причем в разных странах⁷. Он, в частности, проводит параллели между событиями в России и во Франции, имея, вероятно, в виду (у него на этот счет сказано очень невнятно)

восстание «босоногих» в 1638—1639 гг., когда вся Нижняя Нормандия оказалась в руках инсургентов. Впрочем, вполне возможно, что К. Валишевский сравнивал крестьянскую войну под предводительством С. Т. Разина с Фрондой. Но не будем спешить уличать его в поисках неоправданных аналогий между двумя столь существенно отличающимися друг от друга явлениями. Тут важнее иное: осмысление истории России не в изоляции и не в отрыве от истории Европы и всемирно-исторического процесса, а в связи с ними.

Много общего находит К. Валишевский между походом С. Т. Разина и экспедицией Ермака. «Ермак со своими товарищами,— пишет он, сравнивая действия этих казачьих атаманов,— начал совершенно таким же образом покорение Сибири, с той только разницей, что те не встретили там правильно организованной власти...» Подмеченное К. Валишевским сходство действительно имело место, хотя он сопоставляет события 80-х годов XVI и 70-х годов XVII в. очень поверхностно, по чисто внешним признакам⁸. Однако вспомним, что в народных преданиях имена Разина и Ермака стоят рядом. Очевидно, сам того не подозревая, К. Валишевский вышел на очень интересный вопрос о переносе вольных казачьих общин с берегов Дона и Яика на обширные неосвоенные пространства. Советской историографии еще предстоит объяснить, почему Ермак, которому ничто не мешало учредить в Сибири порядок, отвечавший вековой мечте народа о воле, этого не сделал, а стал управлять именем царя, привел местное население к присяге на государево имя и обложил его ясаком и почему С. Т. Разину удалось сломать уже действующий механизм управления и заменить его традиционным казачьим — с кругом, выборами атаманов, равным дележом военной добычи (дуваном) и т. п.

К. Валишевскому справедливо ставят в вину чересчур свободное обращение с источниками и их вольную интерпретацию, но при этом нередко упускают, что одновременно ему присущ весьма критический подход к исходному материалу. Например, он подвергает сомнению сообщения иностранных хронистов о мотиве мести С. Т. Разина за своего казненного старшего брата Ивана. Недостоверным представляется К. Валишевскому и широко известная история с персидской княжней. Он считает, что тут явно преобладает фольклорное начало. По его мнению, эпизод с выброшенной Разиным за борт девой напоминает эпос о Садко⁹.

Действительно, в былинах про богатого новгородского купца есть два похожих сюжета: первый, когда Садко, плывя по Волге, отрезал великий сукрой хлеба, посылал его солью и опустил в воду со словами: «Спасибо тебе, матушка Волга! гулял я по тебе двенадцать лет — никакой скорби над собой не видывал»; и второй, когда плывший по синему морю корабль Садко вдруг остановился — и с места не двинется. Стали тогда бросать жребии, чтобы узнать, кто тому виной; пал жребий на самого хозяина. Признался Садко: «Бегаю,— говорит,— я по морю двенадцать лет, не платил я Царю Заморскому дани-пошлины, не опускал хлеба-соли в сине море Хвалынское!» Бросили корабельщики Садко в воду, и тотчас поплыл корабль своей дорогой. В данном случае ссылка К. Валишевского на устное народное творчество вполне оправданна: песенные сказания сохранили живое воспоминание о жертвенных приношениях морю и рекам. Как Садко чествовал хлебом-солью Волгу, так Илья Муромец — свою родную Оку, а любой русский человек после счастливого плавания считал своим долгом отблагодарить и задобрить реку или озеро хоть корочкой хлеба. Не отсюда ли восходит и давний обычай бросать в воду монету при прощании с морем?

Думается, прав К. Валишевский, разграничивая в свидетельстве Я. Стрейса о прекрасной полонянке литературное и историческое. Отделяя то, что Стенька Разин принес в дар Волге персидскую княжню, Валишевский готов допустить, что повстанческий атаман в самом деле мог убить свою пленницу, но, конечно, не при тех мелодраматических обстоятельствах, которые приведены в книге Я. Стрейса¹⁰. Согласно Валишевскому, прекрасная персиянка скорее всего в чем-то провинилась перед Разиным и он со свойственной ему непреклонностью предал ее смерти, точно так же, как однажды

приказал повесить за ноги женщину, виновную в прелюбодеянии, и утопить ее сообщника.

Об отношении К. Валишевского к предводителю крестьянской войны — разговор особый. Признавая Разина выдающейся фигурой и обаятельной личностью, польский историк в то же время отмечает, что как человек повстанческий атаман был гораздо мельче тех событий, во главе которых он оказался, хотя красивая и яркая народная легенда и создала вокруг него завидный ореол. С другой стороны, и сам С. Т. Разин, с точки зрения К. Валишевского, «слишком заблуждался в своих способностях, чтобы суметь сыграть ту роль, которую ему хотелось играть. У него не было для того никаких подходящих качеств: ни выдающегося ума, ни настоящего военного таланта, никакого даже сознания принятой на себя задачи. Воспитанный и выросший среди разбойников,— продолжает К. Валишевский,— он оставался разбойником. Пустив в ход для поднятия им вызванного движения все данные, которым он был обязан своими предшествовавшими успехами — храбрость, смелость, быстроту действий и верный глазомер,— он дал ему сначала могучий толчок, но не умел ни направить его, ни обеспечить ему дальнейшее развитие». К. Валишевский не скрывает своего резкого неприятия С. Т. Разина, подчеркивает его полную несостоятельность как предводителя крупнейшего восстания. Разин в его глазах — это прежде всего опасный авантюрист, «и вся его жизнь представляла из себя только кровавую оргию».

Отказывая С. Т. Разину в качествах большого лидера, К. Валишевский столь же невысокого мнения и о его полководческих способностях на том основании, что он был совершенно бессилён перед так называемым правильным боем¹¹.

Таким образом, К. Валишевский не только приписывает С. Т. Разину поистине роковую роль в событиях крестьянской войны, но и пытается даже низвести его до уровня банального и незадачливого разбойника. Однако противоречия своей собственной позиции, К. Валишевский в другом месте, в заключительной части главы, фактически сводит основной смысл народного движения в России на рубеже 60—70-х годов XVII в. именно к фигуре повстанческого предводителя. «Бунтом,— пишет он,— был сам Стенька Разин, престиж, связанный с его именем, слава его побед, соблазняющие слухи об его богатствах, притягательная сила добычи, которую он делил со своими товарищами, надежда на постоянные кутежи в его компании»¹². Это чрезмерно упрощенное понимание сущности восстания тем не менее в данном случае как раз свидетельствует о признании автором за С. Т. Разиным особого места в известных событиях.

В зарубежных справочно-энциклопедических изданиях как в прошлом, так и теперь нашли отражение далеко не все значительные имена и события российской истории. Но к Степану Разину и возглавленному им движению это явно не относится. Так, в знаменитом «Большом универсальном словаре XIX в.» (1865—1876) Пьера Ларусса история восстания изложена довольно-таки подробно¹³. События освещаются в основном в нейтральном тоне, однако проскальзывают все же осуждающие интонации. Отряды разинцев названы бандами, сделан упор на нападения повстанцев на торговые караваны и наиболее богатых людей, на захват и раздел их имущества и ценностей. Особо подчеркнут кровопролитный характер борьбы, большое число жертв. Масштабы движения несколько преувеличены. В частности, указано, что им были охвачены все уезды страны, что в ряды донских влились также уральские казаки и т. д. В последних «Ларуссах» характеристика восстания заметно смягчена, сам С. Т. Разин назван уже не разбойничьим главарем, а героем крестьянского выступления. Однако здесь же говорится и о поголовной резне, которой в это время якобы были подвергнуты все собственники¹⁴.

Примерно таково же освещение крестьянской войны и в других крупнейших современных энциклопедиях¹⁵. Как бы сжата ни была включенная в них информация о разинском движении, она тем не менее страдает мелкими неточностями и фактическими ошибками. В одних случаях смещена хронология событий — на 1671 г. они уже не распространяются; в других даны неверные сведения о географии восстания и т. д.

Определенное место разинское выступление занимает и в западной учебной литературе, в общеисторических курсах для школьников, студентов и массового читателя. Правда, в такого рода изданиях о народном движении в России в последней трети XVII в. сказано, как правило, лишь мимоходом¹⁶.

Впрочем, и в научном мире дружественных нам стран крупнейшие классовые битвы в России периода позднего феодализма нашли весьма вялое отражение, причем в этом вопросе наши коллеги в основном идут в кильватере у советской историографии¹⁷. Конкретно разинской теме уделено внимание лишь польским автором М. Вижеховским, которого отличают увлеченность и восторженное отношение к личности повстанческого предводителя. Как это ни парадоксально, но обилие фактов не обеспечивает полноты изложения им научно-исторического материала. Многое или вообще пропущено, или изложено слишком кратко, но для книжки популярного характера это в общем-то простительно¹⁸.

Заметным явлением в мировой историографии России XVII в. стал уже упоминавшийся труд известного датского ученого С. О. Кристенсена¹⁹. Это обширный источник историографических знаний, в котором сведены существующие в науке концепции как отдельных историографических проблем, так и целых их комплексов. Автором рассмотрена русская дореволюционная, советская и зарубежная литература по истории России XVII в. (всего примерно 800 названий). Значительное место он уделяет проблеме городских восстаний и крестьянских войн. Ей посвящена целая глава его книги²⁰.

«Социальные бури,— пишет он,— столь характерные для XVII и XVIII вв., с такими вехами, как восстания И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева, занимают в российской политической и социальной истории главенствующее положение»²¹. Кристенсен приводит десятки монографий, статей, публикаций источников, освещающих народные движения в феодальной России, и отмечает, что события эти со всей присущей им сложностью и неоднозначностью имеют немало истолкований. Конкретизируя эту мысль, он обозначает весьма широкий круг вопросов, нашедших отражение в научной литературе: «Степные казаки боролись с московским правительством, бедные казаки — с богатыми казаками, мелкое дворянство — с аристократией, национальные меньшинства — с русскими колонизаторами, старообрядцы — с новой верой, крепостные крестьяне — с помещиками, наконец, периферия — с центром»²².

Непривычны, а иногда и весьма спорны расставленные автором акценты. На это уже обратил внимание в предисловии к книге С. О. Кристенсена В. И. Буганов²³. Но, несмотря на уязвимость ряда положений и взглядов датского историка, его подходы привлекают новизной и свежестью. Показателен, к примеру, разбор им концепций отдельных историков с точки зрения выявления общей для представителей того или иного направления логики рассуждений. Не менее интересен анализ Кристенсеном научных дискуссий и споров, когда речь идет о соединении результатов труда историков, являющихся оппонентами. Противоположные толкования исследователей, как показывает Кристенсен, дополняют, но не исключают друг друга²⁴.

Что касается работ зарубежных историков, специально посвященных второй крестьянской войне в России, то их буквально единицы. Это, во-первых, очень высокого научного уровня источниковедческие статьи английского историка русского происхождения С. А. Коновалова и, во-вторых, книга другого английского автора Сесиль Фильд «Великий казак. Восстание Стеньки Разина против царя всей России Алексея Михайловича»²⁵. Профессор Оксфордского университета С. Коновалов хорошо известен плодотворными поисками и публикациями различных источников по истории России XVII столетия. Именно ему принадлежит заслуга по обнаружению в Стокгольмском государственном архиве рукописи с сообщением Л. Фабрициуса о разинском восстании и первоначальный разбор найденного памятника, а также находка, подготовка к печати и

выпуск в свет с прекрасным аналитическим комментарием «Краткой реляции» Л. Фабрициуса о его поездках в Персию через Россию в конце XVII в., письма Т. Хебдона Р. Даниелю, где идет речь о казни повстанческого предводителя (подробнее об этом см. с. 18—20), и других не менее важных и интересных свидетельств. Для С. Коновалова как ученого характерна тенденция жестко разделять внеличностный, выражающий определенную логическую структуру текст источника, во-первых, научную теорию с ее систематизированными способами осмысления материала, во-вторых, и свои собственные мотивации, свое частное, индивидуальное творчество, в-третьих. С. Коновалов проводит четкую грань между законченным вариантом научной работы в том виде, в каком она появляется в печати, и заготовками своей рабочей лаборатории, теми путями, исследования, которыми он идет. Предлагаемый им анализ исходных данных выдержан в рамках классической логики. Чем совершеннее и последовательнее проводится этот анализ, тем отчетливее выступает противопоставление структуры готового знания и процесса его получения, контекста обоснования и контекста открытия, личностной, субъективной деятельности ученого и объективного мира науки как института.

Совсем иного плана упомянутая книга С. Фильд. Она была издана в годы второй мировой войны, когда центр событий переместился на советско-германский фронт. Объясняя выбор темы, автор пишет: «Сейчас важно и крайне желательно понять русских. Для этого мы обращаемся к корням их истории».

В книге С. Фильд семь глав. Все они в основном построены на ненаучном материале, хотя, наряду с беллетристикой и бойко написанными популярными экскурсами в прошлое России, привлечены и самые солидные источники, и уникальные графические изображения, хранящиеся в библиотеке Британского музея.

В целом история восстания изложена С. Фильд достаточно подробно, но автор то и дело уходит от предмета, пускаясь в сравнительно длинные отступления, которые, очевидно, служат цели сообщить читателю возможно больший круг сведений о Древней Руси и России. Так, здесь рассказывается о крещении Руси, о воссоединении Украины с Россией, о русско-польских войнах, о походе Ермака в Сибирь, об экспедиции С. Дежнева, содержатся обширные извлечения из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя с описанием степи и т. д.

С особым увлечением и удовольствием углубляется автор в национальный фольклор, причем не только в тот, который непосредственно касается С. Т. Разина, но и в совершенно другие по тематике песни, предания, легенды. Текст книги обильно инкрустирован выдержками и образами из них. Порой автор даже смешивает сказочное и реальное, выдумку с подлинным эпизодом. Вообще критический подход никак не зачислишь в актив этой книги, а вот эмоционально-чувственное восприятие может быть отнесено туда с полным основанием.

С. Т. Разин в авторской подаче — полуразбойник, полупират и принадлежит к тому же ряду исторических фигур, что и Робин Гуд и Фрэнсис Дрейк²⁶.

В большинстве случаев С. Фильд ограничивается в своей работе лишь регистрацией фактов. Она не только не высказывает каких-либо научных идей и теорий, но даже и не задается подобной целью. Однако какой бы заниженной в научном отношении и откровенно описательной ни была ее книга, все же на сегодняшний день она остается единственным на Западе изданием, где наиболее полно дана картина разинского восстания.

В основном же в работах зарубежных авторов крестьянско-казацкие движения в России третьей четверти XVII в. «всплывают» в связи с какими-то смежными проблемами или в одном хронологическом блоке с вопросами совсем иного плана.

Прежде всего разинское восстание рассматривается в ряде трудов по истории крестьянства. В их числе — вышедшее в 1967 г. исследование французского историка Р. Мунье, где проводится интересное сравнение борьбы крестьян во Франции, России и Китае²⁷. Автор приходит к выводу, что основной причиной, вызвавшей во всех этих

странах в феодальную эпоху острые социальные конфликты, были все увеличивающиеся тяготы зависимого населения, и в первую очередь — крестьян. Однако последние, с его точки зрения, никогда не могли овладеть инициативой в восстаниях и поэтому пассивно шли за казаками. Тем не менее главной движущей силой рассматриваемых им выступлений он все же называет именно крестьян. Не случайно и употребление им самого термина «крестьянская война»²⁸. Народный протест, по мнению Р. Мунье, был направлен против всей крепостнической системы, требования масс не исчерпывались достижением каких-то отдельных уступок и послаблений со стороны власть имущих²⁹. По верному замечанию С. О. Кристенсена, давшего фундаментальный аналитический обзор историографии России XVII в., крестьянские восстания Р. Мунье считает скорее реакцией на политику государства с его централизацией, регламентацией, унификацией (т. е. ликвидацией традиционных прав), чем протестом против возраставших налогов и отработок. С. О. Кристенсен подметил и другой существенный момент в работе Р. Мунье: народные движения в гораздо большей степени были обусловлены социальной скованностью, чем классовым антагонизмом в собственном смысле этого понятия, ибо государство закрепило каждого члена общества на его месте в жесткой социальной системе, резко ограничивающей, а то и исключаящей свободную социальную мобильность. С. О. Кристенсен также подчеркивает следующую важную мысль, которую неоднократно проводит Р. Мунье: «борьба была направлена скорее против структуры данной социальной системы, чем против ее функций». Наконец, С. О. Кристенсен, весьма удачно синтезируя суждения французского историка, выделяет основную особенность его концепции: «Итак, в том объеме, в котором классовый антагонизм послужил причиной волнений, он был спровоцирован политическими акциями государства. И если Мунье может при этом утверждать, что главной причиной распространения революционного духа среди крестьянской части населения было крепостное право, то данный вывод должен, вероятно, означать, что ученый видит в крепостном праве результат деятельности государства, стоявшего над классовыми интересами — но не результат столкновения классовых противоречий и классовых интересов общества»³⁰.

Из других работ по истории крестьянства, где в той или иной степени затрагивается разинское движение, можно отметить книги П. Аврича, Дж. Блама, Ш. Тилли, М. Чернявского, коллективный труд «История крестьян» и др.

Американские историки П. Аврич, Дж. Блам и М. Чернявский много внимания уделяют социальной психологии восставших, предметно останавливаются на таком ярко проявившемся в период крестьянских движений в России феномене, как «наивный монархизм». Аврича интересуют также истоки, непосредственные импульсы массовых социальных выступлений, а Блам известен как автор сравнительно-исторического исследования, в котором он пытается выяснить, как и в результате чего на смену сословной пришла классовая структура общества³¹. Если Блам прослеживает, как пришел конец старому порядку в аграрной Европе, то другой американский историк Тилли показывает, насколько крушение этого старого строя вещей зависело от насильственных действий, т. е. вспышек массового возмущения и народных волнений. Тилли дает их оригинальную типологию, при построении которой учитывает социальную психологию и социальное поведение восставших³².

Серьезную сравнительно-историческую работу представляет собой коллективно написанная французскими учеными «История крестьян»³³. Предметом изучения здесь наряду с другими тематическими блоками становятся острые конфликты на почве ужесточения феодальной зависимости, причем не только в Западной Европе, но и в России. Авторы стремятся обнаружить ключевые точки сопряжения сходных моментов аграрной истории в разных странах, выявить специфику земельных отношений в них, проанализировать наиболее распространенные формы стихийного протеста народных низов. Признавая, что в России рост феодального землевладения, расширение и углубление феодальной эксплуатации, распространение ее на новые территории и категории

населения, законодательное оформление крепостного права и борьба со всем этим закабаляемого крестьянства протекали во многом иначе, чем в Западной Европе, авторы в то же время отмечают, что в этом своеобразии находит выражение всеобщность. Собранный в книге большой позитивный материал, предлагаемые в ней исторические реконструкции, освещение отношений между людьми, сословными группами, классами в социально-психологическом аспекте и т. д.— все это придает ее содержанию весомость, значительность, конструктивность.

Прямо или косвенно о российских крестьянских войнах идет речь в серии разных по тематике конкретно-исторических и структурно-аналитических работ. Так, французский историк Д. Экот рассматривает выступление С. Т. Разина в общем обзоре «Разбойники в России с XVII по XIX век: миф и реальность»³⁴. Тесное переплетение социального и криминального начал в действиях разинцев, по его мнению, весьма типично для крупнейших вспышек народного недовольства. В этом нашли проявление вполне обычные и наиболее распространенные черты разбойничества. В принципе, если бы не заблаговременная априорная привязка событий 1667—1670 гг. к числу наиболее внушительных и дерзких разбойно-пиратских акций, статья Д. Экота, несомненно, представила бы больший интерес, так как не была бы скована рамками предварительной авторской позиции и определенной предвзятостью. И тогда бы, очевидно, социальная направленность движения не отошла бы на задний план перед меркантильно-грабительскими и потребительски-чувственными мотивами, не оказалась бы смещенной ценностная иерархия событий, а разинское восстание не изображалось бы всего двумя красками — черной и белой, как это десятилетиями традиционно делалось, но сегодня это выглядит по меньшей мере узко и неново.

«Мятежи» — так называется глава о потрясших феодальную Россию народных движениях, в том числе разинском, в книге талантливой писательницы и историка Зинаиды Шаховской «Обыденная жизнь в Москве в XVII веке»³⁵. Княгиня З. Шаховская принадлежит к блестящей плеяде представителей первой волны российской эмиграции. Она давно стала видным деятелем культуры во Франции. Для советского же читателя ее произведения долгие годы были закрыты, но надо думать, что в ближайшее время они будут общедоступны и у нас. Разве не трагично, что мы лишились очень многих наших соотечественников, о которых сегодня ничего или почти ничего не знаем?! А знать необходимо. Единая культура, искусственно разорванная на две, требует воссоединения.

По мнению княгини З. Шаховской, возмущение Стеньки Разина, как и всякий другой бунт, деструктивно. Без особого нажима, нагнетания страстей и смакования ужасов она дает историческую зарисовку мятежа, во многом сводя его к личности самого повстанческого атамана. «Авантюра Разина,— пишет З. Шаховская,— это история разбойника, который сделался предводителем огромного народного выступления». В трактовке событий 1667—1670 гг. присутствует заметное упрощение: поход Разина вверх по Волге назван безумным маршем к царскому трону, вызванным манией величия и замешанным на крови многих людей. В Разине автор склонен видеть отчаянного игрока, смело поставившего на кон все и вся и саму жизнь тоже. Это и предопределяет его взлет и падение. Сначала судьба улыбается ему, но счастье и везение скоротечны, и вот неудача следует за неудачей, пока дело не кончается полным крахом. Итог закономерен, считает З. Шаховская, карта бита, игра сыграна не в пользу Разина. Приходит пора расплачиваться, и недавний баловень судьбы мужественно принимает лютую смерть на эшафоте. Решающее значение в поражении восстания З. Шаховская придает расколу донских казаков на две враждебные группировки: антиправительственную и проправительственную. Последняя численно преобладает и потому берет верх над первой.

В интерпретации событий для З. Шаховской характерна ориентация на свидетельства иностранных очевидцев, оказавшихся в 60—70-х годах XVII в. в России. Из историков в оценке восстания более всего чувствуется влияние С. М. Соловьева: воспринят, к примеру, его взгляд на казачество как на особый тип людей буйного и

беспокойного склада, которые не терпят никакого ограничения их свободы, презирают опасности и смерть — лишь бы прожить свой короткий век так, как им нравится³⁶.

Другой представитель российской эмиграции Анри Труайя, автор известной книги о Екатерине II, обращается к Разину, считая, что в 70-х годах XVIII в. «орда» Е. Пугачева повторила путь «бандита Стеньки», который поверг страну в террор на столетие раньше³⁷.

Из работ, написанных в жанре научной биографии, заслуживает быть отмеченной книга американского историка Дж. Фурмана «Царь Алексей, его царствование и его Россия»³⁸ с отдельной главой «Восстание на Дону», где охарактеризовано разинское движение. Сразу стоит оговориться, что предлагаемый Дж. Фурманом исторический портрет царя Алексея — это не сухая констатация фактов со скрупулезными ссылками на конкретные документы. С точки зрения научности это, может быть, и большой минус. Но автор обращается не только к «ratio» читателя, но и к его эмоциям. Портрет второго представителя династии Романовых, исторический фон, воссозданный автором, отличаются богатством красок, многогранностью, яркостью. Из текста Дж. Фурмана со всей очевидностью следует, что в его понимании исторические факты — это прежде всего факты психологические. Изложение и освещение им событий не похоже на бесстрастную фотографию. В этом видится неоспоримое достоинство его работы. Она явно не из числа тех трудов, о которых весьма точно отозвался известный французский ученый Марк Блок: «Читая иные книги по истории, можно подумать, что человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов»³⁹.

Дж. Фурман проявляет не столько аналитические, сколько синтетические способности исследователя охватить материал единым взглядом, учесть многообразные факторы культуры и данные различных наук — от лингвистики до этнографии. Его работа — это попытка понять и описать человека, царя, наделенного огромной властью, в истории, вжиться в эпоху. Мы не найдем здесь привычного изложения событий и явлений в хронологическом порядке, последовательности. Не найдем столь присущей историческим трудам наукообразности. Книга не содержит не только никаких сенсационных, но даже скромных открытий. В поле зрения Дж. Фурмана — социальное поведение российского монарха в самых разных, в том числе экстремальных, как разинское восстание, жизненных ситуациях. Автора в равной степени занимает, как овдовевший государь вступает в новый брак и как реагирует на вспыхнувший на Дону мятеж. Правда, С. Т. Разину Фурман уделяет все же сравнительно большое внимание, видя в нем своего рода исторического антипода московскому самодержцу и даже в какой-то мере его политического соперника. «Люди,— пишет он,— отчетливо видели, что с одной стороны стоял царь со своей знатью, чиновниками, торговцами, духовенством и войском, тогда как с другой стороны был Разин со множеством казаков, городской беднотой, эксплуатируемыми крестьянами, обнищавшими сельскими церковно-служителями, которые толпами стекались под его гостеприимный флаг»⁴⁰.

Некоторые западные авторы вообще склонны наделять С. Т. Разина чуть ли не чертами пророка, мессии, приписывать ему что-то вроде духовного магнетизма, изображать его как фанатичного поборника старообрядчества. Например, английский историк Ф. Лонгуорс в статье «Последнее великое казацко-крестьянское восстание» пристальное внимание уделяет религиозному фактору, считая его одной из основных причин народных волнений в России. Он утверждает даже, что для большей части населения борьба за свободу старой веры была одним из основных мотивов участия в восстаниях Разина и Пугачева. Интересно, что обоих повстанческих предводителей автор считает харизматическими лидерами, т. е. людьми, обладающими в глазах широкого круга приверженцев особыми качествами исключительности, сверхъестественности. Кроме того, по мысли Ф. Лонгуорса, повести массы за собой могли и лица, выдававшие себя за законных претендентов на престол. Эти рассуждения присутствуют также в работе Ф.

Лонгуорса о самозванчестве в России. Большое значение придается автором явлению «наивного монархизма», понимаемому как следствие идеализации царя, веры в сакральную природу государевой власти.

Удачный для восставших оборот событий Ф. Лонгуорс связывает с внешними конфликтами, которые предшествуют крестьянским выступлениям или сопровождают их: в период разинского движения — это русско-польская война 1654—1667 гг., во время пугачевского — русско-турецкая 1768—1774 гг. Важное условие успеха восстания в том или ином районе — это, как полагает автор, его победоносное начало. Тогда пламя борьбы перекидывается в соседние местности, зона действий стремительно расширяется. Если же дело сразу не заладилось, изменить ситуацию к лучшему почти никогда не удастся. Таким образом, заключает Ф. Лонгуорс, успех порождает успех, а неудача — неудачу⁴¹.

Несмотря на то что зарубежные авторы сравнительно мало касаются в своих трудах разинского восстания и в основном повторяют в связи с ним общие места, западная историография приоткрывает завесу над целым комплексом направлений дальнейшего исследования народных движений в феодальную эпоху. Прежде всего это историческая антропология — отрасль исторического знания, сосредоточивающаяся на всестороннем анализе человека в обществе. Во-вторых, это изучение ментальностей, явлений ментальной жизни масс, или, другими словами, умонастроения, умственного инструментария, психологического оснащения, присущих той или иной общественной структуре.

Но помимо обновления проблематики знакомство с западной историографией позволяет заимствовать весьма эффективные методы научной работы. Так, наши зарубежные коллеги применяют к изучению социальных и классовых конфликтов методы социологии, этнологии, социальной психологии, количественного анализа и др.⁴². Представляет интерес и метод просопографии, или коллективной биографии, который дает возможность путем машинной обработки получить важные показатели для последующей групповой характеристики. Так, расспросные речи участников второй крестьянской войны в России представляются благодарным материалом при использовании этого метода.

Для большинства серьезных немарксистских исследователей российской истории характерен широкий историографический кругозор, обращение к достижениям представителей различных тенденций исторической науки (включая советскую), выход за рамки предвзятых схем и привычных суждений, стремление к более адекватному восприятию реальных исторических процессов и явлений.

Конечно, западная историография крестьянских движений далеко не свободна от идеологических стереотипов, односторонних и противоречивых оценок, крайне условных и произвольных понятий.

Многое из того, что предлагает сегодня западная историческая наука, спорно и, вероятно, станет объектом острых дискуссий, многое свидетельствует о существенных пробелах в немарксистской историографии проблемы. Однако современный этап развития советской исторической науки настоятельно требует переосмысления устаревших подходов, политических и идеологических штампов и клише в изучении западной историографии и в особенности новейших работ, опубликованных во второй половине 70-х и в 80-х годах, когда не только усилился интерес к истории России, но и наметились качественные перемены в ее освещении.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСТОРИИ

Пожалуй, ни одно имя человека из столь далекой эпохи не овеяно такой народной любовью, не воспето в таких прекрасных песнях, не окружено такой многовековой славой, как имя Степана Разина.

Со времени возглавленного им движения минуло более трехсот лет. Конечно, с той поры и в мировой, и в отечественной истории произошло немало куда более крупных и значительных событий, чем вторая крестьянская война в России. Конечно, эхо того мощного взрыва народного гнева, который потряс страну во второй половине XVII в., уже отзвучало. Но мятежный образ Степана Разина и драматические подробности возглавленного им восстания и сегодня продолжают волновать воображение.

Различные поколения в зависимости от своего исторического сознания, эстетических вкусов по-разному воспринимали и воспринимают имя и дело Разина. И это естественно. Ведь у каждой эпохи свое бытие, свое отношение к истории, ее закономерностям и движущим силам, свои герои и антигерои. Чем глубже мы постигаем причудливый и таинственный мир прошлого, тем сложнее и объемнее он предстает перед нами. Отдельный факт, отдельный человек перестают видаться в некой застылости и находят свое место в логической цепи причинно-следственных связей. Если же брать такие яркие события, как разинское восстание, то здесь исторический пласт столь богат, что он — точка приложения сил не только историков, но и писателей, поэтов, живописцев, словом — служителей буквально всех муз.

Как всякое прикосновение к истории художественными средствами, отображение разинской темы в литературе и искусстве позволило (быть может, в ущерб документальности и точности) сохранить некоторую целительную условность, риторическую отвлеченность традиционных народных представлений и ценностей.

Характерно, что популярные песни о Разине нередко сопровождалась соответствующими театрализованно-мимическими действиями, одно из которых наблюдал в 1826 г., а затем описал А. С. Грибоедов, будучи свидетелем того, как молодежь с. Парголово — местечка на юге России, где он волей случая оказался, представляла поход С. Т. Разина по Волге. «...Вдруг, — пишет он, — слышались нам звучные плясовые напевы... Песни не умолкали. Затянули: „Вниз по матушке по Волге“. Молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел. Двое же на ногах оставались: атаман и есаул.

Былые времена! — продолжает далее А. С. Грибоедов. — Как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удалцов бросались в легкие струги, спускались по протоку Ахтубе по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили, ни красоты девичьей, ни седины старческой, а по словам Шардена, в роскошном Фируз-абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса»¹.

Восходящая к стародавнему эпосу трактовка восстания в русской литературе; XIX в. не только дополняет, но порой корректирует сведения, извлекаемые из официальных источников. Не случайно главной питательной средой разнопланового и многожанрового творчества о Разине и разинцах были и остаются народные предания, песни, легенды, сказы. Их буйное многоцветье прихотливо преломилось в поэзии А. С. Пушкина. После Пушкина разинские мотивы нашли отражение в стихотворениях Алексея Васильевича Кольцова, чья поэзия всегда обильно питалась из источников близкого ему народного творчества. Записывая народные песни, пословицы и поговорки, меткие слова, поэт собрал, по-видимому, обширный фольклорный материал о Разине. Его знаменитое стихотворение-песня «Стенька Разин» отразило бытовавшие в фольклоре темы и мотивы, связанные с легендарным бунтарем. Влияние народного эпоса на Кольцова при работе его над этим произведением было преобладающим.

Имя Степана Разина обычно входит в нашу жизнь со знаменитой песней «Свадьба» («Из-за острова на стрежень»). Ее автор — самарский поэт, собиратель фольклора Дмитрий Николаевич Садовников, которого по праву называют певцом Волги. Сюжет стихотворения скорее всего был навеян сочинением Яна Стрейса «Три путешествия», где упоминается эпизод с персидской княжной. Слова этого написанного в 1883 г. стихо-

творения вскоре были положены на музыку, но кому принадлежит сочинение напева, который с незначительными изменениями дошел до наших дней, пока неизвестно.

На мотивы песни появилось много новых устных рассказов, преданий, фольклорное слово впитало в себя яркие, поразившие народное воображение песенные образы «Свадьбы».

На Волге, в понизовых селах, до сих пор можно встретить в некоторых семьях выцветшие и ветхие старинные ковры с изображением Степана Разина и персидской княжны — изделия местных художников-самоучек.

Тема трагической любви атамана к пленной княжне, воплощенная ли в песне или переданная декоративно-художественными средствами искусными умельцами-ковроделами, была принята народом близко к сердцу. И, как ни странно, приписанное Разину легендой принесение в жертву Волге-матушке персидской полонянки не отвращает от него народных симпатий. Почему? Неужели народ готов простить своему любимцу и чрезмерно крутой нрав, и необдуманную жестокость по отношению к незащитной женщине? Вовсе нет. Прав астраханский писатель-краевед А. С. Марков, который пишет, что в фабуле положенного в основу песни предания людей прежде всего привлекает власть Разина над собой, способность атамана во имя единства казачьего братства поступиться своей любовью. Не зверем, не разбойником-душегубом предстает в песне Разин в сознании народа, а человеком горячим, мятущимся, трогательно привязанным к своей пленнице².

Помимо «Свадьбы» и «Утеса» А. А. Навроцкого (см. с. 67—68), была еще одна песня о Разине, ставшая народной. Это «Казнь Стеньки Разина» — стихотворение поэта-демократа Ивана Захаровича Сурикова, написанное им в 1877 г. Как и многие произведения Сурикова («Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...», «Голова ли ты, головушка!...» и др.), сказание о Степане Разине со временем превратилось в песню.

Иным предстает Разин в романах «Великий раскол» (1881) и «За чьи грехи» (1891) известного и плодовитого писателя, мастера исторического повествования и ученого Даниила Лукича Мордовцева. Его Стенька не знает удержу своим страстям и с отчаянной ненасытностью грешника предается всем мирским наслаждениям, разгулу. Он жесток и беспощаден, властен и уверен в себе. Но в этом нетерпеливом, неуравновешенном, взрывчатом, склонном под влиянием вина и эмоций ко всяким крайностям человеке Мордовцев выделяет и другое: твердость, цельность, настойчивость, а самое главное — способность объединять людей, поддерживать в них огонь веры в нужность и праведность борьбы.

Как кровавый хаос и великое смятение, охватившее все общество снизу доверху, показывает разинское восстание другой писатель — Н. Казанцев. Его роман «Против течения» (1881) не лишен многих достоинств русской исторической прозы. Но автору в целом ряде случаев изменяет чувство меры, он то и дело сбивается на слащавую мелодраму, что характерно и для нескольких других повестей о повстанческой вольнице, опубликованных в конце XIX — начале XX в.

Для молодой Марины Цветаевой Степан Разин — это старозаветная Русь, стихия буйства, своеволия, безудержного разгула души. В 1917 г. Цветаевой был создан цикл «Стенька Разин». Это три стихотворения о «бешеном атамане», сгубившем прекрасную княжну-персиянку, а вместе с ней и свою жаркую душу. Позднее, в 1937 г., Цветаева напишет: «Стенька Разин! тот, о котором и которого поет с нашего голоса вся Европа, тот, которым мы, как водою и бедою, залили всю Европу, да и не только одну Европу, а и Африку, и Америку — ибо нет на земном шаре места, где бы его сейчас не пели или завтра бы не смогли запеть».

Большой интерес представляют раздумья Марины Цветаевой о том, почему в народе сложено столько песен о Разине и почему ими обделен Пугачев. Объясняет эта она исключительно личными моральными качествами обоих повстанческих предводителей. По ее мнению, в целом ряде ситуаций, при которых речь шла о нравственном выборе,

Пугачев повел себя, мягко говоря, не лучшим образом, что, разумеется, не укрылось от народа и что не преминул заметить А. С. Пушкин. Вот строки из «Истории пугачевского бунта», которые в числе прочих цитирует Цветаева: «Молодая Харлова (дочь зверски казненного восставшими коменданта Таташевой крепости. — В. С.) имела несчастье привязать к себе Самозванца (Пугачева.— В. С.). Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку, по ее просьбе прислал он в Озерную приказ похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны».

В этой связи М. Цветаева проводит параллель с судьбой пленницы Степана Разина. Но некоторое совпадение деталей, как показывает далее Цветаева, носит чисто внешний характер и весьма обманчиво:

«Но! Пугачев и Разин — какая разница!

Над Разиным товарищи — смеются, Разина бабой — дразнят, задевая его мужскую атаманову гордость. Пугачеву товарищи — грозят, задевая в нем простой страх за жизнь, И какие разные жесты! (Вся разница между поступком и проступком.) ...Разин сам бросает любимую в Волгу, в дар реке — как самое любимое, подняв, значит — обняв; Пугачев свою любимую дает убить своей сволочи, чужими руками убивает: отводит руки...

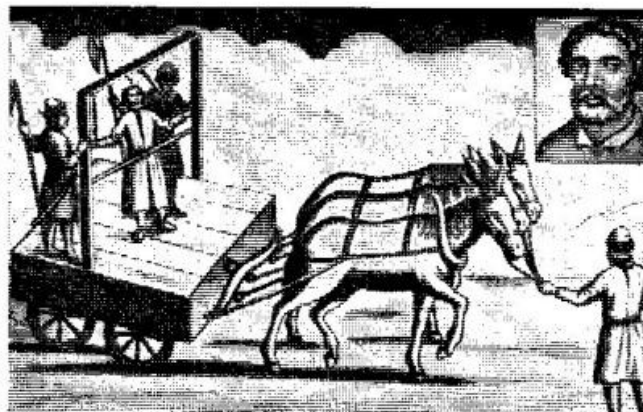
В разинском случае — беда, в пугачевском — низость. В разинском случае — слабость воина перед мнением, выливающаяся в удаль, в пугачевском — низкое цепляние за жизнь.

К Разину у нас — за его Персияночку — жалость, к Пугачеву — за Харлову — содрогание и презрение...

И — народ лучший судия — о Разине с его Персияночкой — поют, о Пугачеве с его Харловой — молчат.

Годность или негодность вещи для песни — может быть, единственное непогрешимое мерило ее уровня»³.

Восторженным почитателем разинского цикла М. Цветаевой был Александр Николаевич Вертинский. Ему до такой степени нравились эти чувственные, мелодичные стихи, что он под их впечатлением написал, а затем специально аранжировал для исполнения симфоническую балладу. Это было уже после его возвращения из эмиграции. Сталинская цензура относилась к

Степана Разина везут на казнь. Рисунок XVII в.

А. Н. Вертинскому с особой подозрительностью и пристрастностью: из двухсот его песен ему было разрешено выступать только с тридцатью. В число запрещенных попал и «Стенька Разин».

Свой поход в бессмертие повстанческий атаман продолжил и на полотне величайшего русского художника Василия Ивановича Сурикова.

Замыслив создать галерею главных героев отечественной истории, В. И. Суриков, конечно, не мог миновать богатырскую фигуру Разина. Обращаясь к событиям прошлого, живописец стремился показать историческую силу масс, раскрыть могучие человеческие характеры, дать нетрадиционную психологическую трактовку и новое творческое решение образа народа. Работа над картиной «Степан Разин» была окончена в 1907 г. Только что отгремели бои первой российской революции, в стране началась полоса реакции, и в это время Суриков выставляет своего «Степана Разина» на всеобщее обозрение.

«Степан Разин» Сурикова — это ответ художника-гражданина, убежденного демократа и патриота на жгучие вопросы современности. Бунтарский дух картины будил в людях ненависть к угнетению, рождал свободолюбие, желание борьбы с самодержавием, вселял веру в исполинские силы народа. Недаром у полотен Сурикова собирались революционеры и давали клятвы на верность в борьбе с царизмом.

В Русском музее хранится выполненный свинцовым карандашом рисунок И. Е. Репина «Степан Разин» (1885). По отзывам искусствоведов, эта работа, на которой изображена сцена, когда атаман бросает в Волгу персидскую княжну, относится к числу наиболее удачных репинских набросков.

В 1899—1900 гг. ряд этюдов и эскизов, посвященных Степану Тимофеевичу Разину русский художник Сергей Васильевич Иванов. Обращением в живописи к разинской теме он на несколько лет опередил Сурикова. Конечно, суриковское произведение несоизмеримо с рисунками С. В. Иванова по силе художественного обобщения, грандиозности замысла, яркости и типичности отдельных характеристик. Но при всей своей значительности историческое полотно Сурикова не заслоняет собой скромных работ, Иванова на ту же тему. Именно Иванову принадлежит приоритет живописной ассоциации разинского восстания со злободневными вопросами современной жизни, непрерывным нарастанием на грани XIX и XX веков народного возмущения. Обращаясь к теме крестьянской войны, С. В. Иванов в двух эскизах, носящих одинаковое название «Степан Тимофеевич», запечатлел (правда, несколько погрешив перед исторической истиной) триумфальный въезд повстанческого предводителя в Симбирск. Одновременно с этими эскизами Иванов изображает тогдашние студенческие волнения, что лишний раз свидетельствует о том, что в разинской теме в творчестве художника нашел свое опосредованное выражение подъем революционного движения.

С. В. Иванов — также автор великолепного рисунка головы Разина. Этот небольшой по размерам набросок поражает своей монументальностью, внутренней силой образа вождя крестьянской войны. Он выполнен лаконично, немногими точными штрихами. Энергично очерченный профиль, уверенная пластическая лепка головы придают рисунку Иванова медальонную чеканность, но это не только не скрадывает, но, напротив, даже подчеркивает индивидуальные черты народного героя. В эскизной работе достигнута удивительно глубокая и завершенная психологическая характеристика С. Т. Разина, в его лице и взгляде мастерски переданы волевая собранность, упорство, отвага; и удаль.

Совершенно иначе на фоне историко-эпического полотна Сурикова и посвященных Разину этюдов и эскизов Иванова воспринимаются написанные А. А. Александровым накануне первой мировой войны картины «Песня» («Стенька Разин и княжна») и «Астраханский митрополит Иосиф защищает раненого князя Прозоровского от Стеньки Разина». При несомненном даровании автора они являют собой типичные произведения салонного искусства.

В 1908 г. была выпущена первая русская игровая картина «Понизовая; вольница». Эта короткая кинолента представляла собой киноиллюстрацию к песне Д. Садовникова «Свадьба».

После Октябрьской революции в соответствии с планом монументальной пропаганды предполагалось открыть памятники С. Т. Разину в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Саратове.

За выполнение скульптурного изображения Разина взялся Сергей Тимофеевич Коненков. Он создал необычную монументально-декоративную композицию «Степан Разин с ватагой», включавшую вырезанные из дерева статуи вождя крестьянской войны, головы пяти разинских сподвижников и полулежащую фигуру персидской княжны, отлитую из цемента. Работа заняла около двух лет и была завершена в 1919 г.

Нетрадиционный подход Коненкова к полученному заказу вполне в духе тех лет, когда мастера искусств решительно отказывались от привычных форм монументальной пропаганды — конных статуй, статуй и бюстов на пьедестале и т. д. Тот же Коненков вынашивал тогда замысел возведения на Красной площади величественной, чуть ли не в десятки метров высотой, арки из золота и бриллиантов — символа величия, богатства и таланта народа. По мысли художников революции, новое искусство — искусство победившего пролетариата должно «выйти» на улицы, органично слившись с городским пейзажем. Это было время, когда дома, фонарные столбы, афишные тумбы драпировали красочными панно, представлявшими революционную тематику, когда на перекрестках, площадях, в пространствах между зданиями устанавливались огромные щиты с живописными изображениями советской символики.

Многофигурный памятник «Степан Разин с ватагой» в полной мере отразил новаторские поиски искусства той эпохи. Своим художественным решением он близок к древнерусской полихронной скульптуре, знаменитой деревянной игрушке, лубку. С народным декоративным искусством памятник роднит яркая и нарядная раскраска фрагментов из дерева, подставок под головы пятерых разинцев, использование цветного цемента для фигуры княжны.

Оригинальная как по форме, так и по содержанию композиция Коненкова, в разных ракурсах и сочетаниях, а главное, без всякой помпезности представлявшая героев народной борьбы, производила очень свежее впечатление.

Открытие памятника Разину было приурочено к Первомайскому празднику 1919 г. Скульптурную композицию разместили на Лобном месте, с которого был оглашен 6 июня 1671 г. смертный приговор Степану Разину. В день 1 мая около часа дня здесь начался митинг. Его открыл С. Т. Коненков. На митинге выступили виднейшие большевики, представители донского, терского и оренбургского казачества. Кульминацией митинга был момент, когда слово взял приглашенный на церемонию открытия памятника В. И. Ленин. Его речь была краткой и энергичной. «Это Лобное место, — сказал он, — напоминает нам, сколько столетий мучались и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу»⁴.

Открытие памятника сопровождалось концертом: хор Пролеткульта исполнял народные песни о Разине, звучала посвященная предводителю крестьянской войны поэма Василия Каменского.

Скульптурная группа «Степан Разин с ватагой» простояла на Красной площади до 25 мая. Ввиду небольших размеров она совершенно терялась; на фоне кремлевских башен, Покровского собора, массивного здания Верхних торговых рядов (нынешнего ГУМа) и потому была перенесена для демонстрации в Первый пролетарский музей на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская ул.).

Летом 1920 г. в Чебоксарах, на высоком волжском берегу в честь С. Т. Разина был установлен Красный обелиск. Имя вождя крестьянской войны было знаменем, объединявшим не желавших мириться с крепостнической действительностью людей разных национальностей. И обелиск в столице Советской Чувашии стал монументальным

символом идеи боевого братства и сплоченности в борьбе русских, татар, чувашей, мордвы и других народов Поволжья. Изготовленный из дерева, этот памятник, к сожалению, не сохранился.

Изображениями С. Т. Разина была полна монументальная живопись первых лет революции. Разин шагал по улицам, плыл в стругах по площадям. Разинская тема — неперенный элемент праздничного оформления городов. К первой годовщине Октября художник А. Дидерихс и архитектор А. Альванг придали нескольким пролетам приземистого Сампсоньевского моста в Петрограде вид разинских стругов, украсили их разноцветными парусами, пристроили нос и корму. Оформленный под флотилию старинных волжских судов мост представлял собой оригинальное и красочное зрелище. С большой фантазией было выполнено декоративное оформление Театральной площади Петрограда. К. С. Петров-Водкин написал четыре огромные (размером 8,5X15 м) картины на былинно-исторические сюжеты. Одна из них была посвящена Разину. Она выдержана в романтико-патетическом духе и полна глубокого драматизма. Художник изобразил Разина и его товарищей за мирной трапезой на палубе струга. Сам повстанческий атаман выглядит весьма нетипично: безусый и безбородый, подчеркнута молодой, в простой подпоясанной русской рубахе. И все же от этого человека исходит какая-то внутренняя сила, энергия. Он максимально собран, сосредоточен, на него устремлены взгляды всех находящихся в лодке казаков, словно они ждут какого-то важного атамана решения. Нигде не видно ни оружия, ни доспехов, напротив, кругом вполне мирные атрибуты, позы людей расслаблены, но сразу ясно, что это не беззаботная беседа за завтраком, а короткая передышка во время боевого похода. В картине переданы напряжение, тревога, ожидание. Художник как бы напоминает о бдительности, о новых испытаниях, которые предстоят революционному народу.

В Москве к тому же празднику подготовил красочное панно «Степан Разин» мастер декоративно-обобщенных по цвету жанровых композиций П. В. Кузнецов. Он изобразил разинцев в момент речного боя с царскими стрельцами. Здание Малого театра, на фасаде которого в виде козырька было прикреплено панно, преобразилось, приобрело празднично-революционную торжественность. П. В. Кузнецов, много работавший как театральным художником, был и автором оформления спектакля по пьесе В. Каменского о Степане Разине. Мотивы борьбы восставшего крестьянства были использованы и в росписи агитпоезда «Красный казак», курсировавшего по Советской России. В станковой живописи той поры устойчиво преобладал былинно-романтический образ повстанческого предводителя. В этом отношении характерен кустодиевский «Степан Разин» (1918): в картине воспета красота и удаль казачьей вольницы, восславлен могучий дух легендарного народного героя.

Разинские мотивы по сей день устойчиво присутствуют в работах мастеров знаменитого Палеха. Особенно яркое и красочное воплощение они нашли в 20-х годах в росписи деревянных изделий работы И. М. Баканова (лаковые миниатюры на темы: «Казнь Степана Разина», «Разин бросает в Волгу персидскую княжну»).

В то время пользовались огромной популярностью уличные театрализованные представления, сцены массового действия, и их неизменным героем также был Степан Тимофеевич Разин. Так, в 1920 г. на главной площади провинциального Алатыря — города, находившегося во время крестьянской войны в руках разинцев, была инсценирована казнь повстанческого предводителя, завершившаяся триумфом народного любимца над своими палачами, декламацией стихов, пением народных и революционных песен. Эти зрелищные, вынесенные на улицу спектакли отражали пафос тех бурных дней, приподнятое настроение вдохновленных революцией масс.

Образы стихийного народного бунтарства, порыва к воле с могучей силой были переданы в музыке А. К. Глазунова. Еще задолго до Октябрьской революции он написал симфоническую поэму «Стенька Разин», отличающуюся патриотической направленностью, истинно русской песенностью. На музыку Глазунова был поставлен

одноименный балет. Декорации выполнил художник Петр Петрович Кончаловский. Все балетные спектакли проходили с неизменным успехом. Летом 1918 г. композитор А. К. Глазунов отправился с концертной поездкой по Поволжью. В его гастрольный репертуар была включена и симфоническая поэма «Стенька Разин». Ее исполнение, особенно той части, в основу которой была положена народная песня «Эй, ухнем», встречала теплый прием в старинных волжских городах, где некогда правила разинская вольница⁵.

С. Т. Разин — герой многих произведений советской литературы. Одно из популярнейших произведений послереволюционных лет — поэма Василия Каменского «Сердце народное — Стенька Разин». По ней в авторской инсценировке ставились спектакли на сцене столичных и периферийных театров, отрывки, из нее читали во время концертов, уличных шествий и декламаций под открытым небом, строки из поэмы выносились на плакаты и транспаранты во время празднеств и народных гуляний.

Образ предводителя повстанческой вольницы очень часто встречается в поэзии первых лет революции. Ведь само его имя было тогда знаменем и символом:

Щедроты сердца не разменены,
И хлеб — все те же пять хлебов,
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов.

В 1922 г. в издательстве «Берендей» вышла написанная еще до революции поэма В. А. Гиляровского «Стенька Разин». Опубликовать ее автор смог только в советское время, поскольку она обличала самодержавие, произвол, призывала к открытой борьбе с народными притеснителями. «Поэма эта, — писал Гиляровский, — как запрещенная, всегда имела у молодежи успех, а у донцов — особенный». Встречается образ мятежного атамана и в других произведениях В. А. Гиляровского. Так, в его сборнике «Забытая тетрадь» есть стихи, в которых он обращается к тому времени давнему:

В стругах когда еще с Дона далекого
Разина Стеньки товарищи славные
Волгой владели до моря широкого...⁶

Отображение разинского восстания в литературе двух первых советских десятилетий не было однозначным. Если в пьесе Ю. Юрьева «Сплошной зык» (1919) на первое место выступал классовый поединок крестьянства с боярами и дворянами, то в поэзии В. Каменского, романах А. Алтаева (Ямшиковой) «Взбаламученная вольница» и «Стенькина вольница» (1925)— воспевалась безудержная стихия народного мятежа.

Неизменный и живейший интерес личность Степана Разина вызывала у Максима Горького. Образ «князя волжской вольницы», «вольного сокола» возникал в целом ряде художественных произведений писателя. Так, в рассказе писателя «Коновалов» (1896) на горьковского героя пекаря Коновалова огромное впечатление производят главы из книги Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина».

В 1910 г. Горький интересовался специальными исследованиями, посвященными второй крестьянской войне, ибо собирался написать о С. Т. Разине повесть. В архиве писателя даже сохранились отдельные наброски будущего произведения — заготовки диалогов, реплик. В 1921 г. М. Горький написал киносценарий «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве...». Однако фильм по нему поставлен не был, а текст его был впервые опубликован уже после смерти писателя, в 1941 г.⁷

В развитии разинской темы неопределимо значение публицистики М. Горького. В статьях «Народ должен знать свою историю», «Заметки о мещанстве», в предисловии к «Книге для чтения по истории литературы для красноармейцев» и других работах

писателя Степан Разин предстает как выразитель народной воли в момент необычайного обострения социальных противоречий эпохи⁸.

В один из первых сборников Сергея Есенина «Златой посев» вошло стихотворение «Ус» — о ближайшем сподвижнике С. Т. Разина Василии Родионовиче Усе. Этот бунтарь привлекает поэта своей мятежной силой, неукротимостью, дерзким вызовом, который не побоялся бросить самому государю:

Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо.

Легендарной Алене — женщине-атаману, водившей во время разинского восстания свой отряд против царевых ратей, посвятил «Песню про Алену-Старицу» (1939) Дмитрий Кедрин. В ней воспевается одержимость героини, ее подвижничество, непоколебимая твердость, с которой она шла до страшного своего конца (ее заживо сожгли каратели). Алену-Старицу глубоко трогает человечья беда, людская трагедия. Она не может смириться со зверствами бояр, стерпеть господский произвол и, одержимая протестом, охваченная одной всепоглощающей страстью — бороться, выступает под знаменами Разина. На допросе в пыточном застенке она заявляет:

Судьба меня возвысила!
Я бар, что семя, щелкала...

Подлинным триумфом разинской темы в советской исторической прозе была публикация в 1924—1927 гг. на страницах журналов «Былое» и «Красная новь» романа А. П. Чапыгина «Разин Степан». В своей известной статье «О литературе» Горький причисляет роман Чапыгина к лучшим книгам советских исторических романистов: «Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман. В прошлом, в старой литературе, — слащавые, лубочные сочинения... В настоящем — превосходный роман А. Н. Толстого «Петр I», шелками вытканый «Разин Степан» Чапыгина... два отличных мастерских романа Юрия Тынянова — «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара»... Все это поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его»⁹. Книга А. П. Чапыгина выдержана в летописно-сказовой манере. На ее страницах царит стихия русской речи разинской эпохи, ощущается сильное влияние фольклорных традиций.

Грандиозную эпопею о Разине создал крупный мастер исторического жанра С. П. Злобин. Его «Степан Разин», опубликованный в 1951 г., вызвал интерес читателей картинами широкого народного движения, ярким воспроизведением быта, колорита эпохи, умелым сочетанием творческой обработки документальных материалов с реалистическим художественным вымыслом. «Меня, — пишет С. П. Злобин, — увлекло исследование истоков народно-революционных движений, истоков революционного мышления, трагизм исторических потрясений и в самих исторических традициях — неисчерпаемый народный оптимизм». Книги А. П. Чапыгина и С. П. Злобина получили признание и за рубежом. Они переведены, на ряд европейских языков. В то же время оба романа не лишены недостатков, и один из основных — тот, что образы вождя крестьянской войны слишком литературны и, оторваны от реальной почвы. Как заметил народный артист СССР Михаил Ульянов, у Чапыгина Разин — былинный богатырь, у Злобина — воспитанник Высшей партийной школы.

Когда известная писательница Н. Кончаловская, работавшая над своей книгой в стихах «Наша древняя столица», приступила к главе «Быль о Степане Разине», она обратилась за советом к академику Е. В. Тарле. Предостерегая ее от возможного «осовременивания» героя, он писал: «...хотелось бы, чтобы у Вас вышел Разин, личность гражданская, русский богатырь с огненными глазами, гневный мститель Стенька, от

которого тряслись от страха русские и нерусские царства, именно Стенька, а не причесанный под благонаправного политука „Степан Тимофеевич Разин, руководитель (!) восстания“, еще бы написали „ответственный руководитель“». Но Н. П. Кончаловская в своей поэме (1947 г.) не столько изобразила самого бунтаря, сколько показала отношение к нему народа: доброе как к «голяцкому главе» и одновременно подозрительное как к колдуну-чародею.

Трудно перечислить все, что есть на сегодняшний день о Разине в нашей многонациональной культуре.

Сразу две памятных премьеры состоялись в 1939 г.: вождю крестьянской войны были посвящены художественный фильм и опера. Они носили одноименное название — «Степан Разин».

Фильм был снят режиссерами Ольгой Преображенской и Иваном Фроловым по роману А. Чапыгина (писатель был и одним из авторов сценария). На главные роли были приглашены такие известные актеры советского кино, как Андрей Абрико-сов: (играл С. Т. Разина), Михаил Жаров, Владимир Гардин, Сергей Мартинсон. Персидскую княжну сыграла очаровательная актриса Н. Зорская. Картина снималась в Москве, где в то время еще сохранились нетронутыми несколько, архитектурно-исторических ансамблей XVII в., но большая часть съемок производилась в павильонах с помощью макетов, выполненных по знаменитым видам старинной Москвы Аполлинария Васнецова. Музыка к фильму написал композитор Александр Варламов.

Степан Разин предстает в этой ленте «супротивником» царя, призывающим народ не грабежом, а мятежом ответить на утеснения господ, богатеев и приказных.

Выпущенный на экраны более пятидесяти лет, назад фильм О. Преображенской и И. Фролова, конечно, и морально, и технически устарел и кажется нынешнему зрителю наивным. Но ряд моментов (бытовые, уличные сцены, диалоги, простые, внешне не пафосные кадры) и сейчас воспринимаются как несомненная творческая удача создателей фильма и актеров.

Опера «Степан Разин» была поставлена на сцене Горьковского театра оперы и балета им. Пушкина. Музыка к ней — первая крупная работа известного советского композитора А. А. Касьянова. В этом историко-героическом произведении проявились классические национальные традиции. Отзывы об опере были самые положительные: отмечались не только полнозвучие и эмоциональная щедрость музыки А. А. Касьянова, но и зрелищность спектакля, удачное декоративно-оформительское решение.

Есть и другая опера на разинскую тему. Ее партитура хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Это сочинение уроженца Дона С. А. Траилина. Так случилось, что большую часть жизни он прожил в Праге, где незадолго перед второй мировой войной написал по собственному либретто оперу, посвященную С. Т. Разину. Она получила признание и высокую оценку музыкальной критики.

Неизбежные отголоски современности тревожно звучат в кантате Д. Д. Шостаковича «Казнь Степана Разина», созданной на слова поэта Е. Евтушенко. Здесь и сложная полифония чувств, и трагическое напряжение, и разветвленные ассоциации. Так именно выражено горестное недоумение гордого бунтаря перед злом мира, с которым он столкнулся в свой смертный час. У Евтушенко это передано такими стихами:

И под визг стрелецких жен,
 Под плевки со всех сторон
 На расхристанной телеге
 плыл
 в рубахе белой
 он.
 Он молчал,
 не утирался,

весь оплеванный толпой,
 только горько усмехался,
 усмехался над собой...
 Ладно,
 плюйте,
 плюйте,
 плюйте —
 все же радость задарма.
 Вы всегда плюете,
 люди,
 в тех,
 кто хочет вам добра.

Отголоски разинской темы — в творчестве многих современных художников слова. Борис Слуцкий открывает для себя удивительное совпадение в человеческой судьбе «отца русской вольности» С. Т. Разина и «певца русской нежности» В. А. Жуковского. Этих двух замечательных людей России объединяет турецкое происхождение по материнским линиям, хотя оба они, как считает Б. Слуцкий, уродились в отцов:

Дети пленных турчанок,
 как Разин Степан,
 как Василий Андреич Жуковский,
 не пошли они по материнским стопам,
 а пошли по дороге отцовской.

Андрей Вознесенский делится раздумьями о том, как навеянные легендами о знаменитом русском бунтаре образы органично вошли в наш язык. В стихотворении «Речь» поэт пишет:

Дай мне
 стать единицей
 твоего пространства и времени —
 от Таганки
 до песни,
 где утонула княжна.
 Мы живем в городе
 под названьем Молва.
 Сколько в песне
 утоплено персиянок!..
 «а — а — а».

Каждая эпоха, каждое новое поколение дает в литературе и искусстве своего Разина. Разинская тема поистине неисчерпаема и неувядаема.

Сегодняшний Разин — это, вне всякого сомнения, Разин В. М. Шукшина, с могучей художественной силой воплощенный им на страницах романа «Я пришел дать вам волю».

Шукшин крайне дорожил тем, что герой его книги не имел ничего общего с тем образом Разина, который слишком уж легко и привычно шагал по страницам книг: удалец, душа вольницы, заступник и предводитель гольтыбы, гроза бояр, воевод и дворян. Писателю была ненавистна эта хрестоматийная слащавость. «Написано о Разине много. Однако все, что мне удалось читать о нем в художественной литературе, по-моему, слабо», — сетовал Шукшин¹⁰.

Разин, по Шукшину, — человек своего времени, казак, преданный идеалам казачества, и главной его трагической ошибкой, предопределившей его поражение, было то, что он так до конца и не поверил мужикам, не понял, что именно они — та сила, на которую ему в первую очередь следовало полагаться. Шукшин далек от того, чтобы с высот современного научного знания о Разине «сочинять» ему политическую программу, которая в эпоху крестьянской войны была чрезвычайно проста: казацкий уклад жизни на Руси¹¹.

«Память народа, — любил повторять Шукшин, — разборчива и безошибочна». В народной памяти Разин — заступник обиженных и обездоленных, фигура яростная; и прекрасная. Таким он предстает и со страниц романа «Я пришел дать вам волю». Вот как видит своего героя сам автор: «Натура он сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Другого быть не могло. И вместе с тем — человек осторожный, хитрый, умный, дипломат, крайне любознательный и предприимчивый... Непонятны многие его поступки: то хождение в Соловки на богомолье, то через год — меньше — он самолично ломает через колена руки монахам и хулит церковь... Он, сжигаемый одной страстью, — „тряхнуть Москву“, шел на все... Ему нужна была сила, он собирал ее, поднимал и вел. Он был жесток, не щадил врагов и предателей, но он и ласков был, когда надо было... Он знал, на что он шел. Он не обманывался. Иногда только обманывал во имя святого дела Свободы, которую он хотел утвердить на Руси»¹².

Отстаивая историческую достоверность своего художественного видения Разина, Шукшин неоднократно подчеркивал, что повстанческий предводитель — отнюдь не агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и несла смерть. В каждом своем поступке Разин проживал все чувства целиком, до конца. В ненависти к насильникам впадал даже в исступление. Ненавидеть атаман был способен «до судорог». И так велик был запас его ненависти к врагам, что его хватило с великим мужеством встретить смерть. Шукшин пишет: «Дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, — дело — только отвернешься, рушится». Понимая, что кровью счастья не добьешься, шукшинский Разин не знает, однако, другого способа изменить ненавистный ему порядок вещей.

Для Шукшина Разин — герой, чья личная судьба не принадлежит ни ему, ни историкам, ни художникам. Она — достояние народа. Идея воли в сознании русского человека возвысила мятежного атамана как вернейшего из своих носителей. «Сколь способен любить Разин — столь сильна любовь народа, породившего его; сколь ненавистны Разину страх и рабство — столь же изначально прокляты они и народом».

Что же сделало Разина народным героем? Ответ писателя однозначен: «Редкая, изумительная, почти невероятная способность к полному самоотречению. Таких героев в истории человечества немного. Способный к самоотречению, он идет на смерть без страха и — живет в благодарной памяти людской, в песне, в легенде»¹³.

И еще одна неожиданная мысль Шукшина о Разине: «Если в понятие интеллигентности входит болезненная совесть и способность страдать чужим страданием, он был глубоко интеллигентным человеком»¹⁴.

«Сердце мясом приросло к жизни», — говорил о себе В. М. Шукшин. Такая же кровная, корневая связь была у него и с прошлым, с родной историей. Известно, что роман «Я пришел дать вам волю» вырос из сценария. «Кинокартина „Степан Разин“, — признавался Шукшин, — это моя самая большая мечта. Я уже давно; обдумал ее до мельчайших подробностей». В январе 1967 г. В. М. Шукшин в беседе с корреспондентом газеты «Молодежь Алтая» сказал: «Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле... Мне хочется в новом; фильме отразить минувшие события достоверно и реалистично, быть верным во всем — в большом и малом. Если по-

зволит здоровье и силы, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина». Вдова Василия Макаровича актриса Лидия Федосеева-Шукшина свидетельствует, что в то время он, стремясь как можно полнее представить себе разинскую эпоху, пытаясь как можно глубже погрузиться в нее, постоянно читал и перечитывал Карамзина, Костомарова, Соловьева.

В автобиографии В. М. Шукшина той поры есть такие строки: «Сейчас работаю над образом Степана Разина. Это будет фильм. Если будет. Трудно и страшно... Гениальное произведение о Стеньке Разине создал господин Народ — песни, предания, легенды. С таким автором не поспоришь. Но не делать тоже не могу. Буду делать».

Однако фильм откладывался: не давали снимать, возникали разные сложности. Юрий¹ Любимов вспоминает, что как раз в те дни, незадолго до своей кончины, В. М. Шукшин побывал в театре на Таганке на пьесе Ф. Абрамова «Деревянные кони». Был он грустен и причину своего подавленного настроения, по словам Ю. Любимова, объяснил так: «...надо сниматься в фильме „Они сражались за Родину“, а он устал и не хочет, но Бондарчук пообещал, что потом ему „Разина“ дадут снять». «Так он и остался в моей памяти, — рассказывает Ю. Любимов, — грустным, усталым человеком, которому надо бы отдохнуть, но он должен был идти на компромисс, чтобы ему снять что-то дорогое для сердца». А как много значил в его судьбе этот фильм — известно: близко знавшие В. М. Шукшина люди говорят, что и роман и будущая кинокартина были для него очень автобиографичны. Он настолько породнился духом со своим героем, что видел в нем самого себя.

Вопросы о том, почему и отчего не суждено было сбыться творческим планам Василия Шукшина, кто помешал их воплощению, конечно, не останутся без ответа. Во всяком случае не будем спешить списывать все на его скоростижную смерть. Он вполне мог бы реализовать свой сокровенный замысел, если бы ему не мешали. Но им завещано нам огромное наследие: исполинский роман, варианты киносценария, рабочие записи с яркими, оригинальными суждениями о Степане Разине и его эпохе.

Шукшинский Разин живет и на театральной сцене. Народный артист СССР Михаил Ульянов поставил в Театре имени Вахтангова спектакль «Степан Разин» по Шукшину и сам сыграл в заглавной роли.

Уместно привести выдержки из первых откликов на эту работу:

«Сцена почти пуста. Лишь слева вверху на темном фоне сверкают маковки церковей. Справа — зловеще багрово-золотой царский трон. А сцену там и тут по вертикали и горизонтали пересекают бревна, слуги, словно от разобранной крестьянской избы. Бревна эти, поворачиваясь, располагаясь по-иному, превращаются то в стол, за которым Разин с казаками обсуждают планы своего похода, то в дыбу, на которой пытаются атамана»; «Текст и режиссура выверенно работают на центральную фигуру спектакля: на Ульянова-актера, который крутится в центре этого вихря, вписываясь в него, вибрируя с ним, держа на себе и подкрепляя собой все действие. На „традиционного“ Разина он не похож. Рост у него не исполинский, голос неожиданно высокий, и какая-то расщепленность в психологических реакциях. Но и стремительная подвижность его, и эта нервная, импульсивная и не умеющая остановиться страстность — весь облик ульяновского Разина прекрасно взаимодействует со сценическим целым спектакля, с его ритмом, рисунком, тоном. С багровыми бликами света, прыгающими по черной бездне сцены. С качающимися, балансирующими, встающими дыбом балками декораций. И с толпой скоморохов, то и дело рвущей действие гиканьем, свистом, пением, весельем, юродством... Какая артистическая мощь в этом карнавальном действии! Сколько во всем этом пружинной, взрывной энергии!»¹⁵.

Музыку к спектаклю написал композитор Валерий Гаврилин — автор прекрасной современной русской симфонии «Перезвоны», где также объемно звучит разинская тема.

В репертуаре Новосибирского театра оперы и балета — балет «Степан Разин» на музыку Н. Н. Сидельникова (либретто В. С. Бударина). Омский музыкальный театр поставил по мотивам романа В. М. Шукшина музыкальную драму, созданную

композитором Е. Птичкиным и драматургом К. Рыжковым. В 1989 г. к 60-летию В. М. Шукшина пьесе «Степан Разин» по его сценарию показал Бийский драмтеатр на Алтае — родине писателя.

Разинская тема бесконечна. Она вдохновляет все новых и новых поэтов, писателей. Примером тому — посвященные великому бунтарю поэма «Море Хвалынское» Л. Лавлинского, сборник рассказов Б. Камова «За волю вольную», вышедшая в серии «Пламенные революционеры» повесть В. Усова «Огненное предзвездье», стихи В. Скобелкина из цикла «Земной поклон» и др. После Д. Б. Кедрина неоднократно была воспета в советской поэзии легендарная Алена-атаман. Она — главная героиня одной из пьес К. Скворцова, большую поэму о ней написала поэтесса Е. Нестерова, дань восхищения своей отважной землячке отдает в стихотворении «Атаманша» арзамасский поэт И. Плотников. Все это неотъемлемая составная часть произведений о крестьянской войне.

Часто переиздается получившая широкое признание художественная литература о Разине. В 1980 г. издательство «Современник» выпустило отдельной книгой поэму В. В. Каменского с иллюстрациями художника С. Алимова, а в 1985 г. в издательстве «Правда» вышел роман А. П. Чапыгина, красочно иллюстрированный А. Николаевым. Над оформлением книг о Разине работали многие прославленные художники. Одно из первых изданий злобинского Разина (1958 г.) иллюстрировал П. Соколов-Скаля, а издание романа Чапыгина, подготовленное в 1950 г. Гослитиздатом, — А. Самохвалов. Недавно выпущен комплект открыток, в котором представлены работы живописца И. Л. Ушакова, созданные на основе «Степана Разина» С. П. Злобина. На Дону живет художник-«разинист» Борис Спорыхин, чье творчество всецело отдано Разину. Он автор целого ряда картин, посвященных своему великому земляку.

Стало традицией присваивать имя повстанческого атамана волжским судам. В 30-х годах под названием «Степан Разин» по Волге плавали нефтевоз и буксир, сейчас под таким же названием по великой русской реке курсирует белоснежный трехпалубный пассажирский теплоход.

Память о Степане Тимофеевиче Разине была увековечена в названии улиц крупнейших городов нашей страны. Улицы, носящие его имя, есть в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Саратове, Астрахани, Армавире...

В Ленинграде улица Степана Разина расположена в Ленинском районе, она протянулась от набережной Фонтанки до набережной Обводного канала. В первой половине прошлого столетия вместе с нынешней Лифляндской улицей и проспектом Римского-Корсакова она составляла Екатерингофский проспект, по которому шел путь к загородному дворцу Екатерингофу, в середине XIX в. отрезок этой магистрали между Фонтанкой и Обводным каналом был назван Эстляндской улицей (по бывшей Эстляндской губернии), а в 1923 г. — переименован в улицу Стеньки Разина (с 1939 г. — Степана Разина).

В старейшем в стране Артиллерийском историческом музее в Ленинграде (парк Ленина, 7) среди уникальных образцов отечественного огнестрельного и холодного оружия, воинских знамен, орденов, медалей и форм одежды хранятся две реликвии, предположительно связанные с С. Т. Разиным. Это, по преданию, его личные вещи — жезл и табурет, захваченные царскими карателями в качестве военных трофеев.

В Нижнем Новгороде имя Разина носят бывшие 2-я и 3-я линии, а неподалеку от нее проходит улица Пугачева (в прошлом — 1-я линия).

Выходящая к Волге улица Степана Разина в Ульяновске напоминает об одном из главных сражений крестьянской войны — битве за Симбирск — важнейший в XVII в. стратегический центр Среднего Поволжья. Имя Разина в топонимии города вписала как бы сама история.

Память об одном из первых борцов за свободу народа живет также в названии разных мест нашего Отечества. В дельте Волги расположилось село Разине. Специалисты-

краеведы обоснованно усматривают в его названии топонимическое эхо разинского восстания¹⁶. «Астраханские епархиальные ведомости» за 1909 г. давали такую справку об этом населенном пункте: «Поселок Разин, имеющий 713 жителей, приютился у подножия бугра, служившего становищем печальной памяти разбойника Стеньки Разина и его шайки». Поселок обозначен на многих картах Нижнего Поволжья, составленных во второй половине XIX в., но ни в одном старинном или современном путеводителе нет никаких сведений о том, когда он возник. Очевидно, он изначально носил имя преданного церковью анафеме Степана Разина и, как ни усердствовали власти, требуя заменить одиозное в их глазах название, местные жители все же сумели сохранить прежнее, дорогое их сердцу. В 1905 г., когда в разгаре была первая российская революция, губернская администрация в очередной раз поставила вопрос о переименовании села. По этому поводу собрался специальный сход, который, несмотря на нажим из Астрахани, постановил: названия села не менять. И власти отступились.

Есть в нашей стране заповедный уголок Разина. Это — родина славного атамана бывший город Черкасск, ныне станица Старочеркасская на Дону. Известный советский драматург Н. Ф. Погодин, побывавший здесь летом 1925 г., назвал это место «станом Степана Разина». «...В песнях, в сказках, во всем, что овеивает древнюю Старочеркасскую, во всем он один — Степан Тимофеевич Разин», — писал Погодин¹⁷. Об этом и стихотворение «Старочеркасск» нашей современницы поэтессы Лилии Насибулиной. Вот строки из него:

И все вокруг старо, да ново.
Стою, смотрю по сторонам:
Вдруг из собора войскового
Сам Стенька Разин выйдет к нам!

Черкасск, древняя столица Войска Донского, город Разина, навсегда связал свое имя с именем легендарного бунтаря.

В 1921 г. стараниями станичных учителей матери и дочери А. М.1 и Е. М. Гриневых в Старочеркасской был открыт музей имени Степана Разина. Много сил и много лет понадобилось двум этим влюбленным в свой край и его историю женщинам, чтобы организовать музей. Открытие его было событием, народным праздником на Дону. Он и поныне функционирует как музей-заповедник истории донского казачества. За минувшие годы он значительно пополнился экспонатами. Здесь и разнообразное оружие донцов, и старинная казачья утварь, и постоянно развернутая выставка, посвященная жизни и деятельности героев Дона. Украшение экспозиции — скульптура Степана Разина работы Е. Вучетича. Созданный его резцом атаман сидит, погруженный в глубокую думу. Он полон необъятной силы и энергии, но на сердце у него — кручина.

В марте 1990 г. число официально зарегистрированных в СССР общественных формирований пополнила ассоциация «Дон». У донского казачества появилось свое объединение. В планах ассоциации возведение памятников Ермаку, Разину, Пугачеву, открытие хутора-музея, где можно будет познакомиться с разными сторонами казачьей жизни.

В современной Астрахани от минувшего времени сохранилось не так уж много. Город вырос более чем в три раза, старые башни и стены Белого города давно снесены, исчезли торговые ряды, гостиные дворы, тогдашние административные здания и учреждения, хотя расположение улиц, общая планировка этой древнейшей части Астрахани — все те же. Сохранился величественный белокаменный кремль. Это мощное военно-оборонительное сооружение, которое соперничало с Московским и Смоленским кремлями, — свидетель самых ярких и блестящих побед Степана Разина и его сподвижников, безмолвный очевидец триумфа и падения славной вольницы. К чести местных краеведов нужно сказать, что в Астраханском государственном музее-

заповеднике разинская страница истории города представлена бережно и с любовью. Сейчас стараниями энтузиастов, ревнителей астраханской старины на повестке дня стоит вопрос о сооружении в городе памятника Разину. Уже есть выставленный на всеобщее обозрение его проект.

Нижнее течение Волги — одно из основных мест действия крестьянской войны. Экскурсоводы показывают пассажирам живописные волжские берега, старинные города Черный и Красный Яры (в XVII в. — деревянно-земляные крепости), мимо которых более 300 лет назад шли разинские струги. Много связанных с Разиным памятных мест от Волгограда до Камышина и от Камышина до Саратова. Это так называемые Разинские горы выше Дубовки и гора Дурман, где, по преданию, были сторожевые посты повстанцев, это цепочка сел Галка, Щербаковка, Даниловка, мимо которых водная гладь ведет к одному из нескольких, известных на Волге, утесов Разина.

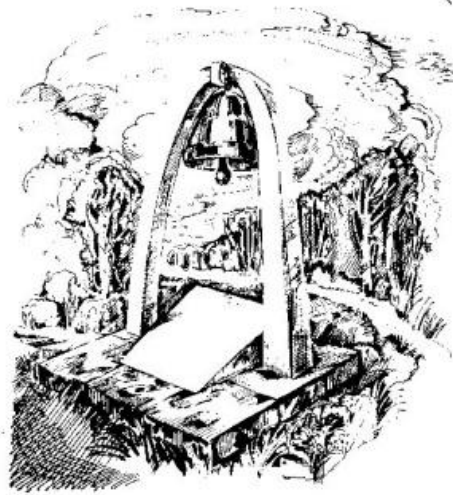
Без Разина трудно представить себе песенную историю России. Во все русские песенники непременно входит что-нибудь из разинского цикла. Куйбышевским книжным издательством выпущен один подарочный сборник народных песен о Степане Разине¹⁸. Не раз по многочисленным просьбам читателей в популярной рубрике «Любимая песня» публиковала песни о волжском бунтаре, полный текст которых известен лишь узкому кругу любителей, газета «Советская Россия».

Остается только сожалеть, что в Жигулях в свое время на гравий и щебень пошел утес, известный из песни о Степане Разине. Это был естественный памятник ему.

Представляется, что в Москве и других местах, имеющих историческую связь с именем вождя крупнейшего народного восстания, — на Каспии и на Дону, в Астрахани и в Волгограде, Саратове и Ульяновске — памятник или хотя бы мемориальная доска С. Т. Разину должны стать данью великой народной любви. Пора вернуть подобающий вид Ромадановским палатам — памятнику культуры XVII в., связанному с именами крупных исторических личностей, в том числе и Степана Разина. Ныне это историческое здание приспособлено под один из складов г. Курска.

В Москве по инициативе трудового коллектива Второго Государственного подшипникового завода предложено установить памятный знак С. Т. Разину на территории Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Наиболее велика вероятность, что именно здесь, у Калужских ворот, за Земляным валом, в третьей части четвертого квартала находившегося в этом месте ранее Басурманского, или Татарского, кладбища покоятся останки вождя крестьянской войны. В настоящее время по эскизу инженера И. Чичерина и художника А. Сольдау изготовлена модель этого памятного знака.

Но не все сегодня считают, что Степан Разин заслуживает доброй памяти. Одни видят в нем предтечу и провозвестника эпохи братоубийственной гражданской войны, кровопролития и репрессий — страшного периода, из которого мы вышли с такими ужасными потерями. Для других он — лишь носитель разрушительного начала, низвержения общечеловеческих идеалов

Проект памятного знака С. Т. Разину в Москве

и христианской морали. Есть, конечно, и просто безразличные как к Разину, так и ко всему нашему прошлому люди. Но, как бы то ни было, закрывать глаза на то, что ореол Степана Разина как всенародного любимца сегодня заметно померк, потускнел, не приходится.

Да, Разин — это вовсе не ходячая добродетель, не христианский мученик, не поборник гуманизма. Он суров, жесток, непреклонен. И ни к чему распространять на него чуждые ему качества личности. Он таков, каким был человек в его времена. С какой стороны ни подходи к нему, он еще далек от того, что Гегель называл «проникновенностью».

Время неумолимо. День нынешний заслоняет день вчерашний, вытесняя подчас память о прошлом.

Разве не симптоматично, что при упоминании имени Разин теперешним подросткам в первую очередь приходит на ум не вождь мятежного крестьянства, который жил бог знает когда и о котором что-то там скучно сказано в школьном учебнике истории, а кумир молодежи, руководитель широко известной эстрадной студии «Ласковый май»?

И все же сам событийный размах той социальной бури, которая потрясла Россию на рубеже 60—70-х годов XVII столетия, подсказывает, что разинская тема обращена не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Ведь Разин с его идеей воли вошел в сознание русского человека навсегда. Оттого нам дорого все, что связано с его именем. Он — наш национальный герой и титан классовой борьбы. Сохраняя память о нем мы сохраняем то, что не должны терять и утрачивать сегодня слово отцов, песню матерей, самобытность своего народа неповторимую нашу историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня в условиях демократизации нашего общества предметом свободного обсуждения стал вопрос об ущербности того стиля, того стереотипа изложения истории, которые у нас насаждали. Как часто предметом острой критики становились присущие буржуазной науке схемы, которые исходили из гегелевской идеи о детерминированности истории как развертывании некоего Абсолютного Духа! Но что, как правило, противопоставлялось этому? Те же схемы, тот же детерминизм, пусть и чисто материалистический. Только на месте Абсолютного Духа были классовые интересы и борьба. Эта заданность истории ее собственными закономерностями обедняла научную мысль, сужала интеллектуальный и духовный кругозор людей. Полная ясность, предопределенность и безальтернативность исключали для историка возможность смотреть на предмет своего изучения, учитывая, что реальный ход событий мог бы быть и

иным, что в прошлом и настоящем человеческой цивилизации далеко не все так просто и безусловно, как это принято было подавать.

Ныне в нашей стране утверждается новое политическое мышление, суть которого — признание приоритета общечеловеческих ценностей. С теми же критериями логично подходить и к давнему и недавнему прошлому, к фактам, событиям и людям нашей истории, к таким масштабным социальным явлениям, как крестьянское восстание, революция или гражданская война. Ведь само понятие «революция» долгое время было одной из «священных коров» догматической идеологии и не подлежало подлинному диалектическому толкованию. Мы лишь теперь стали признавать, что революции несут с собой не только великие проявления героизма, но и великие трагедии, что знаменитые революционеры — не ходячие совокупности раз и навсегда отмеренных добродетелей, а люди, остающиеся людьми и в силе, и в слабости. Оперировав понятием «революция», мы полагали, что именно оно характеризует самые радикальные преобразования, закрывали глаза на то, что порой революции больше низвергают, чем создают.

Сейчас в нашей философской науке высказываются подчас противоположные мнения на этот счет. Так, Л. Олех пишет: «Революция — это праздник эксплуатируемых и угнетенных масс, создающих все ценности мира, в том числе и высшие типы цивилизации. Это та область деятельности, куда вовлекаются самые мужественные, справедливые и чистые люди. В революционном календаре записаны имена Спартака, Уота Тайлера, Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева и многих других»¹. Этой примелькавшейся парадно-патетической точке зрения не спешит вторить другой философ А. Ципко. Он считает, что отношение к трагедии гражданской войны — это мера истинной интеллигентности человека. «Мясорубка классовой борьбы, классовой войны, — по его мнению, — столь же отвратительна, как и мясорубка сталинских репрессий, тут нечему радоваться, нечем восхищаться. Нет ничего нравоучительного в том, что один класс с вдохновением истребляет другой, что брат воюет против брата»².

Плюрализм мнений предполагает и полярность, несовпадение взглядов на роль и место в нашем прошлом крестьянских войн, дискуссию по поводу того, что, в них заслуживает знака плюс, а что — минус. И, очевидно, этот спор будет столь же длительным и острым, как и полемика между сторонниками и противниками принципа распределительной справедливости.

Проблема, разобраться и определиться в которой историкам еще предстоит, — это нравственный аспект классовой борьбы. Пока тон тут задает публицистика. Однако кое-какие шаги в этом направлении уже сделаны и историками. 16 мая 1989 г. в Институте истории СССР АН СССР по инициативе редакции журнала «История СССР» был даже проведен «круглый стол» на тему история и нравственность, на котором присутствовали ученые-историки, журналисты, педагоги. Оживленная дискуссия возникла после того, как сотрудник Академии педагогических наук СССР Л. Сараскина, взывая как к последней инстанции к сочинениям Н. И. Костомарова, заявила, что крестьянские войны опрокидывали всякие общечеловеческие устои и несли с собой смерть, кровь и ужас. Народных предводителей, в особенности С. Т. Разина, Л. Сараскина в самой категорической форме назвала разбойниками с большой дороги. Хотя выступление Л. Сараскиной было целиком построено на эмоциях, оно произвело на аудиторию большое впечатление. С неменьшим вниманием был выслушан и известный историк, проф. В. И. Буганов, по мнению которого, нравственная переоценка крестьянских движений действительно необходима. Нужен, сказал он, объективный, взвешенный, не скоропалительный подход, причем на основе строго выверенных по источникам фактов.

Это, конечно, вовсе не означает, что крестьянские войны и тому подобные события превратятся в позорные страницы нашей истории. Нет, в зеркале времени они проступят такими, какими они были в действительности: со всеми их противоречиями, привлекательными и отталкивающими сторонами, с подлинными, неотфильтрованными историческими реалиями.

Равным образом обновление исторической науки, разумеется, не должно вылиться в ниспровержение и охаивание научного наследия предшествующих десятилетий. В нем не все равноценно и однозначно, немало подлежит пересмотру, но многое и очень многое, в том числе и труды, посвященные проблемам классовой борьбы в феодальной России, заслуживает самого бережного и уважительного отношения, ибо представляет собой непреложные научные ценности.

Историческая наука только тогда окончательно выйдет на новый уровень своего развития, а инновации в ней будут по-настоящему эффективными и благотворными, когда она впитает в себя лучшие традиции российской, советской и зарубежной историографии, возвратит незаслуженно забытые или несправедливо зачеркнутые имена.

Не все в сегодняшнем процессе обновления теории и практики истории идет гладко, не все получается. Сказывается порочный круг прежних принципов освещения прошлого, груз изживших себя подходов. Но процесс обновления развернулся масштабно и необратимо, и это обнадеживающий залог того, что советская историческая наука находится в начале большого пути постижения- минувшего с целью познания настоящего и предвидения будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: Тихомиров Б. Н. Разинщина. М.; Л., 1930. С. 3—9.

² См.: Сменцовский М. Н. Степан Разин в науке, литературе и искусстве: Библиогр. указ, с кратк. аннот. по 1 янв. 1930 г.//Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 193—239; № 8/9. С. 309—356.

³ См.: Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. Л., 1966. С. 102—222.

⁴ См., напр.: Нечкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965. С. 6—26; Пронштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

⁵ См.: Буганов В. И. Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России//Народы в Крестьянской войне 1773—1775. Уфа, 1977. С. 14.

⁶ См.: Ковальченко И. Д. Роль дискуссии в исторической науке// Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 21—33.

⁷ См.: Чистякова Е. В. Народные движения середины XVII в. в отечественной историографии//Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 22. Историография истории СССР. М., 1965. С. 173—210; Богданов А. П., Чистякова Е. В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII века//Вопр. лет. 1986. № 4. С. 45—57.

⁸ Искендеров А. На пути к правде//Правда. 1990. 20 февр. С. 3.

Ранние отклики

¹ См.: Золотарев П. Сказание летописно о Астрахани и о мучении преосвященного Иосифа митрополита и боярина и воевод... Ивана Семеновича Прозоровского с товарищи, и московских голов стрелецких Дмитрия Полуехтова да Алексея Соловцова, и дворян и детей боярских, и всякого чина людей... (Первая редакция с разночтениями. Подгот. к печ. Л. З. Мильготинной)//ПСРЛ: Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 7—9, 206—233.

² См., напр.: Мильготина Л. З. Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина // История и историки: Историографический ежегодник 1972., М., 1972. С. 365—400; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 41—45.

³ См.: Бычков А. Ф. Список церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. Ч. I. СПб, 1882. С. 22—23; Материалы для истории возмущения Стеньки Разина / Сост. А. Попов. М., 1857. С. 262—268.

⁴ См.: Материалы для истории возмущения... С. 265.

⁵ См.: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...». С. 41.

⁶ См.: Васенко П. Г. Заметки к Латухинской степенной книге // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Акад. наук. Т. 72. СПб, 1903. С. 82—85.

⁷ Ср.: Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН. 1763. Июль—декабрь. С. 409—425; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. III. Сб. док. М., 1962. № 81. С. 83—87.

⁸ См.: Аверин К. И. О Стеньке Разине // Москвитянин. 1841. № 7. Ч. IV. С. 165—170; Труды Отделения древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 444—448; Летопись самовидца о войнах Б. Хмельницкого, гетмана Запорожского с поляки, трудом Гр. Грабянки собранная. Киев, 1878. С. 97; Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. Л., 1966. С. 79; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...». С. 41.

⁹ См.: История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева... СПб, 1776.

¹⁰ См.: Там же. С. 51—53, 114—115, 188—189.

¹¹ Цит. по кн.: Бороздин А. К- Протопоп Аввакум: Очерки истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб, 1898. Приложение. С. 43.

¹² См.: Вологодские губернские ведомости. 1854. № 46; Ярославские губернские ведомости. 1872. № 38. См. также: Сб. док.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV. М., 1976. № 66, 67., С. 61—62.

¹³ См.: Сб. док.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV. № 66. С. 61.

¹⁴ См.: Вологодские губернские ведомости. 1854. № 46.

¹⁵ Сб. док.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV. № 67. С. 61.

¹⁶ См.: Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 44.

¹⁷ Сб. док.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV. № 191. С. 210.

¹⁸ Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1968. С. 86; Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 62.

¹⁹ Тихомиров Б. Источники по истории разинщины // Проблемы источниковедения. Сб. I. М.; Л., 1933. С. 64.

²⁰ См.: Иностранные известия... С. 11—14; Записки иностранцев... С. 106—115.

²¹ Иностранные известия... С. 11.

²² Там же.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Записки иностранцев... С. 107.

²⁵ Там же. С. 110.

²⁶ Там же. С. 111, 112.

²⁷ См.: Там же.

- ²⁸ См.: Там же. С. 130—131.
- ²⁹ См.: Там же. С. 49, 50, 51.
- ³⁰ Там же. С. 48.
- ³¹ См.: Там же. С. 52, 53, 54, 58.
- ³² См.: Пуфендорф С. Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями: Часть вторая. СПб, 1777. С. 412—413.
- ³³ См.: Стрейс Я. Я. Три путешествия, М., 1935. Анонимное письмо с корабля «Орел» и письмо Д. Бутлера приложены к книге Я. Стрейса.
- ³⁴ Записки иностранцев... С. 7.
- ³⁵ См.: Иностранные известия... С. 166—174; Chardin J. Voyages du chevalier Chardin en Pers et autres lieux de l'Orient. Т. X. Paris, 1811; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905; Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб, 1900..
- ³⁶ См.: Иностранные известия... С. 170—174.
- ³⁷ Там же. С. 51—75.
- ³⁸ См.: Там же. С. 67.
- ³⁹ Там же. С. 64, 68.
- ⁴⁰ Там же. С. 71.
- ⁴¹ См.: *Theatrum Europaeum. Francf. 1703. 2. 5. 517—524.*
- ⁴² См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. П. М., 1887. С. 158—184; Его же. Материалы для русской иконографии. Вып. 1 — 12. М., 1884—1891.
- ⁴³ См.: Пекарский П. П. О старинном чертеже, изображающем выступление стрельцов в поход против С. Разина // Изв. рус. археолог, общ-ва. Т. V. Вып. 6. СПб, 1865. С. 474—477.
- ⁴⁴ См.: Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. Н. Тихомирова. Т. 1. М., 1955. С. 104.
- ⁴⁵ См., напр.: Пиксанов Н. К. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине//Художественный фольклор. Вып. I. М., 1926. С. 54—66; Лозанова А. Н. К истории развития народной легенды. Первоначальное повествование о Степане Разине//Уч. зап. Саратов. гос. ун-та. Педфак. Т. V. Вып. 2. 1926. 185—189; Соколова В. К. Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева//Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. Т. 20. 1953. С. 17—56; Шептаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Л., 1969; Джанумов С. А. Русские исторические песни конца XVII — первой четверти XVIII века. М., 1970; Торопова Л. Образ народа и народного героя в русских исторических песнях о крестьянских войнах XVII—XVIII веков. Л., 1970.
- ⁴⁶ См., напр.: Чулков М. Д. Собрание разных песен. Ч. 1—4. СПб, 1770—1774; Костомаров Н. И. Народные песни, собранные в Саратовской губернии//Сарат. губ. ведомости. 1854. №№ 15, 16; Исторические песни. Баллады. М., 1986.
- ⁴⁷ См.: Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях/ Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Самойлов. М.; Л., 1956. С. 37—131; Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. С. 150, 155, 259.

Грозный призрак мятежа

- ¹ См.: Пушкин А. С. Соч./Под ред. П. О. Морозова. Т. IV. СПб, 1887. С. 271.
- ² См.: Попов М. Я. О месте казни и погребения С. Т. Разина//Вопр. ист. 1961. № 8. С. 121.
- ³ См.: Сб. док.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV. Примеч. № 202. С. 239.

- ⁴ См.: Сумароков А. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб, 1774; Щербатов М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб, 1774.
- ⁵ См.: Сумароков А. Сокращенная повесть... С. 4, 6, 12—13, 189, 192—193; Щербатов М. Краткая повесть... С. 202, 213.
- ⁶ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 353.
- ⁷ См.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1846. № 3. С. 58—74.
- ⁸ См., напр.: Попов А. История Войска Донского. Харьков, 1814. С. 104; Левшин А. Историческое обозрение (происхождения и последующей судьбы) уральских казаков//Северный Архив. 1823. Ч. 6. № 12. С. 381—399. Ч. 7. № 13. С. 1—16; Юматов В. Исследование о городе Гурьеве и взятии его С. Разиным//Оренбург, губ. ведомости. 1848. № 24. С. 146—148. № 25. С. 153—155; Головинский П. Слободские казачьи полки. СПб, 1864. С. 90—97; Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. I. СПб, 1866. С. 23—26.
- ⁹ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 110.
- ¹⁰ См.: Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 55.
- ¹¹ См.: Астапенко М. П. Где родился Степан Разин?//Вопр. ист. 1988. № 9. С. 141.
- ¹² См.: Соймонов Ф. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН. 1763. Июль—декабрь.
- ¹³ См.: Там же. С. 23, 33, 321—324.
- ¹⁴ См.: Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб, 1777. С. 77—99.
- ¹⁵ См.: Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб, 1867. С. 137—138.
- ¹⁶ См.: Манкиев А. И. Ядро российской истории. Кн. 7. М., 1791-С. 408; Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Т. 2. Киев. 1850. С. 235—236.
- ¹⁷ См.: наст. изд. С. 20.
- ¹⁸ См.: Величко С. Летопись событий... С. 235—236.
- ¹⁹ См.: Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М., 1841. С. 80—102.
- ²⁰ В этом отношении мы полностью разделяем мнение о том, что такое противопоставление препятствует правильной оценке роли русских просветителей в истории общественной мысли России. См.: Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.. С. 37.
- ²¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. III. М., 1917. С. 154—155.
- ²² Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. С. 346.
- ²³ См.: Древняя Российская Вивлиофика. Ч. IV. СПб, 1774. С. 368—384.
- ²⁴ Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. С. 89.
- ²⁵ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 10; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 57. См. также: Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 291.
- ²⁶ Радищев А. Н. Поли. собр. соч. 1938. М.; Л., Т. 1. С. 178. Т. 2. С. 128—129.
- ²⁷ Пушкин А. С. Соч. Т. V. М., 1954. С. 37.
- ²⁸ Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. Часть первая. СПб, 1831. С. 260—261.
- ²⁹ Мемуары декабристов: Южное общество/Под ред. И. В. Пороха и В. А. Федорова. М., 1982. С. 261—262.
- ³⁰ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 373; Кафенгауз Б. Б. Об исторических взглядах декабристов // Доклады и сообщения Ин-та ист. АН СССР. Вып. 10. М., 1956. С. 41; Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. ИЗ.

- ³¹ См.: Корнилович А. А. Ян Янсен Стрейс//Северный архив. Ч. IX. СПб, 1824. № 5. С. 275—290; Ч. X. № 7. С. 26—40.
- ³² См.: Сухоруков В. Д. О внутреннем составе донских казаков в конце XVII столетия//Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. XXVI. СПб, 1824.
- ³³ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 371.
- ³⁴ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 115.
- ³⁵ Сухоруков В. Д. О внутреннем составе донских казаков... С. 189.
- ³⁶ См.: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли и войска Донского. Новочеркасск, 1872.
- ³⁷ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 375.
- ³⁸ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли и войска Донского. С. 404—405.
- ³⁹ См.: Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII вв. Новочеркасск, 1892.
- ⁴⁰ См.: Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860. С. 180.
- ⁴¹ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 374—375.
- ⁴² См.: Розен А. Е. Записки декабриста. СПб, 1907. С. 175.
- ⁴³ См.: Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах: Восстание Пугачева. Т. I. Л., 1961. С. 25.
- ⁴⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. Письма. Л., 1979. № 96. С. 86.
- ⁴⁵ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XIII. М.; Л., 1937. С. 333, 335—336.
- ⁴⁶ Подробнее об этом см.: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 80—82.
- ⁴⁷ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников/Сост., подг. текста и коммент. В. Вацуро и др. Т. 2. М., 1985. С. 37.
- ⁴⁸ Языковский Архив. Ч. I. СПб, 1913. ССXXL.
- ⁴⁹ Русский Архив. Кн. II. 1873. С. 785—786.
- ⁵⁰ См.: Архив Раевских. Т. II. СПб, 1908. С. 190. Прим. 2; Историко-литературные очерки. СПб, 1895. С. 309.
- ⁵¹ См.: Трубицын Н. Н. О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык // Зап. ист.-фил. ф-та С.-Петербур. ун-та.. Ч. БУ СПб, 1900. С. 351—388.
- ⁵² Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах: Восстание Пугачева. Т. I. С. 46—47.

Эта трагическая борьба

- ¹ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 16.
- ² Белинский В. Г. Соч. Т. IV. М., 1954. С. 37, 398.
- ³ См., напр.: Ширинский-Шихматов П. А. Смерть преосвященного Иосифа, митрополита Астраханского и Терского//Тр. Российской Академии. Ч. V. 1842. С. 92—114; Любарский П. Иосиф Астраханский// Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1848. № 7. Отд. IV. С. 19—38; Смерть Иосифа, митрополита Астраханского и Терского//Сарат. губ. ведомости. 1845. № 38 и 39.
- ⁴ См.: Бобров В. Боярин и воевода князь И. С. Прозоровский // Астраханские губернские ведомости. 1847. № 23. Часть неофиц. С. 119—122.
- ⁵ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. СПб, 1899. С. 156.
- ⁶ См., напр.: Второе Н., Александров-Дольник К- Древние грамоты и древние письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Кн. I. Воронеж. 1851. Док. № VII и XXVIII; Саратовские губернские ведомости. 1850. № 6; Вологодские губернские ведомости. 1854. № 46; Приложение к № 24 Пензенских губернских ведомостей. Отдел второй неофиц. части. Пенза. 1854. И др.

- ⁷ См.: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857; Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.
- ⁸ См.: Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. С. 21, 23, 79—80.
- ⁹ См.: Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. IV. С. 731, 961.
- ¹⁰ См., напр.: Юматов В. Исследование о городе Гурьеве и взятии его Ст. Разиным//Оренбург, губ. ведомости. 1848. № 24, 25. С. 146—148, 153—155.
- ¹¹ См.: Бороздин М. Военно-энциклопедический лексикон. 2-е изд., Т. XI. СПб, 1856. С. 62—64.
- ¹² См.: Саратовские губернские ведомости. 1853. № 14 и 15; Астраханские губернские ведомости. 1853. Часть неофиц. № 26, 29, 30, 31, 32. С. 123—126, 141—143, 149—150, 157—159, 163—165.
- ¹³ Белинский В. Г. Соч. Т. VI. С. 474.
- ¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11, 12. М., 1961. С. 289.
- ¹⁵ См.: Очерки истории исторической науки... Т. 1. С. 316, 390—400; Иллерицкий В. Е. Исторические взгляды Белинского. М., 1953. С. 183.
- ¹⁶ Белинский В. Г. Соч. Т. VIII. М., 1955. С. 385.
- ¹⁷ См.: Герцен А. И. Собр. соч. Т. XII. М., 1957. С. 47, 107, 108. Т. VII. М., 1956. С. 187. Т. IX. М., 1956. С. 154. Т. XII. С. 47, 107. Т. XIII. М., 1958. С. 156.
- ¹⁸ См.: Там же. Т. VII. С. 187. Т. XII. С. 108. Т. XIV. М., 1958. С. 31.
- ¹⁹ Н. П. Огарев о литературе и искусстве. М., 1988. С. 145—146.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 175.
- ²¹ См.: Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854.
- ²² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 409, 412.
- ²³ См.: Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. С. ПО—116, 253.
- ²⁴ См.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III. М.; Л., 1962. С. 198. Т. IV. М.; Л., 1962. С. 203.
- ²⁵ Там же. М.; Л., 1962. Т. III. С. 128, 198.
- ²⁶ См.: Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 42—43, 94.
- ²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1947. С. 181, 298.
- ²⁸ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. VI. Т. II, 12. С. 127.
- ²⁹ См.: Там же. С. 286—287, 295.
- ³⁰ Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 123.
- ³¹ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. VI. Т. 11, 12. С. 298, 290, 309.
- ³² См.: Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 129.
- ³³ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. VI. Т. 11, 12. С. 289, 296. Кн. VII. Т. 13, 14. С. 45.
- ³⁴ Ср., напр.: Мартынов П. Празднование двухсотпятидесятилетнего юбилея города Симбирска. Симбирск. 1899. С. 53—54; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976. С. 108—109.
- ³⁵ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. VII. Т. 13, 14. М., 1962. С. 45, 116.
- ³⁶ См.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина//Исторические монографии и исследования. Т. II. СПб, 1863; Его же. Стенька Разин//Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел- господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. СПб, 1874.
- ³⁷ См.: Очерки истории исторической науки... Т. 2. М., 1960. С. 138; Иллерицкий В. Е. Русская историография второй половины XIX века. М., 1957. С. 44; Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. С. 192—193.

- ³⁸ См.: Костомаров Н. И. Стенька Разин. С. 326—327, 340; Его же. Бунт Стеньки Разина. С. 211—212.
- ³⁹ Очерки истории исторической науки... Т. 2. С. 138.
- ⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. X. М., 1951. С. 928.
- ⁴¹ См.: Летописи марксизма. М., 1930. Кн. II(XII). С. 68.
- ⁴² См.: Маркс К- Стенька Разин. Конспект монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина»//Мол. гвардия. 1926. Кн. 1. С. 104—125.
- ⁴³ Сарбей В. Г., Шаблювский Е. С. Костомаров в историографическом наследии Карла Маркса//Вопр. ист. 1967. № 8. С. 57.
- ⁴⁴ См.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. С. 203—205, 208, 325-327.
- ⁴⁵ См., напр.: Скрынников Р. Г. Спорные проблемы восстания Болотникова//История СССР. 1989. № 5. С. 92—110.
- ⁴⁶ См.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 177—178. См. также: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. С. 201.
- ⁴⁷ См.: Беляев И. Д. Русское общество при царе Алексее Михайловиче и его преемниках до самодержавия Петра I//Зритель. 1862. № 19. С. 600.
- ⁴⁸ См.: Ключевский В. О. Соч. Т. 3. М., 1957. С. 240.
- ⁴⁹ См.: Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII в.//Щапов А. П. Сочинения. Т. I. СПб., 1906; Его же. Земство и раскол / Там же; Его же. Великорусские области в смутное время (1606—1613) //Там же.
- ⁵⁰ См.: Щапов А. П. Русский раскол... С. 103, 219.
- ⁵¹ См., напр.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. 1. С. 136; Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963. С. 232—235.
- ⁵² См.: Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955. С. 163; Кадеон И. 3. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков//Вопр. ист. 1969. № 3. С. 152.
- ⁵³ См.: Карцев В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 91 и др.; Рогов А. И. Народные массы и религиозное движение в России второй половины XVII в.//Вопр. ист. 1973. № 4. С. 32—43.
- ⁵⁴ См., напр.: Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
- ⁵⁵ Щапов А. П. Великорусские области... С. 466—467.
- ⁵⁶ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971. С. 133—140 161 — 162, 221—223, 231, 237 и др.
- ⁵⁷ См.: Худяков И. А. Древняя Русь. СПб, 1867. С. 208—227.
- ⁵⁸ См.: Цамутали А. Н. История России в освещении И. А. Худякова // История и историки: Историография истории СССР. Сб. статей. М., 1965. С. 457.
- ⁵⁹ См.: Худяков И. А. Древняя Русь. С. 223, 224.
- ⁶⁰ См.: Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1868. С. 113
- ⁶¹ Радюкин Н. (псевдоним Н. В. Шелгунова,— В. С.). Романтизм русский//Дело. 1873. Кн. IX (сент.) С. 37.
- ⁶² Там же. С. 33. См. также: С. 33—34.
- ⁶³ Там же. С. 30.
- ⁶⁴ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 141.
- ⁶⁵ См.: Радюкин Н. Романтизм русский. С. 37—38. См. также: Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. С. 230.

- ⁶⁶ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 92.
- ⁶⁷ См.: Очерки истории исторической науки. Т. 2. С. 186.
- ⁶⁸ См.: Голицын Н. Н. История социально-революционного движения в России: 1861—1881. СПб, 1887. С. 49.
- ⁶⁹ Там же. С. 100—101.
- ⁷⁰ См.: Агитационная литература русских революционных народников: Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., 1970. С. 489. См. также: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники С. 85—86.
- ⁷¹ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 221—223, 231.
- ⁷² См.: Бакунин М. А. Государственность и анархия. Прибавление «А». Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Сб. док-тов. Т. I. М.; Л., 1964. С. 43, 46 и др. См. также: Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 137—138.
- ⁷³ См.: Плеханов Г. В. Соч. в 24-х томах. М.; Л., 1923—1927 Т. I С. 29. Т. II. С. 133. Т. V. С. 4. Т. XX. С. 12, 101—105, 205, 362 и др.
- ⁷⁴ См.: Шелгунов Н. В. Воспоминания. Шт., 1923. С. 167 и др.
- ⁷⁵ См.: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. С. 190.
- ⁷⁶ Краткая русская история. 862—1862. Вып. I. С. 11.
- ⁷⁷ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 138—139.
- ⁷⁸ См.: Иловайский Д. И. История России. Т. V. М., 1905. С. 353—354, 368; Его же. Руководство к русской истории: Средний курс. 40-е изд. М., 1901. С. 142—143; Иловайский Д. И., Фармаковский Б. В. Русская история с присовокуплением необходимых сведений из истории всеобщей. 9-е изд. СПб, 1902.
- ⁷⁹ См.: Либен П. Ф., Шуйская А. П. Краткий курс русской истории. 3-е изд. СПб, 1893. С. 37; Баженов Н. А. Учебник русской истории для 3-го кл. гимназий. 7-е изд. Кронштадт, 1901; Острогорский М. Я. Учебник русской истории. Элементарный курс. 9-е изд. СПб, 1905; Сальников А. Н. Краткий учебник русской истории в биографических очерках. СПб, 1893; Беллярминов И. И. Курс русской истории (элементарный). 9-е изд. СПб, 1903.
- ⁸⁰ См.: Адрианов С. Русский социалист XVIII века // Исторический вестник. 1895. № X. С. 204—221.
- ⁸¹ Лебедев Б. Стенька Разин. М., 1912. С. 67.
- ⁸² См.: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. III. М., б. г. С. 117.
- ⁸³ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 143.
- ⁸⁴ См.: Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. М., 1909. С. 157.
- ⁸⁵ Иванов Н. Из русской старины. Бунт Стеньки Разина. 2-е изд. М., 1917. С. 4—6.
- ⁸⁶ См.: Катаев И. Стенька Разин. М., 1906. С. 40.
- ⁸⁷ См.: Сташевский Е. Народные волнения в Московском государстве // Рус. история в очерках и статьях. Т. 3. / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. С. 4, 470—486.
- ⁸⁸ Ср.: Иванов Н. Из русской старины. Бунт Стеньки Разина. М., 1906. С. 18; Его же. Бунт Стеньки Разина: (из русской старины). 2-е изд., заново перераб. М., 1917. С. 62.
- ⁸⁹ См.: Лебедев Б. Стенька Разин. М., 1912; Корсакова В. Разин Степан Тимофеевич (Стенька) // Рус. биографический словарь. СПб, 1910. С. 415—420; Уланов В. Я. «Разиновщина» // Три века: Сб. М., 1912.
- ⁹⁰ Уланов В. Я. «Разиновщина». С. 229.
- ⁹¹ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 143.

⁹² Никольский В. А. Народные движения в России//Семнадцатый век: Стенька Разин и разиновщина. СПб, 1911. С. 49.

⁹³ См.: Акаемов Н. Ф. Город Курмыш в XIV—XVIII веках. Казань. 1894; Багалеи Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Беляев И. Город Краснослободск и его уезд до 1700 года//Пенз. губ. ведомости. 1867. № 46—50; Быкадыров В. Былое Дона. СПб, 1907; Дубасов И. И. Казацко-крестьянское движение Разина в пределах Тамбовского края // Очерки истории Тамбовского края. Вып. И. М., 1883. С. 27—35; Кабанов А. К- Разницы в Нижегородском крае: (Приемы бунта и усмирения) //Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 413—428; Краснодубровский С. С. Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891; Красовский В. Э. Прошлое города Корсуна. Симбирск, 1903; Мартынов П. Город Симбирск... Симбирск, 1898; Масловский А. И. Бунт Стеньки Разина в пределах Пензенской губернии//Памятная книга Пензенской губернии на 1889 г. Пенза, 1888. С. 368—387; Никольский П. Отголоски бунта Разина в пределах нынешней Воронежской губернии // Воронежская старина. Вып. 13. Воронеж. 1914. С. 122—130; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882; Петерсон Г. П. Исторический очерк Керенского края. Пенза. 1882. Поливанов В. Н. Курмышская старина, Симбирск, 1899; Порфирьев С. И. Разинщина в Казанском крае // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казан, ун-те. Т. XXIX. Вып. 5—6. Казань, 1916. С. 291—328; Рябинский К. Город Козьмодемьянск Казанской губернии. Казань. 1890; Смагин Г. Д. Описание Нижне-Ломовского края: Опыт изучения Нижне-Ломовского уезда в историческом, географическом и этнографическом описании. Н. Ломов, б. г.; Соловьев А. И. Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Симбирск, 1907; Терпигорев С. Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле// Ист. вестник. 1890. № 40, 41; Федоров К. Ф. Село Большое Мурашкино. М., 1891; Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова и его округи. Саратов, 1891. Щегольков. Н. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. И др.

⁹⁴ См.: Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке: Исторический очерк. М.; Л., 1927; Его же. Народные движения в России до XIX века. М., 1924; Его же. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина//Исторические характеристики и эскизы. Казань, 1930; Его же. Разин и Разиновщина // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. XXXV. С. 486—508. М., б. г. И др.

⁹⁵ См.: Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. СПб; М., 1906.

⁹⁶ См., напр.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 510; Степанов И. В. Крестьянская война... Т. 1. С. 147, 148; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 299.

⁹⁷ См.: Соболевский А. И. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни: Критические заметки (о соч. проф. Н. Н. Фирсова под вышеназв. назв.) //Мирн. труд. 1907. № 10. С. 177—184.

⁹⁸ См.: Фирсов Н. Н. Крестьянские волнения до XIX века//Великая реформа: Сб. [СПб], 1911.

⁹⁹ См.: Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление... 2-е изд. СПб; М., 1914. С. 7, 28—32, 47, 49—50.

¹⁰⁰ См.: Степанов И. В. Крестьянская война... Т. I. С. 155.

¹⁰¹ Там же. С. 154.

Советская историография крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина вчера, сегодня, завтра

¹ См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 343—437.

² См.: Маркс К. Стенька Разин//Мол. гвардия, 1926. № 1. С. 115, 117.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 77.

⁶ Подробнее об этом см.: Компан Е. С. В. И. Ленин о классах, сословиях и классовой борьбе в феодальном обществе // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 291—301; Мавродин В. В. В. И. Ленин о классовой борьбе крестьян в феодальной России // Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 5—13; Чистякова Е. В., Мальцева И. Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985. С. 26—32.

⁶ См., напр.: Фирсов В. Стенька Разин — вольный атаман. М., 1919; Коваленский М. Н. Учебник русской истории. Ч. П. 2-е изд. М., 1922; Пичета В. И. История крестьянских волнений в России. М., 1923; Феноменов М. Я. Разиновщина и Пугачевщина. М., 1923; Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Пб., 1923; Его же. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924; Шефер А. Вольный атаман Ст. Разин, предводитель крестьянского восстания. М., 1923; Грекулов Е. Ф. Стенька Разин. М., 1924; Ржига Н. Разиновщина и раскол в Нижегородском крае//Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Н. Новгород. 1924. С. 115—134; Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. III. 6-е изд. Л., 1924; Его же. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 и 2. 8-е изд. М.; Л., 1929; Балабанов М. История революционного движения в России. Киев, 1925; Дубровский С. М. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: (сборник статей, посвященных великим крестьянским войнам). М., 1925; Звенигородская М. Социальные взаимоотношения в XVII в. и разиновщина в Симбирском крае//Край Ильича. Казань. 1926. № 1. С. 33—39; Полосин И. И. Крестьянская революция (XVII в.). М., 1926; Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.; Л., 1927; Ладоха Г. Разиновщина и пугачевщина. М.; Л., 1928; Лугина Н. К. Степан Разин. М.; Л., 1929.

⁷ См.: Рожков Н. Методика преподавания истории и история XIX века: Лекции, читанные на сентябрьских педагогических курсах 1918 г. в Петрограде. Пг., 1918. С. 23; Ростов Н. М. Мятежная Русь. Степан Разин и Емельян Пугачев. М., 1928; Михайлов В. Разиновщина. М., 1920; Грекулов Е. Ф. Стенька Разин. С. 20; Тихомиров Б. Н. Разинское движение на Слободской Украине // Исторический сборник АН СССР. Т. 2. Л., 1934. С. 104; Лугина Н. К. Степан Разин. С. 59; Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. И др.

⁸ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 299.

⁹ См.: Томсинский С. Г. Колонии Московского государства накануне восстания Разина//Крепостная Россия: Сб. статей. Л., 1930. С. 97—124; Его же. Разиновщина (1666—1671 гг.)//Проблемы марксизма. 1930. № 2; Его же. Крестьянское движение в феодально-крепостной России. Л., 1932; Его же. Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. 1. Крестьянские войны в эпоху образования империи. М.; Л., 1934.

¹⁰ См.: Пионтковский С. Историография крестьянских войн в России//Историк-марксист. 1933. № 6; Тихомиров Б. Н. Разиновщина. М.; Л., 1930; Мартынов М. Против буржуазных тенденций в советской исторической литературе//Проблемы марксизма. 1930. № 5—6.

¹¹ См., напр.: Фирсов Н. Н. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин»//Каторга и ссылка. 1924. № 3.

¹² См.: Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Пб., 1923.

¹³ См.: Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987. С. 127.

¹⁴ См.: Тихомиров Б. Н. Источники по истории разиновщины//Проблемы источниковедения: Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 50—69; Его же. Разиновщина. М.; Л., 1930; Его же. Разинское движение на Слободской Украине// Исторический сборник АН СССР. Т. 2. Л., 1934. С. 97—115.

¹⁵ См.: Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма//Вопр. ист. 1962. № 1. С. 50; Мавродин В. В. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России//Вопр. ист. 1961. № 5. С. 37; Степанов И. В.

Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Т. 1. Восстание Степана Разина. С. 211; Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 212; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 6.

¹⁶ См.: Дружинин Н. М. Крестьянские восстания XVII в. М., 1932; Георгиевская-Дружинина Е. В. Нечай (Степан Разин). М., 1931; Нечкина М. В. Как жили и боролись крестьяне в крепостное время. М., 1934; Ее же. Крестьянские революции Разинщина и Пугачевщина. М.; Л., 1930.

¹⁷ См.: Кравцов Д. Е. Отголоски разинщины на Украине // Тр. Ин-та славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. 2. С. 77—99; Губайдуллин Г. С. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века // Вест. научного общества татароведения. 1930. № 9—10.

¹⁸ См.: Кравцов Д. Е. Отголоски разинщины на Украине. С. 82.

¹⁹ См.: Сменцовский М. Н. Степан Разин в науке, литературе и искусстве: Библиогр. указ, с кратк. аннот. по 1 янв. 1930 г. // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 193—239; № 8/9. С. 309—356.

²⁰ См., напр.: Нечкина М. В. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. статей. Ч. I. М.; Л., 1939. С. 244—275.

²¹ См.: Совещание по истории крестьянских войн // Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934. С. 285—302.

²² См.: Новосельский А. А. Вольные и переходные люди в южных уездах русского государства в XVII веке // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962; Его же. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века // Ист. записки. 1945. № 16; Новосельский А. А., Чаев Н. С. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 277—312; Стецюк К. Вплив повстання Степана Разина на Україну. Київ, 1947; Ее же. З історії спільної боротьби російського і українського народів проти феодально-кріпосницького гніту в другій половині XVII ст. (Іван Дзиковський) // Інститут історії України. Київ. Наукові записки. Т. 4. Київ, 1952. С. 187—205; Ее же. Казацько-селянське повстання на слободській Україні 1670 р. в зв'язку з повстанням Степана Разина // Інститут історії і археології України. Наукові записки... Кн. 1. 1943. С. 165—180. Кн. 2. 1946. С. 152—165; Дидиченко В. Антифеодальні повстання в Росії і на Україні в XVII—XVIII ст. Київ, 1954; Юхт А. Астрахань в період Крестьянской войны под предводительством Степана Разина // На Волге широкой. Астрахань. 1956. С. 214—224; Гулиев А. Н. Новые данные о пребывании Степана Разина в Азербайджане // Доклады АН Азерб. ССР. Т. 14. № 3. Баку, 1958. С. 263—267.

²³ См.: Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. Л., 1966. Начальный период крестьянской войны. Т. II. Ч. 1. Л., 1972.

²⁴ См.: Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 94—175.

²⁵ См.: Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. I. Л., 1967. С. 62.

²⁶ См.: Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина: 1707—1709. М., 1962.

²⁷ См.: Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984/С. 213.

²⁸ См.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук (07.00.09). М., 1980; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Пронштейн А. П., Мининков Н.

А. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983; Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства в России XVII—XVIII вв. // Вопр. ист. 1981. № 3. С. 34—52; Рындзюнский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений 1770—1850 годов и методы ее изучения // Вопр. ист. 1983. № 5. С. 4—16; Скобелкин О. В. Разинские атаманы в Воронежском крае // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 101—111; Соловьев В. М. К вопросу об участии городского населения в Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина // История СССР. 1982. № 2. С. 143—150.

²⁹ См., напр.: Румянцев В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986; Буганов В. И., Медушевский А. Н. Американские историки о социальной психологии крестьянства России периода феодализма // История СССР. 1986. № 5. С. 205—210; Дмитриев В. Д. Совместная борьба трудовых масс народов Среднего Поволжья против эксплуататоров в крестьянских войнах XVII века // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 40—47; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 62—75; Рындзюнский П. Г. О некоторых спорных вопросах в истории крестьянского движения в России // Вопр. ист. 1987. № 8. С. 79—88; Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Разин и разницы на мордовской земле. Саранск, 1986; Их же. Степан Разин и его соратники. М., 1988.

³⁰ См.: Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 156—158, 408—409 и др.

³¹ См.: Пионтковский С. Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 115; Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 167; Симонов С. Пугачевщина: Третья крестьянская революция в России. М., 1931. С. 140.

³² См.: Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. С. 6.

³³ См., напр.: Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства в России XVII—XVIII вв. // Вопр. ист. 1981. № 3. С. 34—52.

³⁴ Павленко Н. И. Не превращать историю в арифметику // «Круглый стол»: Историческая наука в условиях перестройки // Вопр. ист. 1988. № 3. С. 20.

³⁵ См.: Там же.

³⁶ Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма. С. 217.

³⁷ См.: Народы Азии и Африки. 1987. № 3. С. 78—90. № 4. С. 93—109. № 5. С. 51—62. № 6. С. 72—85; 1988 № 2. С. 55—66, 132—136. № 4. С. 66—76. № 3. С. 65—75.

³⁸ См., напр.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.

³⁹ См.: Рындзюнский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений... С. 4—16.

⁴⁰ См.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783—1883 гг. М., 1986. С. 40.

⁴¹ См.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974.

⁴² См.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах: Восстание Пугачева / Отв. ред. проф. В. В. Мавродин. Т. 1—3. Л., 1961—1970; Лимонов Ю. А. и др. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965; Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5; Маньков А. Г. Круги в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967; Пронштейн А. П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. // Актуальные проблемы науки: Сб. статей. Ростов н/Д., 1967; Буганов В. И., Чистякова Е. В. О некоторых вопросах второй крестьянской войны в России // Вопр. ист. 1968. № 7; Назаров В. Д. О некоторых

особенностях крестьянской войны в начале XVII в. в России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972; Буганов В. И. Об идеологии участников крестьянских войн в России//Вопр. ист. 1974. № 1; Его же. К вопросу о географии второй крестьянской войны в России // Историческая география России XVII — начала XX в. М., 1975; Его же. К изучению крестьянских войн в России//Вопр. ист. 1976. № II; Его же. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976; Корецкий В. И. О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянского восстания//Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974; Его же. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; Санин Г. А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII—начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства//Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. И др.

⁴³ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. I. М., 1954; Т. II. Ч. I—II. М., 1957—1959; Т. III. М., 1962; Т. IV. М., 1976; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968; Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

⁴⁴ См.: Смирнова Т. И. Побег крестьян накануне выступления С. Т. Разина//Вопр. ист. 1956. № 6. С. 129—131; Нестеров В. А. Чувашия накануне Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина // Тр. Чуваш, с.-х. ин-та. Т. 5. Вып. 2. Чебоксары. 1962. С. 187—201; Скляр И. М. Крестьянское движение в Среднем Поволжье накануне восстания под предводительством С. Т. Разина: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. М., 1969; Витков З. А. Еще раз о Кагальницком казачьем городке//Уч. зап. Курск, пед. ин-та. Т. 58. Орел, 1970. С. 298—325.

⁴⁵ См.: Стецюк К. I. Народні рухи на Лівобережній і Слободській Україні в 50—70-х роках XVII ст. Київ. 1960; Тихонов Ю. А. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье//Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 270—282; Швецова Е. А. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина на территории Тамбовского уезда. (Предпосылки и характер движения) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 296—304; Пронштейн А. П. Участие донского казачества в Крестьянской войне под предводительством Степана Разина // История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д., 1965. С. 115—125; Прохоров В. А. Никифор Черток — сподвижник Разина//Вопр. ист. 1968. № 6. С. 211—214; Клеянкин А. В. «Разинские работники» на Волге//Вопр. ист. 1969. № 4. С. 138—147; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. С. 326—341.

⁴⁶ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России (втор. пол. XVII—XVIII в.) //Вопр. ист. 1964. № 12. С. 27—53; Их же. Народное движение в России XVII—XVIII вв. и абсолютизм//Абсолютизм в России: (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 50—91; Их же. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.//Крестьянские войны в России: проблемы, поиски, решения. С. 239—269; Борисов А. М. Церковь и восстание под руководством С. Разина//Вопр. ист. 1965. № 8. С. 74—83; Заозерская Е. И. Восстание Степана Разина: (Общий обзор)//Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 166—192.

⁴⁷ Лунин Б. В. Степан Разин: Краткий исторический очерк. Ростов н/Д., 1960, 1971; Болдырева Н. Д. Разин на эшафоте//Советские архивы. 1966. № 3. С. 74—75. И др.

⁴⁸ См.: Степанов И. В. Гулящие-работные люди в Поволжье в XVII в.//Ист. зап. № 36. 1951. С. 142—164; Его же. Социально-политическая обстановка на Дону накануне Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина // Уч. зап. Ленингр. ун-та. № 270. Сер. ист. наук. Вып. 32. 1959. С. 34—59; Его же. К истории крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина: (Смотренный список № 38 как исторический источник) //

Вест. Ленингр. ун-та. 1961. № 2. Сер. истории, языка, лит. Вып. 1. С. 68—76; Его же. Из истории Крестьянской войны 1670—1671 гг.: (Разгром повстанцами правительственных войск под деревней Бойкино и городом Тамбовом 4 дек. 1670 г.) //История СССР. 1964. № 2. С. 144—151; Его же. Обзор архивных фондов и материалов о Крестьянской войне под предводительством С. Разина, центральных правительственных учреждений Русского государства XVII века//Вест. Ленингр. ун-та. 1969. № 20. Сер. истории, языка, лит. Вып. 4. С. 59—67; Его же. Борьба крестьянско-казацкого повстанческого войска за Симбирск//Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 174—185.

⁴⁹ См.: Степанов И. В. Крестьянская война под предводительством Ст. Разина в Среднем Поволжье//Уч. зап. Ленингр. ун-та. № 205. Сер. ист. наук. Вып. 24. 1956. С. 125—166.

⁵⁰ См.: Степанов И. В. К вопросу о движущих силах крестьянской войны 1670—1671 годов в России // Науч. тр. Тюмен. ун-та. Сб. 8. Тюмень. 1975. С. 3—11.

⁵¹ См.: Степанов И. В. Степан Разин: Стенограмма публичной лекции, прочит, в Ленинграде в 1950 г. Л., 1950; Его же. О некоторых вопросах истории крестьянской войны 1670—1671 годов в России//Вест. Ленингр. ун-та. 1959. № 14. Сер. истории, языка и лит. Вып. 3. С. 122—124.

⁵² См.: Степанов И. В. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (1670-1671 гг.). М., 1957.

⁵³ Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. Л., 1966; Начальный период Крестьянской войны. Т. II. Ч. 1. Л., 1972.

⁵⁴ Степанов И. В. Крестьянская война в России... Т. II. Ч. 1. С. 3.

⁵⁵ См.: Там же. Т. I. С. 140, 141.

⁵⁶ См.: БСЭ. 2-е изд. Т. 23. С. 361—364.

⁵⁷ См.: Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. 1667—1671 гг. М., 1955; Его же. Крестьянская; война под руководством Степана Разина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1964.

⁵⁸ См.: Лебедев В. И. Крестьянская война под руководством Степана Разина... С. 129.

⁵⁹ См.: Там же. С. 43.

⁶⁰ См.: Там же. С. 133.

⁶¹ Маньков А. Г. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в.//Ист. зап. № 64. 1959. С. 217—232; Его же. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962; Его же. Правовое положение крестьян по Уложению 1649 г.//Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 141 — 148.

⁶² См.: Маньков А. Г. Круги; в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения. С. 264—279.

⁶³ См.: Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 173.

⁶⁴ См.: Буганов В. И., Чистякова Е. В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // Вопр. ист. 1968. № 7. С. 36—51; Чистякова Е. В. Вторая крестьянская война в России//Преподавание истории в школе. 1971. № 3; С. 15—22; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976. С. 51 — 112.

⁶⁵ См.: Буганов В. И. Степан Тимофеевич Разин//История СССР: 1971. № 2.1 С. 62—74; Его же. Военное искусство в походах Степана Разина//Военно-исторический журнал. 1973. № 12. С. 80—86; Его же. Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы второй Крестьянской войны в России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 287—306; Его же. О «повстанческом архиве» главного войска С. Т. Разина//Сов. архивы. 1975. № 64 С. 82—89; Его же. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976. С. 51—112; Его же. К изучению «повстанческого архива» второй Крестьянской войны в России // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.). Ч. 1. Минск. 1978. С.

46—56; Его же. Степан Разин//История: Науч.-попул. очерки. М., 1985. С. 8—13; Его же. Очерки-истории классовой борьбы в России XI—XVIII вв. М., 1986. С. 151—168:

⁶⁶ См., напр.: Чистякова Е. В. Степан Тимофеевич Разин//Вопр. ист. 1971. № 8. С. 130—144; Ее же. Василий! Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963; Ее же. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье и роль атаманы Алёны//Алёна Арзамасская-Темниковская.: Историко-литературный сб. / Сост П. П. Смирнов, Е. В. Чистякова. Саранск, 1986. С. 5—13; Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988.

⁶⁷ См.: Чистякова Е. В. Астрахань в период восстания Степана Разина//История СССР. 1957. № 5. С. 188—202; Ее же. Василий Ус — сподвижник Степана Разина. С. 49—59.

⁶⁸ См.: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Разин и разницы на' мордовской земле. Саранск, 1986.

⁶⁹ См.: Чистякова Е. В. Крестьянское движение в Подмоскowie и поход Василия Уса (1666 г.)//Вопр. ист. 1953. № 8. С. 128—133; Чистякова' Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» С. 41—49.

⁷⁰ См., напр.: Пронштейн А. П. Участие донского казачества в Крестьянской войне под предводительством Степана Разина // История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д., 1965. С. 115—125; Его же. Роль донского казачества в крестьянской войне под предводительством Степана Разина (к историографии вопроса) // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 155—173; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

⁷¹ См.: Пронштейн А. П. Решенные и нерешенные; вопросы истории крестьянских войн в России//Вопр. ист. 1967. № 7. С. 151—161; Его же. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. // Актуальные проблемы науки: Сб. статей. Ростов н/Д., 1967. С. 57—67.

⁷² См.: Сахаров А. Н. Из истории крестьянской войны под руководством Ст. Разина//Ист. архив. 1957. № 4. С. 221—223; Его же. Антикрепостнические тенденции в русской деревне XVII века//Вопр. ист. 1964. № 3. С. 69—96; Его же. Русская деревня XVII в.: По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966. С. 214—223.

⁷³ См.: Сахаров А. Н. Степан Разин. М., 1973. М., 1987.

⁷⁴ См.: Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 148—165.

⁷⁵ Там же. С. 148.

⁷⁶ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 13—14. М., 1962. С. 45.

⁷⁷ Ср.: Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707—1708 гг.)//Историк-марксист. 1933. № 3. С. 48; Его же. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 67; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I. М., 1954. С., 252—253.

⁷⁸ См.: Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 304.

⁷⁹ См.: Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. С. 270—279.

⁸⁰ См.: Лебедев В. И. Булавинское восстание. М., 1967.

⁸¹ См.: Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина: 1707—1709. М., 1962.

⁸² См.: Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Народные движения в России в XVII—XVIII вв. и абсолютизм//Абсолютизм ;в России. М., 1964. С. 50—91.

⁸³ См.: Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.: (К теории проблемы) //Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы,

поиски, решения. С. 9, 10; Его же. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций // Коммунист, 1975. № 1. С. 70.

⁸⁴ См.: Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 292.

⁸⁵ Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России // Сов. историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. I. Л., 1967. С. 65.

⁸⁶ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1965. С. 42—43.

⁸⁷ См.: Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России. С. 67.

⁸⁸ Пантин И. К. и др. Революционная традиция в России... С. 40.

⁸⁹ Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1986. С. 212.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: Скрынников Р. Г. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92—110.

⁹² См.: Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России. С. 66; Смирнов И. И. Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 33.

⁹³ См.: История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3-х т. Т. 2. М., 1986. С. 586—587.

⁹⁴ См.: Троицкий С. М. Самозванцы в России в XVII—XVIII вв. // Вопр. ист. 1969. № 3. С. 134—146; Longworth Ph. The pretender phenomenon in eighteenth century Russia // Past a. present. Oxford. 1975. № 66. P. 61—83; Мильников А. С. Легенда о русском принце. Л., 1978.

⁹⁵ См.: Карцев В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1; Чистов, К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1971. С. 88—89; Рогов А. И. Народные массы и религиозное движение в России во второй половине XVII в. // Вопр. ист. 1973. № 4. С. 32—43; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Румянцева В. С. О крестьянах-раскольниках кануна восстания С. Т. Разина // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 270—286; Клибанов А. И. Народная, социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 110—135.

⁹⁶ См., напр.: Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М., 1955. С. 89—105; Борисов А. М. Церковь и восстание под руководством С. Разина // Вопр. ист. 1965. № 8. С. 74—83; Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 41.

⁹⁷ Рындзюнский П. Г. Идеальная сторона крестьянских движений... С. 13.

⁹⁸ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 145.

⁹⁹ См.: Там же. С. 188—198 и др.

¹⁰⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С., 283.

¹⁰¹ Рындзюнский П. Г. Идеальная сторона крестьянских движений... С. 10.

¹⁰² См.: Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны 1773—1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71—88.

¹⁰³ См.: Там же.

¹⁰⁴ Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 89.

¹⁰⁵ Там же, С. 90.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

¹⁰⁷ История крестьянства в Европе. Т. 2. С. 577.

- ¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.
- ¹⁰⁹ Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. С. 307.
- ¹¹⁰ Рындзюнский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений... С. 16.
- ¹¹¹ См.: Назаров В. Д., Рахматуллин М. А. Факторы и формы совместной борьбы народов России в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева: (к постановке проблемы)//Народы в Крестьянской войне 1773—1775. Уфа, 1977. С. 47. См. также: Соловьев В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 88—89.
- ¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40.
- ¹¹³ См.: Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. С. 75, 87, 88.
- ¹¹⁴ См.: Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма: (Постановка проблемы)//История СССР. 1989, № 2. С. 39—67.
- ¹¹⁵ См.: Павленко Н. И. Не превращать историю в арифметику// Вопр. ист. 1988. № 3. С. 20.
- ¹¹⁶ Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. С. 285.
- ¹¹⁷ См., напр.: Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV—середина XIX века). М., 1983. С. 236—240.
- ¹¹⁸ Павленко Н. И. Не превращать историю в арифметику//Вопр. ист. 1988. № 3. С. 20.

Разинское движение в трактовке зарубежных историков

- ¹ См., напр.: Буганов В. И., Медушевский А. Н. Американские историки о социальной психологии крестьянства России периода феодализма// История СССР. 1986. № 5. С. 205—210.
- ² См., напр.: Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985; Кристенсен С. О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников. М., 1989.
- ³ См.: Merimee Pr. Les Cosaques d'autrefois. 3^m ed. P. 1889.
- ⁴ См.: Op. cit. P. 295, 305, 306, 318, 327.
- ⁵ См.: Валишевский К. Первые Романовы. М., 1911- М 1989
- ⁶ Там же. С. 123.
- ⁷ См.: Там же. С. 138.
- ⁸ См.: Там же. С. 132
- ⁹ См.: Там же. С. 135.
- ¹⁰ См.: Там же.
- ¹¹ См.: Там же. С. 128, 135, 138—139 144
- ¹² Там же. С. 146.
- ¹³ См.: Grand Dictionnaire universel du XIXe siecle par Pierre Larousse T. 13. P. 747.
- ¹⁴ См., напр.: Grand Larousse encyclopedique en dix volumes. V. 9 P. 1964. P. 37
- ¹⁵ См., напр.: Encyclopedia international. New York. V. 15 P 307. The New Encyclopedia Britanica in 30 volumes. V. VIII. Chicago, London Toronto, Geneva, Sydney, Tokyo, Manila, Seoul. 1978. P. 443; La Grande Encyclopedic inventaire raisonne des science, des lettres et des arts par une Sociefe de savants et de gens de lettres. T. 28. Paris. P. 197—198; De Grote Winlder prins encyclopedieen in twintig delen. D. 16, Amsterdam; Brussel. P. 150.
- ¹⁶ См., напр.: Neander I. Grundriige der russischen Geschichte —3 gegeniiber der 2 unverand. Aufl. Darmstadt, 1987; Shanin T. Russia as a «developing society». Basihgstoke; London, 1985. (The roots of othernesse: Russia's turn of century. V. 1); Gibson M. Spotlight on the Russian revolution. Hove; Wayland, 1986.
- ¹⁷ См., напр.: Bazyłow L. Historia Rosji. Warszawa. 1983. T. 1; Hoffman P. Der Obergang von Feodalismus zum Kapitalismus in Rusland mid die Epoche der Russichen Bauernkriege ah Forschungsproblem//Der deusche Bsuernkrieg 1524/25. Berlin. 1977. S. 225—235.

- ¹⁸ См. Wierzchowski M. Sokol stepowy. Warszawa. 1961. S. 247
- ¹⁹ См. Кристенсен С. История России XVII в.: Обзор исследований и источников, М., 1989.
- ²⁰ См. Там же. С. 78—91.
- ²¹ Там же. С. 78.
- ²² См. Там же.
- ²³ См. Буганов В. И. О труде С. О. Кристенсена по историографии России XVII столетия//Кристенсен С. О. История России XVII в. С. 16—18.
- ²⁴ См. Там же. С. 84—85, 86—87 и др.
- ²⁵ Konovalov S. Ludvig Fabritius's account of the Razin Rebellion//Oxford Slavonic papers. V. 6. Oxford, 1956. P. 72—101; Razin's Execution: two Contemporary Documents//Oxford Slavonic papers V. 12 Oxford 1965. P. 94—98; Field C. The Great cossak: The rebellion of Stenka Razin against Alexis Michaelovitch, tsar of All the Pussias. London [194—].
- ²⁶ См.: Field C. The Great cossak. P. 5.
- ²⁷ См.: Mousnier R. Fureurs paysannes. Les paysans dans les revoltes du XVII siecle (France, Russie, Chine). P., 1967.
- ²⁸ См.: Op. cit. P. 157—234, 308—309, 323—329
- ²⁹ См.: Op. cit. P. 345—346.
- ³⁰ Кристенсен С. О. История России XVII в. С. 89. См. также Mousnier R. Op. cit. P. 333, 334, 348, 350.
- ³¹ См.: Avrich P. Russian Rebels 1600—1800. N. Y., 1972. P I 46 116, 118, 256—257; Blum J. The End of the Old Order in rural Europe. Princeton, 1978; Lord and Peasant in Russia from Ninth to Nineteenth Century. Princeton, 1961; Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; London. 1961.
- ³² См.: Tilly C h. The changing Place of collective Violence//Essays in Theory and History. An approach to the Social Sciences. Cambridge; Mass., 1970.
- ³³ См.: Histoire des Paysanns. P., 1982.
- ³⁴ См.: Eckaute D. Les brigandes en Russie du XVIIe au XIXe siecle: mythe et realite//Revue d'histoire moderne et contemporaine. T. 12. P., 1965. P. 161—202.
- ³⁵ См.: Schakovskoy Z. La vie quotidienne a Moscou au XVIIe siecle. Librairie Hachette. 1963. P. 233—255.
- ³⁶ См.: Op. cit. P. 240—242.
- ³⁷ См.: Troy at H. Catherine la Grande. P., 1977. P. 294.
- ³⁸ См.: Fuhrmann J. T. Tsar Alexis, his reign and his Russia. (Academie internstional Presse). 1981. P. 181—188.
- ³⁹ Блок Марк. Апология истории, или ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986. С. ПО.
- ⁴⁰ Fuhrmann J. T. Op. cit. P. 187—188.
- ⁴¹ См.: Long worth Ph. The last great cossak — peasant rising//J. of Europ. studies. L.; N. Y., 1973. V. 3. N 1. P. 1—35; The pretender phenomenon in eighteen century Russia//Past a. present. Oxford. 1975. N 66. P. 61—83.
- ⁴² Подробнее см.: Буганов В. И., Медушевский А. Н. Американские историки о социальной психологии крестьянства России периода феодализма// История СССР. 1986. № 5. С. 205—210.

Прикосновение к истории

- ¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. И. А. Шляпкина. СПб, 1889. Т. I. С. 107—109.
- ² См: Марков А. По следам Разина//Волга. 1978. № 6. С. 159.
- ³ Цветаева М. Соч. Т. 2. М., 1980. С. 389—390.

- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 326.
- ⁵ Подробнее об этом см.: Не миро О. Образ Степана Разина в изобразительном искусстве революционных лет // Искусство. 1976 № 7. С. 31—35; Стригалева А. Степан Разин в искусстве революции // Художник. 1971. № 11. С. 25—29.
- ⁶ Гиляровский В. Избранное. Т. 2. М., 1961. С. 49. См. также: Волга. 1989. № 5. С. 171.
- ⁷ См.: Горький М. Собр. соч. Т. 18. М., 1952. С. 239—281.
- ⁸ См.: Там же. Т. 23. М., 1953. С. 348. Т. 25. М., 1953. С. 273. Т. 27. М., 1953. С. 491.
- ⁹ Горький М. Собр. соч. Т. 25. С. 254.
- ¹⁰ Шукшин В. Вопросы самому себе. М., 1981. С. 104.
- ¹¹ См.: Там же. С. 107. ¹² Там же. С. 104—105.
- ¹³ Там же. С. 175.
- ¹⁴ Там же. С. 251.
- ¹⁵ Цит. по: Капралов Г. 114—115.
- ¹⁶ См.: Никитин В. П. С. 135.
- ¹⁷ Погодин Н. Казаки. М., 1926. С. 8.
- ¹⁸ См.: Степан Разин. Народные песни / Ред.-сост. Н. В. Сорокин. Куйбышев, 1979.

Заключение

- ¹ Олех Л. Г. Цивилизация и революция. Новосибирск, 1989. С. 7.
- ² Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 42—43.
- Талант, совесть и страсть. М., 1988. С. 112, Астрахань и ее окрестности. М., 1982.

ЛИТЕРАТУРА

- Буганов В. И. Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. С. 3—17.
- Буганов В. И. К изучению крестьянских войн в России // Вопр. ист. 1976. № 11.
- Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию чл.-кор. АН СССР А. Н. Бахрушина / Отв. ред. д. и. н. А. А. Преображенский. М., 1984. С. 210—224.
- Иностранные известия о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. — Л., 1975.
- Карцов В. Г. Разницы и раскольники // Вопр. ист. 1977. № 3.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. IV дополнительный / Сост. Е. А. Швецова. — М., 1976.
- Марков А. С. По следам Разина. — Волгоград, 1980.
- Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства в России в XVII—XVIII вв. // Вопр. ист. 1981. № 3.
- Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие. России. М., 1986. С. 62—75.
- Предводители крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. Страницы биографий: Рек. указ. лит.-ры / Науч. ред. и вступ. ст. д-ра ист. наук, проф. В. И. Буганова. — М., 1979.
- Пронштейн А. П. Роль донского казачества в крестьянской войне под предводительством Степана Разина: (к историографии вопроса) // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 155—173.
- Рындзюнский П. Г. Об идейной стороне крестьянских движений // Вопр. ист. 1983. № 5.

- Сахаров А. Н. Степан Разин. 2-е изд., доп. (Жизнь замечательных людей). — М., 1987.
- Соловьев В. М. Поход за утраченной волей. — М., 1990.
- Соловьев В. М. Славная воительница//Волга, 1989. № 10.
- Соловьев В. М. Степан Разин и его время. — М., 1990.
- Соловьев В. М. Фрол Разин//Вопр. ист. 1986. № 4.
- Степанов И. В. К вопросу о движущих силах крестьянской войны 1670—1671 годов в России//Науч. тр. Тюмен. ун-та. Сб. 8. Тюмень. 1975. С. 3—11.
- Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Разин и разницы на мордовской земле. — Саранск, 1986.
- Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. — М., 1988.

* Приведена основная литература, вышедшая после 1974 г. Сведения о работах, опубликованных ранее, см. в указанной библиографии М. Н. Сменцовского и в библиографии, включенной в книгу «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения» (М., 1974).

Владимир Михайлович Соловьев
 Современники и потомки о восстании С. Т. Разина
 Редактор *В. А. Калашиников*
 Худож. редактор *Е. А. Ионова*
 Техн. редактор *Ю. В. Михалева*
 Корректоры *Т. С. Боровеева, Т. В. Алтабаева, Е. В. Колчина*
 ИБ № 716

Сдано в набор 17.12.90 г. Подписано в печать 29.04.91 г. Формат 60X90 1/16.
 Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5.
 Усл. кр.-отт. 10,88. Уч.-изд. л. 1-1,54. Тираж 15000 экз. Изд. № 2207. Заказ 328.
 Цена 3 р. 20 к.

Издательство Университета дружбы народов 117923 ГСП-1, Москва, ул. Орджоникидзе, 3

ПП «Чертановская типография» Мосгорпечать. 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а